

БАЙКИ И БЫЛИ 2

НИИГА - ВНИИ ОКЕАНГЕОЛОГИЯ

(1948 – 2009)

В ЦВЕТНОЙ КОМПОЗИЦИИ, ПРИВЕДЕННОЙ НА ОБЛОЖКЕ ПО МОТИВАМ ИЗВЕСТНОЙ КАРТИНЫ

В.Г.ПЕРОВА «СЦЕНА У ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ» (1868 Г.) (СЛЕВА НАПРАВО):

СОЧУВСТВУЮЩИЕ ВЕТЕРАНЫ АРКТИЧЕСКОЙ ГЕОЛОГИИ *Т.М.ПЧЕЛИНА* И

Э.Н.ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ,

АВТОРЫ И СОЗДАТЕЛИ СБОРНИКА *А.Н.СИРОТКИН, О.И.СУПРУНЕНКО, Н.М.СТОЛБОВ,*

Т.Ю.МЕДВЕДЕВА* (У ШЛАГБАУМА), *Е.Г.ЕРЕМИНА* (ТАМ ЖЕ, СИДИТ) И *БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

*Посвящается 60-летию
Научно-исследовательского института
Геологии Арктики (НИИГА) –
ныне ВНИИОкеангеология*

БАЙКИ И БЫЛИ-2

НИИГА - ВНИИОКЕАНГЕОЛОГИЯ

(1948 – 2009)

Редактор: Супруненко О.И.

Компьютерная обработка:

Медведева Т.Ю.
Еремина Е.Г.

© Отдел нефтегазоносности Арктики и Мирового океана
E-mail: onaimo@centurion.vniio.nw.ru

Санкт-Петербург
2010

От редактора

Когда схлынула эйфория от того, что удалось осилить выпуск «Баек НИИГА-ВНИИОкеангеологии (1948-2008)», наступило время подумать и о результатах проделанной работы. И выяснилось, что работа эта оказалась интересной и затронула за живое собратьев-геологов, не захотевших или не сумевших поучаствовать в «Байках». При этом почти все читатели (а их было довольно много, поскольку, кроме бумажной версии и компакт-дисков, байки можно было прочесть в интернете, где их вывесил на своем сайте *Е.А.Гусев*) уловили основную идею выпуска – прикрываясь порою шутками-прибаутками, выразить свое восхищение профессией геолога, природой Арктики и – главное – своими выдающимися предшественниками и современниками. Журналисты и артисты в подобных случаях о своих кумирах говорят «гениальный», «великий», но геологи – люди скромные. Так вот наши выдающиеся коллеги, далеко не всегда будучи ангелами (или обычно не будучи ими) вдохновенно делали главное дело своей жизни – постигали геологию Арктики, предсказывали, искали и находили ее полезные ископаемые, часто не обращая внимания на условия работы. И у нас потихоньку оформилась мысль: продолжить выпуск «Баек» и, поскольку и в первом выпуске, помимо баек, были и самые суровые воспоминания (например, рассказ *В.И.Бондарева* о первых годах работы на Новой Земле), назвать новый сборник «Байки и были-2» (уйти от влияния Голливуда не удалось). И вспомнить в нем о тех людях, годах работы и местах, которые были обойдены в первом выпуске. Появились новые авторы – *В.А.Басов*, *Н.С.Бондаренко*, *В.Я.Кабаньков*, *Г.Н.Карцева*, *Б.Г.Лопатин*, *Р.Ф.Соболевская* – ветераны с арктическим стажем по 50-60 лет, и более молодой *Ю.Г.Самойлович*. Да и авторы первого выпуска – *К.Н.Белоусов*, *А.Н.Сироткин*, *В.И.Устрицкий* решили не уступать завоеванных рубежей. И, конечно, большой и приятной неожиданностью стал телефонный звонок ветерана-геофизика ВИРГа *Галины Анатольевны Генко*. Она предложила опубликовать воспоминания нашего коллеги *Л.А.Чайки* о его работе на Таймыре в 1946-1947 г.г. Эти воспоминания долгие годы хранились в семье Леонида Андреевича, умершего в 1985 г., и были подготовлены к печати *Г.А.Генко* и дочерью *Л.А.Чайки* – *Еленой Леонидовной Дьяконовой*. Огромное спасибо *Галине Анатольевне*, *Елене Леонидовне* и вдове *Л.А.Чайки Любови Павловне* за то, что эти воспоминания дошли до нас и наших читателей.

Опыт первого выпуска также показал, что хорошая фотография порою говорит о времени, людях и природе Арктики больше, чем слова. Поэтому было решено в этот сборник включить подборки фотографий из архивов *К.Н.Белоусова* и *Н.С.Бондаренко*.

И последнее. На каких читателей мы рассчитываем? Надеемся, что «Байки и были» с интересом прочтут не только авторы и их коллеги во ВНИИОкеангеологии и других геологических организациях, но и все, кому интересно, как осваивалась Арктика, изучался ее минерально-сырьевой потенциал, который, хочется верить, будет впредь служить всему нашему народу еще долгие годы. И, конечно, хотелось бы, чтобы с этими воспоминаниями познакомилось молодое поколение геологов-геофизиков.

«Да ведают потомки православных^{*}
Земли родной минувшую судьбу...»

О.И.Супруненко

^{*} Сегодня Поэту, в духе толерантности, пришлось бы добавить «и представителей других конфессий»

Содержание

<u>БАСОВ В.А.</u>	8
Мой первый год в НИИГА	
<u>БЕЛОУСОВ К.Н.</u>	17
Ледниковая весновка	
Арктическая пустыня	
Почти последний рейс	
Охота – зов предков	
Пески беломорские	
Это было недавно – это было давно	
Арктика, ее исследователи, их будни (из фотоархива К.Н.Белоусова)	
<u>БОНДАРЕНКО Н.С.</u>	39
Как я попала в Арктику и геологию	
Кто же мы такие?	
Без фото Белого отсюда не уеду	
Не боги горшки обжигают	
Не трогайте! У меня мозги лезут!	
О вреде улыбок	
Опять створы не на тот берег поставили!	
Диалог в картсправ бюро (КСБ)	
Мастер-да-мастер	
Когда спишь на ходу	
Станный вы народ, геологи!	
Фольклор	
Коротко о разном	
Арктика день за днем, сезон за сезоном (из фотоархива Н.С.Бондаренко)	
<u>ЗИНЧЕНКО А.Г.</u>	91
Стихи о морской энциклопедии	
<u>ИВАНОВА Т.К.</u>	92
Юбилейные	
К 50-летию института	
Олегу Шулятину на 70-летие	
Сергею Ивановичу Андрееву на юбилей	
Николаю Константиновичу Шануренко на юбилей	
Гимн памяти	
Праздничное	
<u>КАБАНЬКОВ В.Я.</u>	95
О моей работе в Биректинской экспедиции	
О ловле рыбы на р. Колыме	
<u>КАРЦЕВА Г.Н.</u>	102
Мой путь в геологию	
Невосполнимая потеря	

Лапти
Варенье
Бредень

КОСЬКО М.К. 105

В Канаде все, как у людей

ЛОПАТИН Б.Г. 107

Биректинские шутки (1957-58 г.г.)

САМОЙЛОВИЧ Ю.Г. 109

Избранные моменты экспедиционных впечатлений и курьезы

1. Дальний Восток. Корякская экспедиция. 1958 г.
2. Сибирская Субарктика. Усть-Енисейская экспедиция. 1959 г.
3. Высокоширотная Арктика. Экспедиция в Карском море. 1973-1976 г.г.

СИРОТКИН А.Н. 123

Шпицбергенская бывальщина

С легким паром!

Данке шён!

Ответ *Ю.Я.Лившицу* на его послание к 35-летней годовщине Шпицбергенской партии

В осаде

Абакумовские байки

Сковородка

Кувалда

В речке

Икра

Экибана

Ящички

СОБОЛЕВСКАЯ Р.Ф. 136

Уроки русского языка

Моя рыбалка с *Федором Григорьевичем Марковым* и

Николаем Николаевичем Урванцевым

Охота на гуся

СТОЛБОВ Н.М. 141

Диагноз - возрастное (или «как молоды мы были»)

СУПРУНЕНКО О.И. 143

На такси по Южной Норвегии

О рангах и категориях в геологии

УСТРИЦКИЙ В.И. 147

Дороги военных лет

Дорога в блокаду

Дорога домой

Горный институт

Полярная авиация

Судьбы людские
Два начальника экспедиции
Канадский геолог в Китае
Необычный оленевод
Новая Земля
Хозяин Новой Земли
Медведи Новой Земли
Байки наших предков

ЧАЙКА Л.А.

165

Таймыр. Маршруты (1946 - 47 г.г.)
Из воспоминаний о службе в армии в 1940 г.

СТЕНДЫ ОФИЦИАЛЬНЫЕ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ, ЮБИЛЕИ И ПР.
(ИЗ ФОТОАРХИВА ОТДЕЛА НЕФТЕГАЗОНОСНОСТИ АРКТИКИ И МИРОВОГО ОКЕАНА – ОНАИМО)

208

Мой первый год в НИИГА

1957 г - самый памятный в моей жизни... Год окончания Ленинградского Университета и напряженного поиска работы, определившей дальнейшую судьбу: удачный выбор позволил, в конце концов, найти свое направление в многогранной науке геологии, которой я, ещё девятиклассником, заинтересовался из чисто романтических побуждений, мечтая лишь о путешествиях в горы и жаркие страны. Этот же год памятен и Международным фестивалем молодежи и студентов в Москве, куда отправилась наша студенческая троица - *Игорь Каменцев*, *Сергей Шульц* и я. Мы с Игорем устроились в дешевой гостинице ВДНХ, а Сергей поселился в семье своих друзей - Маршаков. На самые интересные мероприятия - концерты, спектакли, встречи - ходили вместе. Сергей, владевший французским, сразу сошелся со многими именитыми гостями и сумел доставать нам билеты на всё самое важное в культурной программе фестиваля. А удивительная для тех лет непринужденная праздничная атмосфера на выставках, концертах, в парке культуры и отдыха им. Горького, просто на улице запомнилась на всю жизнь.

В этом же году мне посчастливилось познакомиться с замечательным ученым и человеком - *Владимиром Николаевичем Саксом* и стать сотрудником его отдела. Это имя я впервые услышал весной 1957 г. на пятом курсе Университета от своего сокурсника *Володи Похиалайнена*. Он уже два года подрабатывал на полставки техника в Институте Геологии Арктики, выезжал летом на Восточный Таймыр с полевым отрядом *Игоря Сергеевича Грамберга* и считался среди друзей, грезивших в то время жаркой Средней Азией, Саянами или горами Кавказа, мужественным полярником-первопроходцем. Все высказывания Володи об этих двух геологах - *Грамберге* и *Саксе*, а также о коллективе, в котором ему довелось работать, были лишь в превосходной степени. И хотя прежде я никогда не задумывался о возможности работы в Заполярье, слова Поха (так мы все называли Володю в своем кругу) запали в сознание и когда перед распределением на работу я услышал, что он решил ехать в Магадан, а на его место Сакс готов пригласить кого-нибудь из нашего выпуска, то не колебался ни минуты.

И вот в один великолепный весенний день мы с Володей отправились в НИИГА. Институт расположился в старом княжеском особняке на набережной Мойки, напротив копящего корпуса судостроительного завода. После хорошо знакомого большинству студентов геолфака огромного здания ВСЕГЕИ с его великолепным вестибюлем и лестницей, украшенной поднимающейся в бесконечную подкупольную высь колоннадой, с его просторными кабинетами и высоченными потолками, особняк показался маленьким и тесным. Мы поднялись на второй этаж, прошли узким пыльным коридором, заставленным шкафами для геологических образцов, и вошли в кабинет. Небольшое помещение, в которое умудрились втиснуть пять письменных столов и два книжных шкафа, заливал яркий солнечный свет. Человек, сидевший за столом у окна, полуобернулся в нашу сторону, я заметил внимательный, улыбчивый взгляд больших, под стеклами очков, темных глаз, тонкое худощавое лицо, удлинённый нос, чуть оттопыренные уши и сразу понял, что это *Сакс*, - во всем его облике было что-то неотразимо располагающее, притягательное. В комнате находились еще один пожилой сотрудник и средних лет черненькая женщина с густой челкой на лбу, тут же погрузившиеся в работу. Володя представил меня и поспешил уйти, сказав что ему надо ещё повидать *Алексея Александровича Герке*, пока тот не ушел. Владимир Николаевич стал расспрашивать меня о дипломной работе, производственных практиках в экспедициях, поинтересовался, слушал ли я курс стратиграфии мезозоя у *Григория Яковлевича Крымгольца*. Узнав, что диплом я писал по стратиграфии и девонским фораминиферам Южного Урала под руководством *Андрея Дмитриевича Миклухо-Маклая* и

по собственным полевым материалам, удовлетворенно кивнул и стал рассказывать о направлении тематических работ его отдела. Голос у Владимира Николаевича был высокий, негромкий, довольно резкий, он говорил несколько неуверенно, как бы тушуясь, задавая вопросы и размышляя, но при этом четко формулировал мысли. Уже позже я понял, что в манере говорить ярко отражалась тонкая интеллигентная натура этого человека, отсутствие какой-либо самоуверенности и глубокие, казавшиеся тогда безграничными познания. Из беседы я узнал, что группа, в которой мне предстоит работать, будет выезжать на полевые работы в район Хатанги, изучать разрезы юры и мела, разрабатывать стратиграфические схемы для геологической съемки и корреляции нефтяных скважин. В группе уже есть специалисты по аммонитам, спорово-пыльцевому анализу, литологии и теперь Владимир Николаевич хотел бы включить в нее и специалиста по фораминиферам, - «Вам предстоит работать, - заключил он нашу беседу, - в лаборатории Алексея Александровича Герке». Так я второй раз в тот день услышал имя человека, вскоре ставшего моим Учителем, щедро поделившимся искусством определять мельчайшие и бесконечно разнообразные раковинки мезозойских фораминифер (при работе над дипломом я изучал только срезы раковин фораминифер в шлифах).

Через несколько дней Андрей Дмитриевич Миклухо-Маклай, профессор нашей кафедры, сказал мне с присущей ему иронией: - «Вчера приходила сотрудница института Геологии Арктики, интересовалась Вашей работой, учебой и почему-то человеческими качествами. Пришлось взять грех на душу и не говорить о Вас ничего плохого». *Наталья Иосифовна Шульгина*, а это она приходила к Миклухо-Маклаю, спустя годы с удовольствием вспоминала все обстоятельства моего появления в НИИГА. Оказалось, что сидевшая в кабинете Владимира Николаевича женщина с черной чёлкой - техник *Виргиния Карловна*, едва я вышел за дверь, воскликнула: «Владимир Николаевич, кого Вы берете в отдел! Да он же стилияга! А они умеют только по Невскому фланировать». Поводом к такому эмоциональному всплеску послужили мои узкие, по тогдашней моде, брюки и пёстрый чешский пиджак. Владимир Николаевич посмеялся, передавая этот разговор Натальи Иосифовне, но все же попросил ее сходить в Университет и поговорить с руководством кафедры...

Короче говоря, вопрос с моим приглашением на работу к В.Н.Саксу был решен положительно и в отделе кадров мне выдали ходатайство перед Министерством геологии и охраны недр о направлении выпускника Университета на работу в НИИГА. В те годы каждый выпускник еще до окончания ВУЗа, в марте-апреле месяце, получал распределение на работу. Я такое распределение получил в «Ленгидропроект», подчиненный Министерству электростанций. Предчувствуя, в связи с этим, трудности с устройством на работу в учреждение другого Министерства, я нашел для «Ленгидропроекта» замену - выпускника кафедры гидрогеологии *Ивана Щербинина*, более подходящего для этого проектного института и тоже поучившего оттуда соответствующее ходатайство. С этими бумагами мы и отправились в Москву. Первый визит - в Министерство геологии. И первые потрясения от встречи с чинушами. Мы потратили целый день в ожидании приема и получили обратно брезгливо отброшенное ходатайство института, услышав процеженное сквозь зубы: - «Что это? Ткаченко не знает, что прием на работу выпускников закончен?». Особенно неприятно было слышать пренебрежительный тон по отношению к директору столь уважаемого в среде геологов института. Следующий визит - в Министерство электростанций, в то время возглавляемое отставленным с должности Предсовмина *Г.М.Маленковым*. Мы быстро были приняты в отделе, ведающем молодыми специалистами, и получили дельный совет: - «Ступайте в Министерство Высшего образования, только там могут поменять Вам места работы, а еще лучше, если выдадут справки о свободном распределении. В этом случае директора смогут взять Вас на работу без указания

Министерства». Так мы и поступили. Справки были получены. В тот же день мы отбыли в Ленинград, а на следующий день *Борис Васильевич Ткаченко* подписал мое заявление о приеме на работу.

Первое несколько мрачное впечатление, оставленное при предыдущем визите, занимаемым НИИГА помещением, быстро развеялось и я полюбил его коллектив, тесные кабинеты и лаборатории сразу и навсегда. Заведующий лабораторией микрофауны, в которую меня определили младшим микропалеонтологом, *Алексей Александрович Герке* был при внешней сдержанности и суховатости открытым, доброжелательным человеком с глубоким разносторонним образованием и широкими взглядами на науку и культуру. Его «кабинет», в котором размещались и все сотрудники лаборатории, а также отгороженный шкафами стол начальника отдела палеонтологии *Николая Александровича Шведова*, находился напротив кабинета Владимира Николаевича, поэтому первые два года, пока Владимир Николаевич не уехал в Новосибирск, я имел удовольствие общаться со своими двумя «шефами» практически ежедневно. Надо сказать, что они относились друг к другу с огромным уважением и дружеской теплотой, которую можно было уловить только в их высказываниях друг о друге с третьими лицами, при встречах же они всегда были сдержанны и подчеркнуто вежливы, разговоры были непродолжительны и касались только научных вопросов. Надо сказать, что Владимир Николаевич никогда по своей инициативе не отвлекался от строго научной темы разговора, но если это делал его собеседник, особенно собеседница, то он с удовольствием переходил на отвлеченные темы о волнующих всех событиях, впрочем, больше слушая и вставляя лишь отдельные реплики. Когда же появлялась возможность, он быстро переводил разговор в так нужное ему деловое русло: «Ну ладно, это все интересно, но как же мы поступим с Вашим определением, Наталия Иосифовна, все-таки здесь больше данных за келловейский возраст...».

В то время дисциплина в институте была строгой и в половине десятого большинство сотрудников находилось на своих местах. Опоздававших периодически отлавливали инспекторы отдела кадров, отобранные у них пропуска ложились на стол начальнику отдела для принятия мер. Когда мне случалось опоздать, я всегда говорил, что работаю в отделе Сакса (хотя фактически числился в отделе Шведова) и пропуск поступал к нему. В кабинете Владимир Николаевич, смущаясь, как будто это он, а не я опоздал на работу, молча показывал глазами на пропуск, давая понять, что его надо поскорее отсюда забрать.

Как во всяком учреждении, центром притяжения в минуты отдыха становилась курилка. Такие курилки были на лестничных площадках каждого этажа и в каждой был свой лидер. На нашем этаже душой курилки был *Сергей Троицкий*, этажом ниже, где находились кабинеты геофизиков, некурящий *Саиша Городницкий*, в подвальном этаже - *Азарий Эльяшев*, а на втором этаже лабораторного корпуса - *Наташа Шульгина*. Стоило им выйти на площадку, как сразу начинался оживленный разговор и смех, курящий и не курящий народ постепенно подтягивался, чтобы услышать или рассказать свежий анекдот, отвлечься трепом. К С.Л.Троицкому обычно присоединялась *Калерия Федоровна Невская*, высокая худощавая дама, талантливый инженер-оформитель, создатель множества шаржей на наших ученых (один из них и ныне висит в зале Ученого Совета), остроумный человек и заядлый курильщик. Когда оба были в ударе, то хохот на площадке становился гомерическим. Заразительнее всех смеялся *Михаил Кузмич Калинин*. К моменту моего появления в институте этот старый полярник (во время войны он был главным геологом Нордвикской экспедиции Главсевморпути) уже переехал в Москву, но часто приезжал в НИИГА, где работал в начале 50-х годов и где оставались его друзья и коллеги по Заполярью. О его появлении в институте сотрудники узнавали по своеобразному

раскатистому смеху, обычно сопровождавшему его шаги по коридору («О, Калинин приехал!» сразу оживлялся редко отрывавшийся от микроскопа Герке).

Начались рабочие будни. Надо было изучить уникальную Нордвикскую коллекцию мезозойских фораминифер *А.А.Герке* и *А.Г.Шлейфер*, Усть-Енисейскую коллекцию *Н.В.Шаровской*, ознакомиться с литературой по стратиграфии мезозоя. В то время библиотека НИИГА получала практически всю новую книжную и журнальную литературу по геологии и палеонтологии, в том числе зарубежную. Каждый понедельник большое число новинок выставлялось «на выкладке» и молодые сотрудники устремлялись с утра в библиотеку, чтобы первыми записаться в очередь и получить новинки прошлой недели. Наши рабочие столы были завалены книгами и журналами, при этом приходилось их просматривать и при необходимости конспектировать очень быстро, т.к. литература с выкладки выдавалась только на 10 дней и библиотекари строго следили за соблюдением сроков.

Новая работа быстро увлекла меня. Отлаженная в лаборатории *А.А.Герке* система обработки образцов при трех помощниках-лаборантах позволяла быстро провести техническую обработку породы и выделить всегда удивлявшие меня разнообразием форм микроскопические раковинки фораминифер. Первичную обработку (дробление, кипячение и отмывку от глинистых частиц) проводила *Таня Кузнецова*, а над отбором раковин из осадка трудились *Ася Семеновна Певзнер* и *Вера Назарьевна Степанова*. Крохотная «отмывочная» комната без окна находилась в подвальном этаже главного корпуса, долго пребывать в таком помещении было невозможно, и Таня, поставив на кипячение очередную партию образцов, переходила в соседнюю мацерационную лабораторию, обслуживавшую палинологов, где командовал острослов и балагур *Аркадий Эльяшев*. Он работал у нас инженером - методистом, постоянно ставя какие-то опыты по консервации спор и пыльцы, бегал по разным химическим учреждениям, добывая необходимые для работы химикаты. Основным увлечением Эльяшева был туризм (тогда в это понятие вкладывался совсем иной смысл, чем ныне). Не без его влияния я поступил на курсы туристов-организаторов и в зимние месяцы мы подрабатывали на «Лыжной стреле», сопровождая лыжников в 5-ти - 10-ти километровых маршрутах по Карельскому перешейку, в Шапках и других, подходящих для лыжных прогулок местах Ленинградской области.

Прошла зима, началась подготовка к полевому сезону 1958 года. На этот период главным лицом в партии стал наш техник *Ефим Юдовный*, очень контактный и быстро вызывающий симпатию студент-заочник географического факультета ЛГУ, работавший на Балтийском торговом флоте, побывавший в заграничных плаваниях и помнивший множество «моряцких» баек. Как человеку практичному, с житейским и полевым опытом в Арктике, ему поручили организацию полевых работ на реке Анабар и в Анабарской губе. Он занимался получением полевого оборудования и снаряжения, водил нас на склады для примерки меховых курток, шапок-ушанок, резиновых сапог. Уже в начале мая Ефим с мотористом *Сашей Суворовым* улетели в Саскылах, районный центр на р.Анабар, чтобы на месте подготовить транспорт, закупить продукты, нанять рабочих.

И вот наступил долгожданный июнь. Владимир Николаевич, Наталия Иосифовна Шульгина и я летим в Москву, в Шереметьево, оттуда со всем скарбом перебираемся на аэродром Полярной авиации. Маленькие здания наземных аэропортовых служб, заросшее травой поле, старенький ЛИ-2 на нем, - всё это мало вязалось с моим представлением об аэродроме, с которого стартовали в знаменитые полеты в Арктику, на Дальний Восток и на Северный полюс великие летчики Чкалов, Громов, Водопьянов, Мазурук. Владимиру Николаевичу здесь все было знакомо: он, имевший тогда звание инженер-капитан I ранга Главсевморпути, не первый раз отправлялся в Арктику с этого аэродрома, поэтому мы

быстро получили разрешение загрузить багаж в самолет и, ничем не связанные, смогли побродить по окрестностям. Это теперь можно без посадки за 5 часов долететь до Хатанги. Тогда было несравнимо дольше, труднее и интереснее. Самолет летел низко, я прильнул к иллюминатору, пытаюсь определить, где мы пролетаем. Внизу проплывают облака, под ними небольшие городки, поселки. Часа через полтора показалась гладь большого озера. Уж не Онега ли? Самолет начинает снижаться, разворачивается, посадка. Читаю на крыше небольшого здания аэропорта: «Череповец». Значит, пролетали Рыбинское водохранилище и до Арктики еще очень далеко. К вечеру долетели до Архангельска и там заночевали в маленькой уютной аэропортовой гостинице. К концу следующего полетного дня в разрыве облаков показались черные голые скалы, местами припорошенные снегом, и вскоре самолет приземлился на военном аэродроме Амдерма. С Карского моря дул пронзительный холодный ветер, по краям взлетной полосы лежали сугробы еще не растаявшего снега... Мы были в Арктике. Следующая ночевка в знаменитом арктическом порту Диксон. Запорошенные снегом холмы и скалы, чистые разбросанные по склонам дома, в порту стоят еще вмерзшие с зимы суда...

А на следующий день мы оказались в Хатанге. Вокруг аэропорта зеленела под весенним солнцем лесотундра: небольшие, чуть выше человеческого роста лиственницы, карликовый кустарник, трава. Через 15 минут мы уже были на базе Института Геологии Арктики - утопающем в оттаявшей липкой грязи маленьком домике на две комнаты с двухэтажными нарами. Рабочий и сторож базы, худощавый молодой парень, имевший прозвище "сто грамм с килечкой", уже запрягал лошадь и мы с ним отправились обратно за грузом. Положенные сто грамм, превратившиеся в пол-литра, он хорошо закусил привезенными нами колбасой и свежими огурцами, после чего стал распространяться о достоинствах вверенной ему лошади и готовности идти завтра с нами на рыбалку. Рыбалки не получилось, хотя до отлета в Саскылах оставалось несколько свободных дней. Владимир Николаевич разбудил нас в половине восьмого утра, напомнив, что столовая утром работает до девяти, предложил быстро идти на завтрак. Мы с Наталией Иосифовной никак не могли взять в толк, почему надо вставать, когда по привычным нам "внутренним" часам была глубокая ночь и совсем не хотелось есть. Все стало ясным после завтрака. Владимир Николаевич, бодрый и, как казалось, хорошо выспавшийся, намеревался осмотреть обнажения меловых отложений по реке Хатанга. Мы взяли молотки, рюкзаки и отправились с ним в первый маршрут. В береговых обрывах обнажались однообразные светлые косослоистые пески с прослоями глинисто-алевритовых пород и конкрециями известковистого песчаника. Владимир Николаевич стал объяснять нам, что это верхняя часть разреза меловой угленосной толщи, что возраст ее не вполне ясен, поэтому очень важно было бы найти здесь остатки флоры и взять образцы на спрово-пыльцевой анализ. Этой работе мы и посвятили остаток первого полевого дня, который, вероятно, продлился бы до полуночи, так как Владимир Николаевич на разрезах не замечал времени. К счастью, Наталия Иосифовна, уже зная эту особенность шефа, вовремя напомнила ему, что столовая закрывается в восемь вечера, и нам грозит пропустить не только обед, но и ужин.

Через несколько дней маленький АН-2 доставил нас в Саскылах. Здесь уже все было подготовлено Ефимом Юдовным к выезду в поле: рыбацкая лодка с мотором, бочка с бензином, палатки, продовольственный запас, мальчик-якут, нанявшийся поваром, была и договоренность с местным начальством о выделении нам в поселке Урдюк-Хая, что в устьевой части Анабара, оленей с каюрами для поездки на полуостров Пахса.

Первый полевой лагерь на Анабаре. Слева направо: *В.А.Басов, Е.Г.Юдовный, В.Н.Сакс, Н.И.Шульгина*, повар Валерий из пос. Саскылах, моторист Александр

6 июля, в солнечный, по летнему жаркий день мы начали сплав по большой сибирской реке Анабар к ее устью. Началась рутинная работа геологов с описанием обнажающихся по берегам реки осадочных слоев, отбором образцов пород на всевозможные анализы, поиском и сбором окаменелостей для датировки возраста отложений. Постепенно, по мере сплава, позади оставались притоки Анабара: Яков, Средняя, Половинная, Содиёмыха, по которым мы совершали пешие маршруты и на берегах которых также обнаружили выходы пород юрского возраста, позволившие составить в результате полный разрез осадочных отложений юры.

Продолжая спуск по Анабару, мы вскоре вступили в область распространения отложений раннемелового возраста. Здесь нам удалось выявить и описать перерыв, разделяющий отложения юрской и меловой систем, и впервые собрать богатую коллекцию морских ископаемых из отложений верхней части берриасского и, особенно, валанжинского ярусов, положенную в основание зонального расчленения неокома Арктики. Эту коллекцию нам подарили, ставшие широко известными и ныне часто посещаемые геологами обрывы Климовский Утес, Харабыл-Хаята, Кюрют-Хаята.

Две вещи запомнились особенно отчетливо - жаркий и душный июль с круглосуточно палящим солнцем и плотная завеса нестерпимо активных комаров, заставлявших плотно кутаться в брезентовые куртки, надевать накомарники, под которыми пот и духота доводили до иступления. Лишь в последние дни июля, по мере приближения к устью Анабара и ледовитому морю Лаптевых, жара стала спадать, и мы, поставив лагерь неподалеку от поселка Урдюк Хая, решили немного расслабиться, тем более, что назавтра нам предстояло отметить день рождения *Ефима Юдовного*. Тут же у лагеря появились жители поселка, один из них оказался учителем школы, который очень заинтересовался нашими исследованиями и предложил перебраться из палатки в помещение школы. Мы не

отказались и оказались в большой классной комнате, где удобно расположились на предоставленных нам раскладушках.

На следующий день, 1-го августа, для празднования дня рождения пришлось обратиться к неприкосновенному запасу спирта, так как в магазине не оказалось ни капли спиртного - «сох!», как говорили аборигены. И тут проявились большие винодельческие таланты Натальи Иосифовны: были закуплены конфеты-подушечки и кофе, из которых приготовлены чудесный пунш и кофейный ликёр. На пунш вовремя подоспел учитель с кем-то из поселковых начальников. И тут мы узнали последнюю международную новость - в территориальные воды Ливана вошли американские военные корабли с целью подавить вооруженное восстание ливанских трудящихся. По этому поводу из Саскылаха прибыло районное партийное начальство, и в клубе жители собираются на митинг протеста якутских оленеводов. *Владимира Николаевича Сакса* как начальника геологической партии и уважаемого профессора из большого города попросили выступить на митинге. Это обстоятельство не помешало нам предварительно произнести несколько тостов за здоровье Ефима Григорьевича, после чего все дружно направились в клуб. Начало митинга задерживалось из-за отсутствия гостей, но с нашим появлением секретарь райкома вышел на трибуну и произнес вводную речь, после чего предоставил слово Владимиру Николаевичу. Помнится, что Владимир Николаевич счел необходимым популярно ознакомить присутствующих с географией, народонаселением и историей борьбы за независимость этого средиземноморского государства, после чего, в духе времени, заклеил позором американских агрессоров.

По всей вероятности, начальство из Саскылаха прибыло на митинг не с пустыми руками, потому что ночью к нам опять пожаловали гости во главе с учителем, долго извинялись, но вынудили нас подняться и еще раз выпить с ними, на этот раз за победу ливанского народа.

Продолжив спуск по Анабару, мы вскоре вышли на угленосные континентальные отложения нижнего мела, верхнюю часть которых наблюдали в нашем первом маршруте в пос. Хатанга. Стоял август - время, когда на арктическом побережье начинает портиться погода, а нам еще предстоял многодневный бросок на оленях по тундре к заманчивым обрывам мыса Урдюк-Хая на п-ве Пахса в море Лаптевых, где по данным известного арктического геолога *Тихона Матвеевича Емельянцева* вскрывается непрерывный разрез в морских фациях от верхней юры до валанжина. Владимир Николаевич принял решение оставить меня с поваром-якутом в устье р.Суолема, чтобы закончить описание выходов угленосных отложений по ее берегам и дожждаться подхода оленей, а сам с Наталией Иосифовной и Ефимом отправился на моторной лодке через Анабарскую губу осмотреть почти не

изученные обнажения её восточного берега. Погода установилась ясная, ветреная и прохладная, комары исчезли и я три дня наслаждался удивительной тишиной и покоем, разлитыми в такие дни над безбрежными просторами тундры. Вскоре возвратился

Владимир Николаевич со своим отрядом, подошли каюры с оленями, я вновь воссоединился с нашим отрядом, а моторист с лодкой, поваром и бочкой бензина остались дожидаться нашего возвращения. Итак, олени запряжены в зимние сани, которые обладают способностью летом неплохо скользить по мокрой травянистой тундре, на санях минимум груза, рассчитанного на недельное пребывание на побережье сурового моря Лаптевых, два каюра и мы, одетые уже по-зимнему, возлежим на грузе.

В.А. Басов и Е.Г.Юдовный в маршруте по берегу Анабарской губы

По дороге мы описали интересный разрез нижней части юры и ее контакт с триасом в районе мыса Аиркат, для чего пришлось остановиться на несколько дней в устье р. Гуримиской. Когда мы уже были готовы к дальнейшей поездке, выяснилось, что олени ушли далеко в тундру, и каюрам потребовалось два дня, чтобы всех собрать вместе, потом ловко поймать каждого, набросив на рога веревочную петлю - аркан. Владимир Николаевич очень нервничал из-за задержки, так как холодало с каждым днем и успех важнейшего этапа нашей работы оказывался под вопросом. Зато последний переход к мысу Урдюк-Хая оказался стремительным: утренний морозец и небольшой снегопад сделал и тундру скользкой для оленьих нарт, и те пробежали прытко и без устали весь путь.

Неделя, проведенная на полуострове, показала, что здесь действительно находится уникальный разрез по полноте и непрерывности обнажающихся слоев, богатых ископаемыми, и охватывающий стратиграфический интервал от оксфордского до валанжинского ярусов. Это означало, что в одном береговом обрыве, в непрерывной последовательности, можно изучить переход от юрской к меловой системе с охватом интервала в пять геологических веков! Единственное, что озадачивало, это оставшиеся с прошлой зимы снежники и наледи на обрывах, скрывающие часть разреза, интенсивно подтаивающие и потому опасные для работы над и под ними (на наших глазах они не раз обрушивались на бечевник и в воды залива). Кроме того, стало ясно, что приезжать на этот

разрез нужно с хорошей экипировкой, с заброской сюда морским судном. Наша «оленья» вылазка привела к тому, что мы вынужденно вчетвером спали в крошечной двухместной палатке, поставленной над обрывами в болотистой тундре, из которой под грузом наших тел в палатку поступала вода. Здесь же мы готовили еду на единственном примусе и согревались горячим чаем после каждой вылазки для работы на береговых обрывах под почти непрерывным дождем со снегом. Более серьезную работу на этом разрезе нам удалось повторить в 1968 г, опубликовать его послойное описание, а после изучения и описания собранных ископаемых он вошел в число лучших опорных разрезов мезозоя в нашей стране и теперь почти каждый год посещается геологами, постоянно обогащающими стратиграфию пограничных слоев юры и мела новыми открытиями. Кстати, потепление климата в Арктике сделало свое дело - теперь этот разрез весь август свободен от наледей.

В заключительном геологическом маршруте в последних числах августа мы пересекли полуостров Пахса и вышли на восточное побережье Нордвикского залива. Пронзительный ледяной ветер накатывал волну на обнажения, сёк лицо снежными зарядами и солеными брызгами. Я вглядывался в его казавшийся безбрежным простор, пытаюсь увидеть на противоположном берегу сопку соляного купола, буровую вышку и домики знаменитого арктического поселка Нордвик - центра Нордвикской нефтяной геолого-разведочной экспедиции Главсевморпути, в тяжелые годы войны бурившей скважины и проводившей научные исследования, проложившие путь к будущим открытиям нефти в Арктике и давшей бесценные материалы, осмыслением которых занимались ученые нашего института. Снежно-дождевая завеса скрыла этот призрачный поселок, который до сих пор значится на географических картах, но которого нет в действительности с тех давних пор, как его покинули буровики и геологи. Полевой сезон закончился, пора было собираться домой - исполнился ровно год моей работы в НИИГА.

Ледниковая весновка

За 12 лет работы на о. Шпицберген мне пришлось трижды сменить профиль работы. Первые три года участвовал в геологической съемке с акцентом на поиски углей. Маршруты были не из легких, т.к. состояли почти из ежедневных горных восхождений от ноля до тысячи метров с неизменным рюкзаком, набитым образцами. Тем не менее это была живая, интересная работа в самых различных частях архипелага, в составе маленького дружного отряда во главе с ветераном войны и геологии *А.И.Пановым* – светлая ему память.

Затем начался восьмилетний период в составе гидрогеологического отряда, возглавляемого наперстником и любезным другом *И.С.Постниковым*. И, наконец, три последних года (1988 – 90 г.г.), в связи с очередной перетарификацией, мне вернули звание – геоморфолог. Теперь, казалось, было уже все «опробовано». Оказалось, нет. Я еще не весновал на леднике. И когда мне в 1989 году сделали такое предложение, трудно было от него отказаться. Ледниковая эпопея в составе отряда *Владимира Васильевича Хашлова*, где третьим был геолог *Евгений Корнаушенко*, была задокументирована в дневнике, который и предлагаю Вашему вниманию.

18.04.1989 г. О-в Шпицберген, ГРЭ (база вертолетов) –10°, ясно, слабый северный ветер. Перелетаем закрытый льдом Ис-фиорд, далее сахарно-белые хребты, разделенные ледниками. И через 20 минут полета в иллюминаторе показалась одинокая КАПШ^а (каркасная палатка Шапошникова), бочки с горючим, снегоходы и две фигуры весновщиков.

Сверху впечатление такое, как будто это дрейфующая полярная станция в океане. После быстрой выгрузки вертолет, взметнув снежный вихрь, взмыл в небо. Тишина. Искрящийся ледник, с отдельными почти целиком закрытыми снегом нунатаками (одинокие скалы, возвышающиеся над поверхностью ледника), кои и являются объектами исследований, т.к. летом до них не добраться.

Лагерь аккуратный и компактный (рис. 1, 2) на высоте около 350 метров привычная КАПШ^а, но заглубленная по краям в лед. Рядом ледяной сортир, сложенный из снежных «кирпичей». Два снегохода (родные и капризные «Бураны»), груз, закрытый брезентом. Чуть в стороне «бензозаправка» - ряд бочек с горючим. Самое заметное сооружение - радиомачта с замерзшим и заиндевевшим красным флагом на макушке. Ясно, безветренно, блестящий снег на льду, камнях и мы втроем среди ледниковой пустыни – фантастическая картина.

В тот же день ушли на снегоходах в маршрут. Прошли хорошо и на спусках, и на крутых подъемах. Первая ночь прошла ладно.

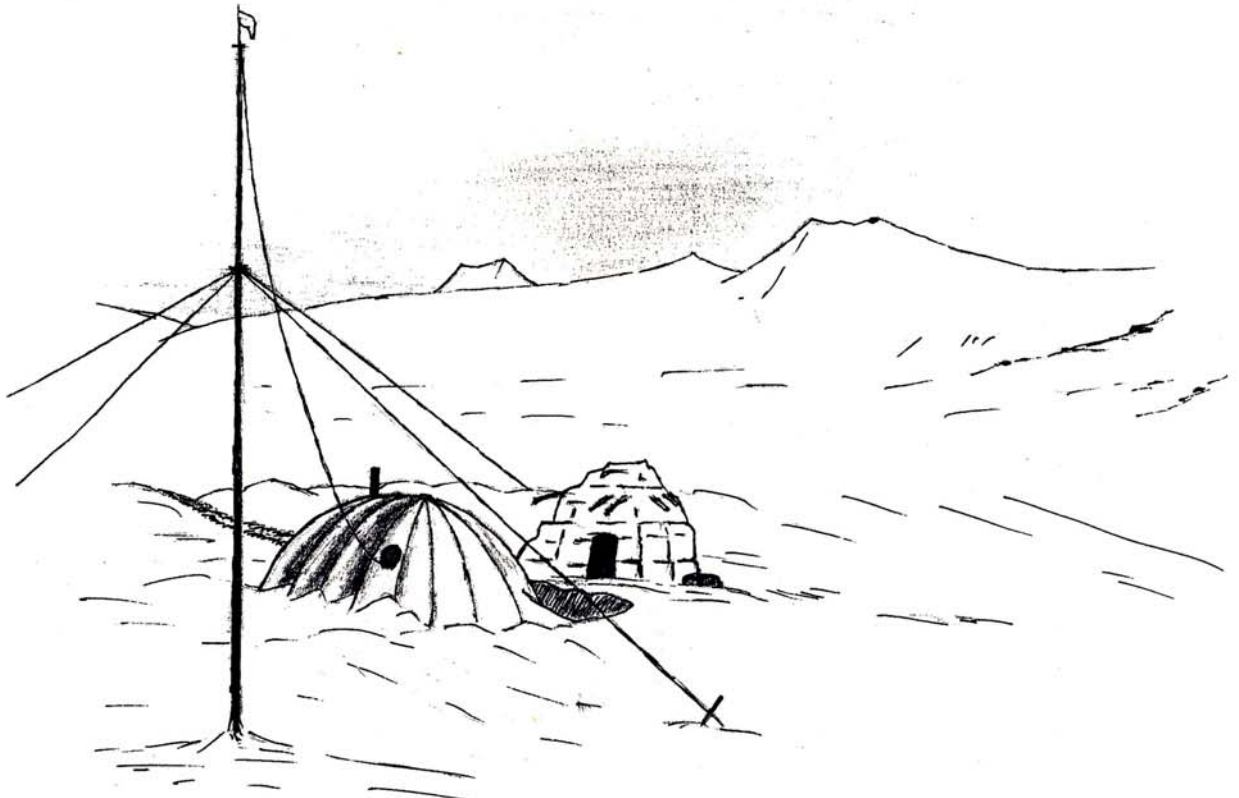

Рис.1 о.Шпицберген, лагерь на леднике Эсмаркбреен, 1989г.
(рисунок автора)

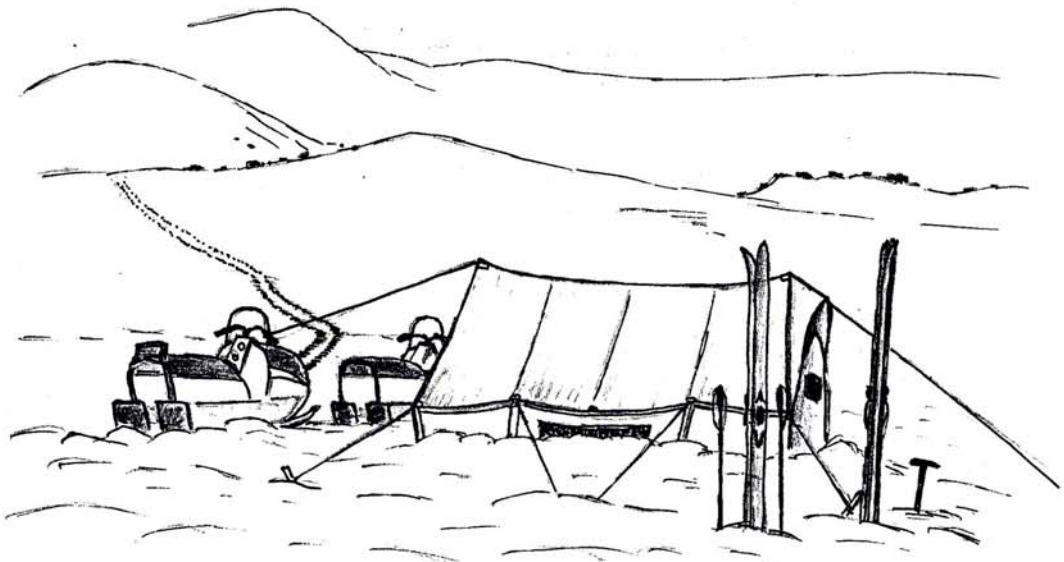

Рис.2 о.Шпицберген, ледник Эсмаркбреен – наш транспорт
(рисунок автора)

19.04.1989 г. -13° , ясно, юго-восточный ветер. Отправились в очередной маршрут. Один снегоход (Жени) все время барахлил, около часа пришлось его ремонтировать. На втором мы вдвоем с *Володей Хаиловым* без каких-либо осложнений. На ровных местах выжимали до 70 км. При возвращении усилился ветер, началась поземка, старые следы замело. У лагеря у второго «Бурана» порвало приводной ремень. Только успели развьючиться и залезть в дом, как ветер разыгрался не на шутку. Спать ложились под свист и гудение ветра, в дверь задувало снег.

20.04. -13° , сильный юго-восточный ветер. Ночь была тревожная. Домик наш скрипел и прогибался. Но из мешков не вылезали, печь не топилась и внутри было морозно. К вечеру чуть стихло, надеемся на благоприятное утро.

21.04. -18° , солнечно, безоблачно, сильнейший ЮВ ветер (до 18 м/сек). Поверхность ледника затвердела, наст трудно пробить. В КАПШ^с продувает, тепла около 0° , несмотря на то, что снаружи дом обложен снегом, на полу уложена фанера, а у кровати кошма. Сидим в ватниках и греемся чаем. На ночь печь выключаем – может вырвать трубу. Поэтому утром все жидкости в кружках превращаются в лед.

22.04. -18° , солнечно, сильный ЮВ ветер. Вчера ветер дал нам «прикурить». По данным метео 33 м/сек. Сломало радиомачту. На связь вышли, раскинув провода в КАПШ^с. База плоховато, но слышала. Сегодня занимались хозделами. Восстановили радиомачту и провели ассенизаторскую акцию, поскольку в наш сортир намело снегу чуть не выше головы. Женя поморозил в валенке палец, т.к. они при сушке садятся и ощутимо жмут. Я же благодарю баренцбургских друзей за унты, с которыми никаких забот нет.

23.04. -15° , ясно, свежий восточный ветер. Маршрутом вышли почти к побережью. Ветер отшлифовал поверхность ледника и склоны нунатаков. На солнце они матово-зеркально отблескивают. Ногам невероятно скользко, зато снегоходы просто летят. Однако пролететь сколько задумано не удалось. Снова заглох Женин снегоход и на этот раз основательно. Пришлось взять его на буксир и направиться в лагерь. Вернулись благополучно, но небо заволкло тучами и усилился ветер, вновь непогода.

24.04. -12° , сильный восточный ветер, поземка – даль в снежной пелене. Время для ремонта снегохода. Хорошо, что Володя может не только отлично водить, но и быть механиком.

Кратко о нашем быте. Утреннее умывание совершаем регулярно. В ветер воду замешает снежный «компресс». Посуду изредка моем, но не делаем из этого культа. Еда предельно проста. На несколько дней варится суп из подручного материала, варятся макароны, остатки мяса. Конечно, чай и кофе – для согрева и наполнения. С капитальным мытьем сложно. Ребята здесь с 4 апреля, но пока на «баню» не отважились.

Сегодня мой шестой день в ледовом лагере. Пока пройдено три маршрута – соотношение 50 на 50, вполне приличное. К вечеру потеплело до -6° , усилился ветер.

25.04. -5° , ураганный восточный ветер. Ночью, по сути дела, не спали. Было тревожно от мощных ударов ветра. Трубу от печки вырвало из разделки. Кое-как установили ее и затопили печку. Сидим и слушаем ветровую какофонию, с надеждой поглядывая на гнущиеся стрингера. К вечеру стихло и пробилось солнце.

26.04. -5° , ясно, безветренно. Ребята отправились на двух «Буранах», я ограничился небольшим пешим маршрутом по ближайшим нунатакам. К вечеру погода испортилась, осел туман. Волнуюсь за ребят, полночь, а ребят все нет.

27.04. -7° , пасмурно, сильный СВ ветер. Вчера ребята вернулись в три часа ночи на одном снегоходе. Досталось им здорово. На обратном пути застал туман и отказал Женин «Буран». Сначала тащили его на буксире. Закатились в горный тупик и оставили его там. После нескольких попыток нашли путь к лагерю. Ребята отсыпаются, но уснули из-за нервного возбуждения только под утро.

28.04. -8° , облачно, слабый ветер. К вечеру прояснилось и ребята отправились за оставленным «Бураном».

29.04. -12° , солнечно, штиль. Ребята вернулись со вторым снегоходом под утро и не без травм. У Володи кровавые мозоли от бесконечного дерганья пускатца. Днем взялись за ремонт, но «неудачник» признаков жизни не подает. Сейчас распорядок дня (или ночи) у нас сместился – ложимся спать в 3-4 часа ночи, встаем около 12.

30.04. -8° , облачно (10 баллов) штиль. Ребята отсыпаются, т.к. работали весь день и всю ночь на ремонте. Выяснили, что пробит поршень. Без его замены восстановить «Буран» невозможно. По радиации даем заявку на запчасти и будем ждать вертолета.

1.05. -5° , снегопад, видимость ноль. К вечеру погода успокоилась. Устанавливали палатку-гараж. Вместо каркасных колев применили запасные стрингера. Выпилив снежные блоки, закрепили внутри брезентовый пол, снаружи окопали снегом. Вечером праздновали, чем бог послал.

Следующие три дня простой, т.к. на одном снегоходе работать вдали от лагеря нельзя. Ждем вертолета с запчастями.

5.05. 0° , видимость плохая, штиль. Тем не менее, вертолеты прилетели (как правило, в плохую погоду и в дальние рейсы они летают попарно). Быстро высадили еще один «Буран», запчасти и ящики с провиантом.

День немаршрутный, достаточно теплый. Используем его для мытья голов и частей тел.

6.05. -2° , видимость ноль, штиль. Ребята завершают ремонт поломанного «Бурана», доставленный с базы (третий) более-менее на ходу.

Ура! В 18.00 заработал собранный почти заново Володей «Буран». Завелся с первого рывка. Обкатка прошла удачно.

7.05. -1° , видимость ноль, штиль, безмаршрутный день. Занимались хозяйственными делами. В КАПШ^с разобрали пол – он покосился из-за подтаявшего под ним снега. Засыпали и уравнили свежим снегом и вновь застелили фанерой. Заделали дырки от протайки в стенах ледяного сортира.

8.05. -1° , солнечно, штиль. У всех маршрутный день без приключений и аварий.

9.05. -2° , облачно, слабый СВ ветер. Втроем совершили дальний маршрут, вернулись в полночь, чтобы успеть хоть вдогонку отметить день Победы.

С 10 по 16 мая погода была в основном хорошая, солнечная с температурами от -2° до -8° , без ветра. Выполнено четыре маршрута, один большой - более 60 км.

17.05. -10° , солнечно, штиль. В 16.30 ребята ушли в дальний маршрут. Я камералил и занимался хозделами. Неожиданно рано ребята вернулись. Женя сошел с «Бурана» какой-то съезженный, замерзший. Желая его подбодрить, хлопнул по плечу, а он скорчился от боли. Тут все и выяснилось. На крайней точке они подъехали к нунатаку. Женя как маршруточник взял молоток и пошел вперед. Володя услышал только вскрик, а когда осмотрелся, Жени нигде не было. Пошел по следам и увидел трещину, в которую Женя и

провалился (она была прикрыта снежным мостом). Летел он метра четыре, а мог бы и больше, если бы не единственный на пути выступ. Володя подвязал веревку и за полчаса его вытащил.

Осмотрев Женю в палатке, видимых переломов мы не обнаружили, а синяки смазали йодом. На следующий день Жене легче не стало, и мы решили отправить его на базу.

19.05. -10° , ясно, солнечно, штиль. Прилетел вертолет и забрал Женю, а вместо него высадил *Сергея Сорокина*. До 29 мая завершили четыре маршрута. Погода временами была теплая или слабоморозная, ледник начал заметно подтаивать.

29.05. -7° , солнечно, слабый СВ ветер, погода летная, ждем в 14.00 вертолет. А в 10.00 по радиации сообщили, что борт будет через час. Начались судорожные сборы, но к прилету вертолетов все успели собрать и подготовить к эвакуации. За 30 минут загрузили вертолеты, прощай, наш ледовый лагерь! Весновка закончена. Было и трудновато в непривычных условиях, но в целом работа прошла успешно. На моем счету 11 маршрутов с общим километражом 135. Единственно, что нас всех огорчило, – это проишествие с *Женей Карнаушенко*. К счастью, он отделался легкими ушибами и готов продолжить летний полевой сезон.

Апрель-май 1989 г.

Арктическая пустыня

О тундре написано много, и задача не из легких, если уж не удивить читателя, то хотя бы заинтересовать. По роду своей работы мне посчастливилось побывать на Новосибирских островах, в краю арктической тундры. Пути нашей геологической экспедиции начались с самого южного острова архипелага – Большого Ляховского, затем прошли на север к Котельному, а потом на восток через Землю Бунге на острова Фаддеевский и Новая Сибирь.

Каждый из этих осколков тундры в Ледовитом океане по-своему интересен, и с каждым у нас связан не просто один из последних сезонов. Но здесь я остановлюсь лишь на Земле Бунге.

Бедна и однообразна природа арктических островов, суровы здесь климатические условия. Но Земля Бунге выделяется из них всех – она почти безжизнена, т.к. представляет собой недавнее морское дно, всего лишь несколько тысячелетий тому назад ставшее сушей.

Когда в 1811 г. ее открыл охотник-промысловик *Яков Санников*, эта территория была островом. На картах до 50-х годов прошлого века она изображалась уже как восточное продолжение острова Котельный, но еще отделенная от острова Фаддеевский проливом Геденштрота. Сейчас Земля Бунге связана с о. Фаддеевским узким перешейком – стрелкой Анжу – и статус острова (как и о. Фаддеевский) сохранила только в силу исторических традиций.

Трижды мне довелось пересечь Землю Бунге и каждый раз, оставаясь безжизненной, она тем не менее выглядела по-иному и преподносила новые сюрпризы.

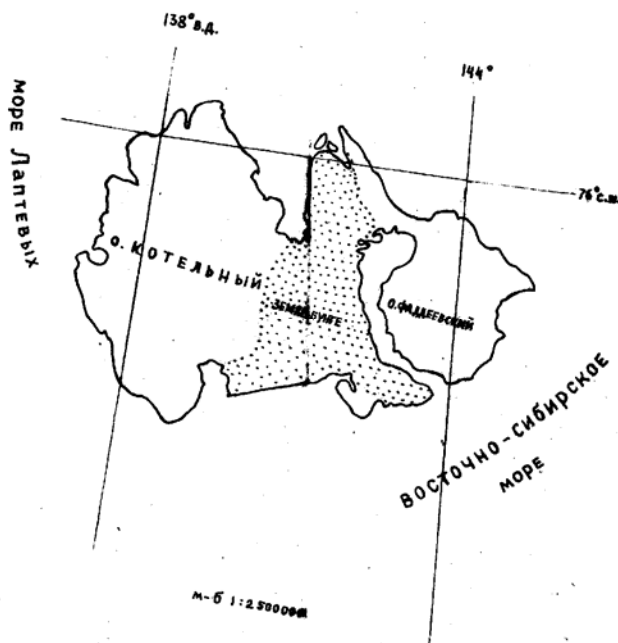
Первое знакомство с Землей Бунге состоялось в конце июля 1974 года, когда мы перегоняли вездеход с Котельного на Фаддеевский. Заканчивались последние километры пути по Котельному. Внезапно с увала открылась панорама плоской песчаной низины (5-6 м над уровнем моря) с невысокими (до 45 м) сопками в центральной части. Спустившись с увала, мы очутились в арктической пустыне. Чем дальше мы в нее углублялись, тем более

тягостное впечатление она производила. Трудно было представить, что здесь, на севере, где так много рек и озер, встретишь настоящую пустыню. На десятки километров простирались почти безжизненные безводные пески. Лишь кое-где торчали единичные кочки с редкой сухой травой, местами встречались пересохшие плоские долины ручьев. Линия горизонта сливалась с уходящими вдаль песками, только стрелка компаса не давала сбиться с пути в этом песчаном хаосе. Ни птицы, ни зверя.

Мы стремились скорее миновать неуютные пески, но вездеход увязал в них и двигался медленно. Когда до окончания Земли Бунге оставалось километров восемь, кончился бензин. На беду, в запасной бочке оказалась сольерка – случается и такое! Что делать? Лагерем вставать нельзя, нет воды. Решили сливать из баков остатки горючего. В конце-концов нацедили неполное ведро и проскочили-таки пески. Бензина хватило до первого озера на о. Фаддеевском, где мы и разбили лагерь.

В конце сентября наш маршрут повторился, но в обратном направлении. Уже выпал снег, мороз сковал пески. Вездеход мчался, как по асфальту, стрелка спидометра подскакивала аж до цифры «30»! Несколько часов такой езды, и мы облегченно вздохнули – пустыня была позади. На этот раз все обошлось хорошо: Земля Бунге осталась в памяти как снежная равнина.

Прошло два года. Лето 1976 года выдалось на редкость дождливым. За июль выпала, вероятно, годовая норма осадков, и Землю Бунге мы не узнали. Вместо безводной пустыни нас встретили насыщенные влагой зыбучие пески. Вездеход проваливался почти на четверть катка, мотор надрывался, а машина двигалась, как черепаха. За день мы не прошли и тридцати километров. Местами наше передвижение скорее напоминало плавание, т.к. на значительной части маршрута пески оказались залитыми водой сантиметров на тридцать. На самом обводненном участке произошла авария – поломался каток. Пришлось прямо в воде заменять его. Многоликой она оказалась и неприветливой, эта Земля Бунге.

Заканчивая описание арктической пустыни, необходимо заметить, что и здесь есть свои оазисы. Конечно, без пальм, но даже в самое сухое время с наличием влаги. На двух небольших участках у восточной и южной краин Земли Бунге поблескивают водой маленькие озера. Пески не развеваются ветром, они закреплены черными лишайниками. Не хватает только миражей, если не считать за мираж саму Землю Бунге – уникальную песчаную пустыню Новосибирских островов.

Почти последний рейс

Ничего сенсационного за этим заголовком не стоит. Не ждите ни описания аварии, ни тем более катастрофы. Речь пойдет об одном из последних рейсов самолета-ветерана ЛИ-2 Колымо-Индибирской объединенной авиагруппы.

Находился я в составе группы геологов, работающих на Новосибирских островах в аэропорту Темпа - посадочной площадке самого крупного острова архипелага. Грунтовый аэродром Темпа может принимать самолеты только типа ЛИ-2. Его мы и ждали, чтобы попасть после окончания полевого сезона на материк. Прилететь должен был единственный для всего этого района ЛИ-2, судьба которого была решена: после вылета ресурса - на слом. И об этом думалось с сожалением.

По его не столь заметной, но очень полезной работе самолет ЛИ-2 можно поставить в один ряд со знаменитым ПО-2. Однако славы на его долю досталось поменьше. А ведь во время Великой Отечественной войны ЛИ-2 зарекомендовал себя не только незаменимым тружеником, но и воином. Большинство десантных операций, заброска продовольствия, рейды в партизанские тылы, перевозка раненых, а, кроме того, и бомбовые удары - вот далеко не полный перечень задач, которые выполнял самолет ЛИ-2.

В первые мирные годы на эту машину легла вся тяжесть грузовых и пассажирских перевозок - только с 50-х годов ее стали вытеснять более элегантные и современные собратья.

Тем не менее, на Севере этот самолет еще совсем недавно выполнял основной объем работ. Достаточно сказать, что все первичные заброски на дрейфующие станции «Северный полюс» осуществлялись на ЛИ-2.

Чем же объяснить долголетие самолета?

В первую очередь, его немалой для подобного типа грузоподъемностью, дальностью беспосадочного полета и, более всего, нетребовательностью к посадочным площадкам. ЛИ-2 может садиться на малоприспособленные посадочные площадки, а зимой на лыжах - почти на любое озеро или крупную реку. А эта особенность ЛИ-2 для северных районов страны имеет решающее значение.

Возвратимся снова на Темп, где мы ожидали самолет. Наконец, в один из пригожих сентябрьских дней мы услышали рокот моторов, и вскоре ЛИ-2 с бортовым номером 4218 приземлился невдалеке от нашей базы. Из самолета вышел среднего роста пилот с приятным смуглым лицом. Верный аэрофлотской традиции, он был элегантен и свеж - сияла белизной рубашка, оттененная темным галстуком и матовой смуглостью выбритых щек. В силу контраста с нашими небритыми лицами, свитерами и ватниками, эти детали особенно бросались в глаза. Подойдя к нам, он представился - первый пилот *Эдуард Петрович Черкасов*.

Мы быстро побросали свои рюкзаки и ящики с образцами внутрь самолета. Взревели двигатели, и после сравнительно короткой пробежки самолет поднялся в воздух. Во время полета мы разговорились с Эдуардом Петровичем. Он летает уже 15 лет, из них 11 лет на Севере, а девять из них на ЛИ-2. Он сказал нам, что машина, на которой мы летим, чуть не дотянет до четвертьвекового юбилея, который исполнится весной 1976 г. А многие ли самолеты могут похвалиться таким долголетием?

Мы говорили о самолете как о друге, с которым жаль расставаться. Признаться, в этом мы не были бескорыстны. Эдуард Петрович привык и к самолету, и к его возможностям. Не так давно он летал над льдами Северного полюса - 18 часов без посадки, а на это способен только ЛИ-2. Для нас же, геологов, такой самолет незаменим, недаром в песне поется: «Только вертолетом можно долететь!»

Но тут, кстати, надо заметить, что стоимость одного летного часа ЛИ-2 почти в три раза дешевле, чем вертолета МИ-8.

Не правда ли, существенная деталь?

Напрашивается вопрос: за что же мы ратуем?

За продление жизни самолета-ветерана, время которого невозвратно ушло? Нет, это было бы наивно. В заметке я преследовал две цели. Во-первых, напомнить о незаслуженно полузабытом самолете-труженике ЛИ-2. Во-вторых, спросить авиаконструкторов - а не пора ли разработать модель самолета, подобную ЛИ-2, но на уровне современных достижений техники. Страна строит прекрасные лайнеры, но пока замены ЛИ-2 нет. Для трудных же трасс Сибири и особенно Севера такой самолет очень нужен.

Охота – зов предков

Охота - занятие древнее, и хотя современный человек, как правило, не имеет к ней никакого отношения, в каждом мужчине, вероятно, заложен инстинкт предков. Предположение это не голословное. Сам я не охотник, но в то же время периодически им становился. Становился в силу обстоятельств, когда, находясь в экспедициях, брал ружье или карабин и шел добывать свежее мясо. И делал это как бы по необходимости. Но как только в руку ложилось деревянное ложе приклада, неожиданно возникало какое-то неведанное и трудно передаваемое чувство. Это и охотничий азарт и ощущение отвлеченного мировосприятия – как будто просыпался во мне инстинкт первобытного человека, инстинкт охотника.

И хотя преимущества у меня по сравнению с предком огромные (имеется в виду оружие), вопрос «кто кого» все равно остается. Если победит зверь, его осторожность, быстрота, – останусь без мяса. Если победа будет за мной, цена побежденного – жизнь. Конечно, для меня и для зверя цена риска неравнозначна. Но так уж устроен этот мир, в котором человек самый сильный, а иногда и страшный представитель Земли.

Итак, вернемся к исходному пункту, когда в цивилизованном человеке пробуждается охотник. В моей памяти наиболее свежи события полевых сезонов на Новосибирских островах.

День первой охоты оказался тяжелым. В полдень нас перебросили на новый участок, а это всегда самый напряженный и трудный момент. Надо разобрать старый лагерь, перетащить все в вертолет, а потом все это проделать повторно, но в обратном порядке. К вечеру, когда все было готово – лагерь разбит и обед готов, усталость дала о себе знать. Тем не менее, появление вблизи оленей возбудило и взбудоражило. Месячное консервное меню и мысленно ощущаемый вкус свежей печени утвердили решение.

Быстро были надеты сапоги и ватник, а в руки, такой гладкий и надежный, лег карабин. Шаги непроизвольно стали вкрадчиво мягкими, а сердце постукивало учащенно. Олени насторожено повернули головы в мою сторону, тут уж пришлось сначала залечь, а потом передвигаться согнувшись, короткими перебежками. Метрах в двухстах олени начали уходить. Упав на кочку, передергиваю затвор. Кажется, что этот щелчок слышат и рога, убыстрившие свой бег. Но, как всегда, олени из любопытства периодически останавливаются, и тут мушка торопится поймать цель. Выстрел! Олени стремительным броском бросаются вниз по склону. Уже по убегающим стреляю вслед. Промых несомнен, но куда ушли пули не видел. Сбившись в кучу, олени снова останавливаются, а потом переходят на мерный шаг. С замирающим сердцем бегу параллельно им, чтобы впереди отсечь дорогу. Пока они не проявляют беспокойства, обойти их успеваю. Подбираюсь по неглубокому оврагу, а потом ползу на животе. Все делаю автоматически, как будто во мне проснулся тот дикий, древний, и он, именно он руководит всеми моими действиями.

Снова олени на дистанции выстрела. И снова промах. Но теперь заметил по взметнувшемуся фонтанчику земли, что пуля ушла выше. Четвертый выстрел точен. Мысли

о боли животного в голову не приходят, а про себя вытверживаются повторные слова: «моя взяла!» Потрясаю винтовкой, призывая ожидающих товарищей.

А потом начинается работа, которая привычна мясникам и непривычна мне. Тем не менее, руки делают все правильно и последовательно – вспарывают шкуру, надрезают, рубят, пока в ведрах не оказываются такие обычные для всех нас куски мяса. И не следует укоризненно качать головой – вегетарианцев среди нас немного! Далее над всеми ощущениями главенствуют боль в пояснице и общая усталость после физического и нервного напряжения.

Потом приходят думы, а хорошо ли это, правильно ли? Человек я не злой, не кровожадный. Как расправиться с курицей, кроликом, не представляю, а убил большого красивого зверя. Тем не менее, угрызения совести не обнаруживаю, а об инстинкте первобытного предка упоминал не для оправдания. Просто допускаю, что он где-то глубоко в нас заложен вместе с накопленным человеческим опытом.

Могу добавить, что никогда не выстрелю во что-нибудь живое зря, ради забавы, ради проверки меткости, как это бездумно делают еще многие. Чтобы не дразнить, как говорят, гусей, уточняю, что поделился не браконьерским эпизодом – в экспедиции были лицензии на отстрел оленей.

Недавно прочитал путевые дневники известного полярника *Е.К.Федорова** (один из знаменитой четверки на дрейфующей станции «Северный полюс-1»), где он пишет об охоте: «Значительным событием был каждый приход медведей. Нам они были нужны для пополнения запасов свежего мяса, а кроме того, каждому из нас, естественно, хотелось увезти домой шкуру». Эта зимовка проходила в 1932 году, когда охота на белых медведей не была запрещена.

Так что цель пополнения запасов мяса в экспедициях была всегда основной причиной для охоты и на медведей и на оленей, но не без охотничьего инстинкта.

Пески беломорские

В течение 1977-78 годов *Г.В.Труфанов* и я завершали написание большого итогового отчета по Новосибирским островам. Параллельно мне пришлось участвовать в подготовке Листа геологической карты по о-ву Б.Ляховскому, который составлял *А.И.Самусин*, вернувшийся из Ирана. А посему полевого сезона в 1977 году я был лишен.

Поэтому, когда в июле *О.В.Суздальский* предложил мне короткую геологическую командировку на Беломорье, я с радостью согласился. Тем более, что командировка предстояла в не изведенное для меня место и к тому же выглядела необычно. Вопреки всем инструкциям, я должен был в одиночку выполнить тематические маршрутные исследования с попутным шлиховым опробованием участка побережья Белого моря в районе деревни Шойна. Такое представлялось возможным, т.к. базироваться я должен был в поселке, а маршруты планировались в непосредственной от него близости.

С огромным рюкзаком, в котором, кроме необходимых бытовых вещей и, прежде всего, спального мешка, был еще таз для промывки шлихов и штыковая лопата, прибыл я в город Архангельск. Современный центр, деревянные тротуары, красивая набережная вдоль

*Е.К. Федоров «Полярные дневники»
Ленинград, Гидрометеоздат, 1979 г.

Северной Двины порадовали. Огорчило же полное отсутствие продуктов в магазинах. Лучшее блюдо в ресторане Морвокзала было представлено яичницей с колбасными обрезками. Да, в конце семидесятых продуктовый ассортимент даже в Ленинграде был весьма скуден, а чуть подалее полки магазинов зияли пустотой.

Путешествие продолжилось на пассажирско-грузовом судне «ЮШАР». Почти весь день любовался я красивыми берегами Северной Двины и Белого моря с самобытными поморскими селениями, с обилием товарного леса как в виде скоплений бревен, так и готового пиломатериала.

К вечеру судно бросило якорь из-за мелководья вдали от берега. Шойна с громадным полосатым маяком просматривалась на горизонте. Пассажиров, коих набралось порядочно, пересадили на баркас, который и доставил нас к береговому причалу.

Место ночлега мне определили в школе, где базировались архангельские геологи, и обустроился я отлично. Несколько дней удалось подивиться поселком. Это некогда большое рыболовецкое село было сейчас заброшенным и малонаселенным. Лишь летом оно оживало с прибытием молодежи в некогда родные пенаты. На поселок наступали пески, которые освободили незамысловатые строители какого-то Н-ского объекта. Они уничтожили растительный покров тундры, оголив тем самым прибрежные пески, и они надвинулись на дома, часть из которых были «опесочены» почти до крыши (рис.1). Чуть вдали, у моря высились небывало высокие (до 100 м) песчаные дюны.

Когда-то в Шойне базировался колхозный рыболовный флот, о чем сейчас напоминали полусгнивший причал и остовы деревянных рыболовных судов на береговой отмели (рис. 2). В настоящее время местный флот был представлен, в основном, личными «Прогрессами».

За несколько дней почти завершил маршруты вдоль побережья и в районе поселка. Оставался один из маршрутов по другому берегу реки Шойны. Надо было договариваться о переправе. Наконец, наш сосед по дому, длинноволосый Василий согласился переправить меня на другой берег и вернуть обратно. Сей молодой человек большого доверия не внушал, но другого варианта не было.

Высадились мы почти в полный прилив, а здесь разница положения уровней существенна и составляет около 5 метров. Близко к берегу подступала вода, еще накатывала белоснежная приливная волна. Вдаль уходил песчаный пляж, которому мог позавидовать любой курорт. Кстати, и я шагал в рубашке с засученными рукавами – первый день августа выдался очень теплым. Береговые валы, морские террасы подступали к морю, мыть шлихи было одно удовольствие в теплой беломорской воде.

В «обед» разжег костер, вскипятил чай. Сидя у костра, наслаждался тишиной. Только изредка раздавался крик чайки или со свистом, разрезая крыльями воздух, проносилась гагара. Наступил отлив, море спокойно вздыхало вдали от пляжа.

Вечером, к назначенному времени, вышел к берегу реки и прождал безрезультатно полтора часа. Поселок на виду, совсем рядом, но река Шойна преградила туда путь. Постепенно начался прилив, отогнавший меня вглубь берега, где я простоял еще не менее

Рис. 1. Пески пос. Шойна

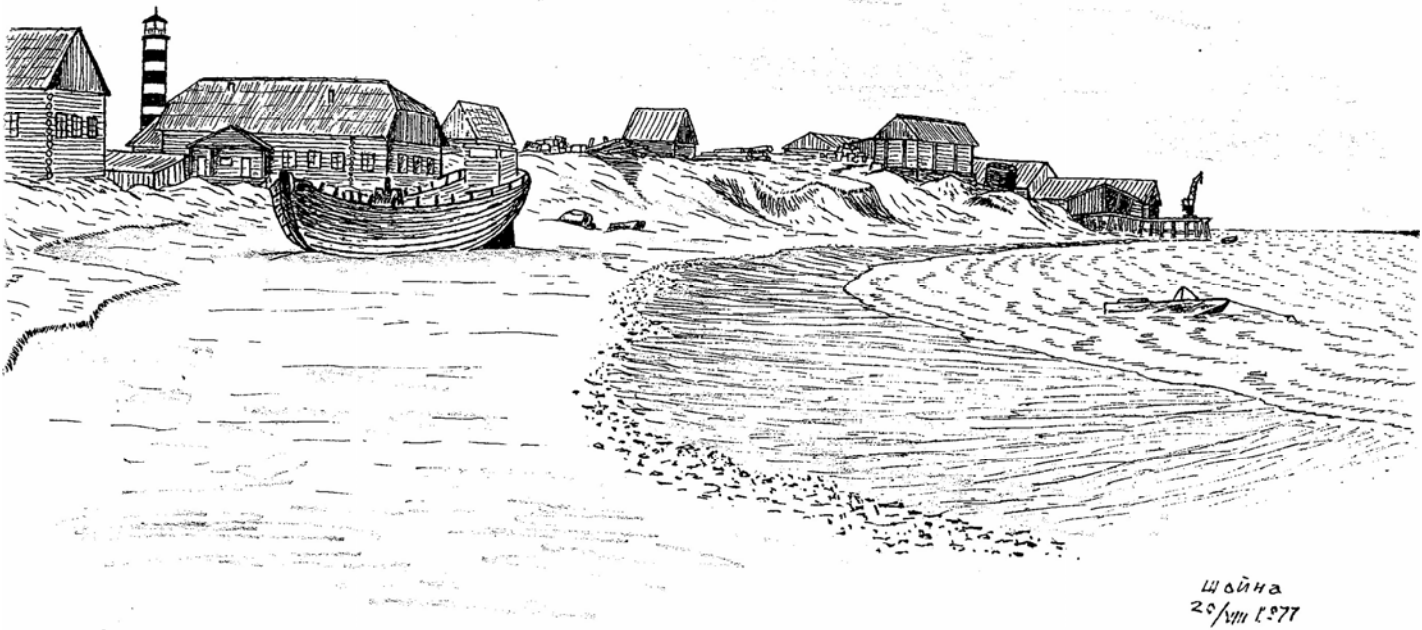

Рис. 2. Остовы рыболовных судов на отмели р. Шойны

часа. Стало ясно, что Вася загулял, а больше обо мне вспомнить некому. Вернулся на террасу с изобилием плавника и разжег большой костер, чтобы было видно в поселке. Ну вот и первое приключение этой странной экспедиции – ночь в тундре у костра. Хорошо, что захватил свитер и немного еды. Скрылось за тучей солнце, а на другом конце неба выплыла громадная луна. После ночных заполярных сумерек (ночи все еще оставались светлыми), постепенно начало светать.

Услышав тарахтенье мотора, пошел к реке. Лодка не прошла мимо одиноко стоящего путника. Выручил меня *Петр Федорович Батманов*, сторожил поселка. Мы разговорились. Окающим говорком Петр Федорович поведал о своей жизни. Удивило меня не количество освоенных им профессий – рыбак, киномеханик, мастер консервации и еще что-то, а то, с какой любовью и знанием говорил он о северной природе. Коснувшись в разговоре акул, которых, оказывается, добывали в Белом море, он вспомнил слова английского океанолога: «Если бы акула была такой же прожорливой как щука, то кроме нее в океане не осталось бы никакой рыбы».

С Васей разборки я не затевал, а спокойно завершил маршруты, не пересекая более реки. Успел даже отправиться на болото за морошкой и сварить из нее варенье.

Постепенно ночи становились темнее, а небо более хмурым – приближалась осенняя пора.

Покидая Шойну, деревянный поселок в песках беломорского побережья, запомнил красоту этого заполярного края и гостеприимство простых рыбаков и геологов. Кроме этого, о Шойне мне напоминают и рисунки (два из них здесь представлены), которые я там успел набросить, а сейчас они украшают одну из стен моей комнаты.

18 апреля 2009 г.

Это было недавно – это было давно

В дни освобождения столицы Советской Эстонии мне довелось быть в Таллине. Прошло 65 лет, но и сейчас память сохранила радость и волнение тех дней - первые красноезвездные танки на площади Победы, бойцы, в таких родных пилотках, но с непривычными погонями на запыленных и выцветших гимнастерках. Об этом написано и рассказано много. Мне же хочется поведать о необычном событии, тесно связанным с этим временем.

Мы с мамой осенью 1944 года жили у дедушки с бабушкой в небольшом двухэтажном доме на тихой улице недалеко от центра. В доме было всего четыре квартиры, в которых постоянно, многие годы жили одни и те же люди. О жизни друг друга было известно почти все. Взаимоотношения между жильцами были по-родственному добрые. Радости и горести делили пополам. Остается только с грустью вспоминать, что старшее поколение, заложившее дух добрососедства и взаимной выручки, давно уже покинуло этот мир.

У дедушки была трехкомнатная квартира, одна из комнат постоянно сдавалась. Последние 3-4 года в ней жила *Христина Ивановна*, с которой и связана вся эта история. Это была одинокая женщина средних лет с добрым сердцем, но властным и твердым характером. И вот, в день освобождения Таллина у Христины Ивановны, неожиданно для нас и всего дома, появилась девушка лет пятнадцати, взрослые, вероятно, узнали, откуда она появилась, и окружили ее заботой и вниманием. Мне же в ту пору было тринадцать лет и я не очень интересовался историей появления нового человека. Но девушка эта, *Нина*,

запомнилась своей необычной внешностью. Она была смуглокожа и ее очень коротко подстриженные волосы вились мелкими колечками, наподобие африканских причесок. Тип лица Нины тоже отличался от привычного, в нем было что-то азиатское, особенно скулы и глаза.

Через месяц, после освобождения моего родного города Тарту, мы с мамой вернулись туда, застав на месте нашего дома пепелище: дальнейшие события как-то заслонили необычное появление Нины, и только потом я узнал, что ей удалось спастись из лагеря смерти Клоога. Встречались мы очень редко, и подробностей Нининой жизни я не знал.

С годами мы все чаще оглядываемся на свою юность, вспоминаем тех, с кем соприкасались в ту прекрасную пору. И моя память нет-нет и возвращала меня к тем годам и вновь пробуждала интерес к окружавшим меня тогда людям. Вспоминал я и Нину, которая жила теперь в далеком Ташкенте, но ежегодно приезжала в Таллин, пока была жива Христина Ивановна. Наши же пути с ней долго не пересекались.

В этом году, приехав в Таллин, узнал, что Нина находится здесь. На этот раз встреча состоялась. Нину узнал сразу. Внешне она изменилась мало, только посеребрились когда-то черные волосы. Пришла она к нам с мужем и внучкой - уже подрастает третье поколение. Ну, а для нас это была как бы встреча с юностью и почувствовали мы себя сразу очень близкими людьми. Конечно, вспомнили ее появление в старом деревянном домике. И тут я попросил рассказать, как она появилась в Таллине в 1944 году и что этому предшествовало.

Родом она из под Курска из небольшого города Болхова. Готовясь к битве под Курском, немцы выселили все население этих мест. Кого отправили в Германию на принудительный рабский труд, кого в Прибалтику для возведения оборонительных сооружений против наступающей Красной Армии.

Нина вместе с матерью и младшим братом попала в колонну, которую пешком погнали в Эстонию. По дороге не кормили, и люди умирали сотнями. Их семья выжила. Поздней осенью 1943 года оставшихся в живых заставили рыть окопы под Нарвой. Жили в землянках, мерзли и голодали. Сначала заболел брат, а потом и мать. Не выйти на работу было равносильно смерти и мать решила обратиться к лагерному врачу. Когда Нина вернулась с работы, мать была при смерти и вскоре скончалась на ее руках. Нина слышала о фашистских «методах лечения» и, осмотрев остывшую материнскую руку, обнаружила вспухшее место укола - под видом лекарства лагерные врачи впрыскивали больным бензин.

В этот же зимний вечер лагерь выстроили в колонну и погнали на запад. А Нина пошла к начальнику оборонительной зоны и сказала, что никуда не пойдет, пока не похоронит мать. Вспоминая тот страшный вечер, она сказала, что ее охватило полное безразличие к своей собственной жизни и не было ни капли страха, когда стояла перед фашистом. Нина протянула немцу заветную материнскую золотую монету, а тот ответил: «Хорони мать, потом догонишь колонну, а золотой мне уже не понадобится» и показал на вспышки выстрелов с той стороны реки Нарвы.

Нина знала, что мать надо обмыть, за водой же надо было идти к реке. Мимо немецких окопов спустилась она к реке, зачерпнула ведро воды и поднялась вверх по откосу. Ни одного выстрела с противоположного берега не прозвучало.

Похоронив мать, Нина осталась с больным братом, который сам идти не мог. Добыв что-то наподобие салазок, она уложила на них брата и потащила его по следам колонны. Подкармливали их по дороге хutorяне. Через несколько дней они догнали колонну, путь которой лежал в Клоогу, откуда обратной дороги для большинства уже не было.

В Клооге умер брат, и Нина в свои пятнадцать лет осталась совсем одна. Как-то она заметила, что к ней беспрестанно присматривается какая-то женщина. Однажды она заговорила с Ниной и пригласила ее к себе. Оказалось, что это была жена вольнонаемного врача-эстонца. Нина очень напоминала ее погибшую дочь. Жена врача просила Нину остаться в их семье, и она согласилась.

Шло лето 1944 года, фронт приближался к Таллину. Нина на правах приемной дочери врача получила пропуск на выход за территорию лагеря. Она часто собирала цветы и ягоды на опушке леса. Но и эта относительная свобода скоро оказалась под угрозой. Нину включили в списки для отправки в Германию. Спас ее тот мамин золотой, который не взял начальник зоны. Из списков отправляемых она была вычеркнута, но не надолго, в июле составлялись повторные списки и, казалось, теперь уже ничто от германского рабства Нину спасти не может.

Именно в это время в лагере стала появляться представительница Красного Креста Христина Ивановна, постоянно контактировавшая с вольнонаемным врачом. Как потом рассказывала Нине Христина Ивановна, жена врача умоляла ее спасти девочку, выволить из лагеря. А обстановка тем временем все усложнялась. У Нины отобрали пропуск на выход из лагеря, однако охранники, вероятно, об этом еще не знали. Во всяком случае, план спасения Нины был рассчитан только на это. Все ведь зависело от того, сможет ли она выбраться за ограду. Дальнейший ход «операции» был все-таки проще: Христина Ивановна нашла в лесу, недалеко от лагеря двух стариков, живших на хуторе и согласившихся на время приютить девочку, а Нине начертила маршрут к хутору. Главным теперь было выйти за пределы лагеря и как можно быстрее. И Нина решилась. Она пошла собирать цветы у проволочной ограды. Охранник окликнул ее и сказал, чтобы шла за ворота, там ведь цветов больше. Когда распахнулись ворота и Нина шагнула за проволоку, страх сковал ей ноги, а вдруг часовой знает, что пропуск отобрали.....Заставив себя двигаться к лесу и все время нагибаясь за цветами, она ждала выстрела в спину. Так вот и добралась до опушки, а там уж бросилась бежать без оглядки. Опомнилась где-то далеко в лесу. Куда идти дальше, она не знала, так как маршрут был намечен от лагеря. Пришлось возвращаться к опушке и уже оттуда выходить на хутор.

На хуторе ее встретили старик и старуха, ни слова не говорившие по-русски. Нина же понятия не имела о эстонском языке. Объяснялись жестами и мимикой. Местом ночевки ей определили стог сена. Кроме стариков, на хуторе было еще одно живое существо - собака, которая чуть позже проявила себя совершенно неожиданно в цепи тех трагических событий. Собака была цепная, знавшая только свою конуру. Вся ее жизнь сводилась к одному - охранять хутор от чужаков. Нина, покусанная в детстве, собак боялась и к хозяйской тоже ничего, кроме страха, не испытывала. Так прожила она неделю, ночуя в стогу, а днем уходя в лес за ягодами и грибами. Когда на восьмой день она возвращалась из леса на хутор, услышала яростный собачий лай и немецкую речь, бросившую ее в дрожь. Нина тут же залегла в кустах рядом с собачьей конурой. Выглянув из-за кустов, увидела автоматчика с овчаркой. Немцы спрашивали у стариков: «Wo ist zigeuner Madchen? Hast du Ihn gesehen?»* Искали ее, ведь именно в лагере немцы называли Нину цыганкой. Старики тряслись от страха и с ужасом глядели в лес, ожидая появления девочки. А овчарка надрылась в лае и рвалась с поводка в сторону кустов, окружавших конуру.

Вдруг Нина почувствовала, как хозяйская собака, схватив ее за платье, куда-то потащила. Очутившись перед конурой, Нина сообразила, что это ее единственное спасение

* «Где цыганская девочка? Видел ты ее?»

и заползла в нее. А собака, загородив Нину, села перед конурой. Немцы не обращали внимания на реакцию овчарки, полагая, что та лает на хуторскую собаку и вскоре ушли.

Когда Нина выползла из конуры, старики упали на колени и воздвигли руки к небу, что-то возбужденно говоря по-эстонски. Она поняла, что они говорят о чуде, произошедшем на их глазах. Не сразу Нина пришла в себя от пережитого потрясения. А на следующий день, извещенная каким-то образом стариком, на хуторе появилась Христина Ивановна. Она привезла платье, плащ, туфли и красивый пестрый берет. В этом наряде свободного человека Нина ничем не напоминала узницу лагеря, и они беспрепятственно добрались на поезде до Таллина. Христина Ивановна поселила Нину в квартире своего знакомого, в наиболее надежном месте. Там она и пережила последние дни оккупации, никуда не выходя из квартиры.

Впервые Нина на улицы незнакомого города вышла в день его освобождения - шла она по маршруту, нарисованному Христиной Ивановной. И еще раз испытала она чувство страха, на этот раз напрасное. Нина испугалась солдата с погонами. И даже русская речь не успокоила ее, а вдруг власовец? Только увидев звезду на пилотке, Нина поняла, что это свобода.

Далее судьба Нины сложилась счастливо. После окончания школы она поступила на химический факультет Ленинградского университета. По распределению попала в Узбекистан, где встретила своего будущего мужа.

В середине 70-х годов прошлого века, попав в Ташкент, я посетил Нину и ее супруга. Но время летит, и совсем недавно узнал, что Нина скончалась. Военное время, как и для большинства, оказалось для Нины очень тяжелым. Но дальнейшая счастливая ее жизнь как бы компенсировала ей горестные годы фашистских лагерей.

Арктика, ее исследователи, их будни
(из фотоархива К.Н.Белоусова)

1952 г. Ямал. Гидросамолет ША-2

1958 г. Биректинская экспедиция. Радиометрист

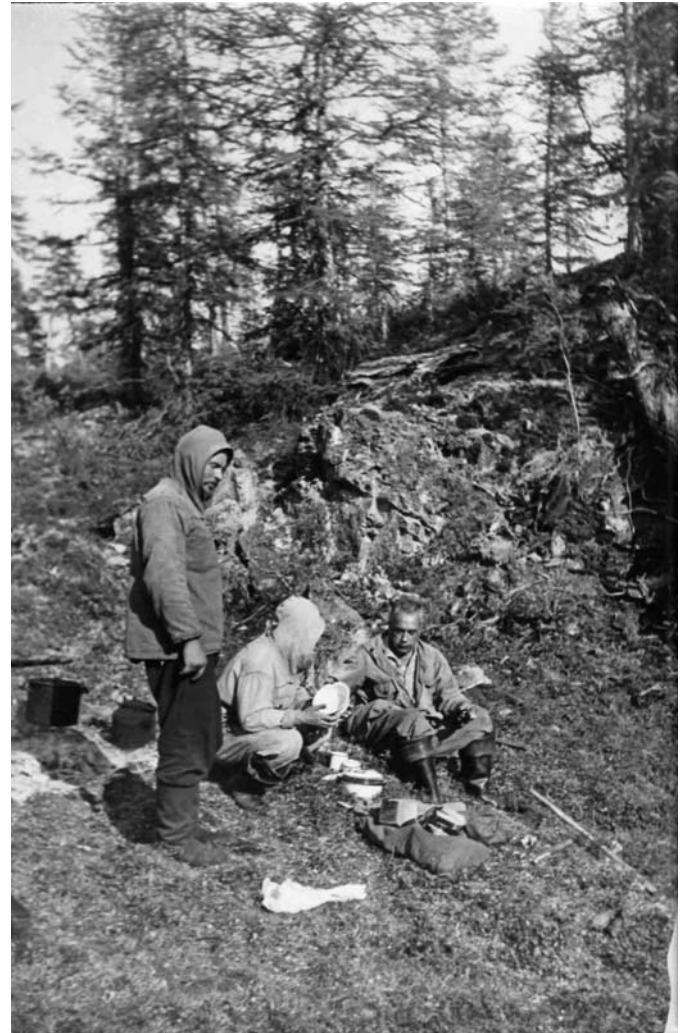
1959 г. Низовья Енисея. Крайний справа – *Д.В.Семевский*

1959 г. Низовья Енисея. В шляпе – радист *А.Балуев*

1967 г.
Якутия. Хр. Полоусный
Геолог *М.Щекотов*

1967 г.
Якутия. Индигирка
Справа – нач. отряда *А.Н.Наумов*

4 декабря 1967 г.
Б.В.Ткаченко

1970. Якутия. Индигирка.

Рыбку поймать мало, ее еще нужно почистить

1971 г. Якутия. Хр. Полоусный
Прораб-геолог *В.В.Орго*

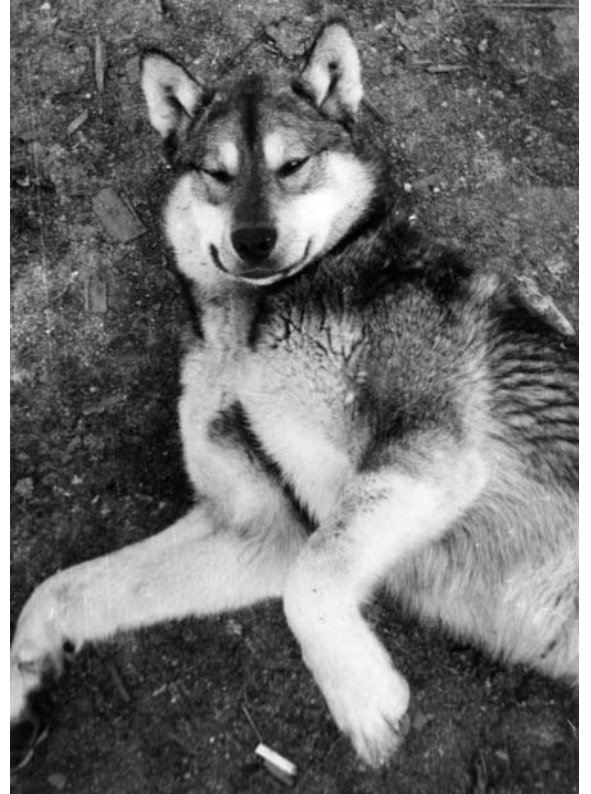

1971. о.Б.Ляховский
Нач. отряда *А.И.Самусин*

Геолог *В.В.Васильев*

1972 г. о.Б. Ляховский

Дик

1974 г. о.Фаддеевский

В.Н.Зенков с «другом Яшкой»

«Вездеход оказался быстрее...»

1976. о.Котельный.
Погрузка в ЛИ-2

1990. Арх.Шпицберген
Противостояние
(А.Бирюков и белый медведь на крайнем СЗ)

Как я попала в Арктику и геологию

Я не была влюблена в Крайний Север, не собиралась быть геологом. Я, студентка географического факультета Московского пединститута, просто хотела совместить практику с работой и немного заработать. Поэтому весной 1954 г. я оказалась в тресте «Арктикразведка» (в народе – «Арктикскказка») в Таймырской экспедиции. Естественно, по наводке. Пришла к нач.геологической партии *Н.Э.Гернгардт*. За день побывала у всех больших и маленьких начальников.

Начало дня:

- У нас нет вакансий.
- А я знаю, что есть место рабочего.
- Кто Вам такое сказал?
- Никто. Сама знаю.

Середина дня:

- А Вы капризничать в поле не будете? К маме не запроситесь?
- Не избалуете - не буду.
- А палатку починить сможете?
- А что здесь такого сложного?
- А готовить умеете?
- Когда жила дома - варила.
- А пешком в длинный маршрут сможете идти? (вопрос был задан женщиной 33 лет)
- Вы можете? Значит, и я смогу.

Конец рабочего дня:

- Ну, что мне с Вами делать?
- Взять в поле.

И взяли - я стала рабочей в геол.партии на геологической съемке м-ба 1:1000 000 в Таймырской низменности. Работали весь сезон «на себе», так как нанятые для работы олени оказались больны и их падеж начался раньше, чем сама съемка.

Конец полевого сезона:

Н.Э.Гернгардт: «Наташа, с твоим характером и твоей выносливостью тебе надо переходить в геологию».

Кто же мы такие?

Год или два в полевых работах Таймырской экспедиции НИИГА участвовал студент-художник *Дима Шувалов*. Пока до начала полевых работ все отряды торчали на базе в Усть-Тарее, Дима старательно писал наши портреты: в стареньких ватниках, в потертых ушанках... Многим портреты нравились, и мы просили подарить или даже продать их нам. Но художник был неумолим: он отвезет их в Ленинград. Это будет его дипломная работа, что-то вроде серии «Советские геологи - покорители Арктики».

А вернувшись осенью с полевых работ, мы узнали, что комиссия забрала работу Шувалова: «Что это за физиономии? Да ими только повести Джека Лондона иллюстрировать!».

Ненастный сентябрьский день 1965 года, небольшой островок Нансена у южного берега Карского моря. Мы закончили поисково-разведочные работы на острове и мерзли в выношенных летних (без утеплителей) палатках в ожидании «оказии» на материк. И в один счастливый день за нами пришел ледокол «Капитан Белоусов». Капитан судна, кажется, гордился тем, что именно он снимет с острова отважных исследователей Арктики и захотел во что бы то ни стало лично сойти на берег и посетить наш полевой лагерь. Он сошел на берег радостно возбужденный, заглянул в одну из палаток, потом растерянно уставился на ребят, тащивших мимо него к берегу наш жалкий скарб: драные раскладушки, потрепанные олени шкуры, примусы, закопченные сковородки, кастрюльки, тяжелые ящики с образцами... и, наконец, взорвался: «Куда вы все это барахло тащите? Неужели на судно? Да все это давно пора выбросить! Разве в этих палатках можно было жить?...» Мы не смогли убедить его в том, что это ужасное барахло - экспедиционное имущество, и мы должны сдать его на склад и т.д. и т.д.

Да и сами мы выглядели не намного лучше нашего снаряжения: засаленные грязные ватники, такие же ушанки, стоптанные сапоги...

Капитан был очень разочарован! Он-то думал, что мы герои, какие-то особенные люди и что условия работы у нас соответствующие.

В 1972 году Восточно-Сибирская партия начала групповую геологическую съемку (ГГС) м-ба 1:200 000 на Новосибирских островах (на о.Котельный). В отряде 5 маршрутных пар, а вездеход один. Поэтому практически все маршруты - пешие. На вездеходе, в основном, перебрасывали полевой лагерь отряда с заснятого участка на новое место. Рабочий ставил лагерь на новом месте и к нему все возвращались из маршрутов. Через 2-3 дня все повторялось. Естественно, что в дождливую погоду в маршрутах промокали и иногда возвращались не к сухому и теплему дому, а к сорванным ветром мокрым и грязным палаткам. Бывало по-разному.

В маршруты со мной ходил студент ЛАУ (Ленинградское Арктическое Училище) Алексей - паренек из Архангельской области. В маршрутах беседовали обо всем понемногу. И однажды он меня огорошил - говорили о геологии, о геологах и вдруг он выдал: «Я раньше думал, что вы (геологи) - герои, а вы... как цыгане, как свиньи! В сырости, в грязи! Я просто перестал вас уважать!»

Где-то в 1982-83 гг. мы с комсомольцами нашего института решили на стендах рассказать молодежи о людях НИИГА-ВНИИОкеангеологии. Начали со стенда с фотографиями первых нииговцев. *Володя Матвеев* написал такое вступление:

Открыта первая страница,
И с пожелтевшего листа
На нас глядят чужие лица,
И геология не та:
Нет пароходов и бананов,
Ни знойных женщин, ни пучин...
Толпа неведомых цыганов,
Пути неправильных мужчин...

Вот такими увидел нас геолог конца XX века!

Без фото Белого отсюда не уеду

С Новосибирских островов попала опять же на ГГС на о.Новая Земля. В маршруты со мной ходил Сергей - студент-горняк, уже отслуживший в армии. На шее у него постоянно висел фотоаппарат, потому что Сергей решил, что без фотографии белого медведя он не вернется в Ленинград.

Медведей на острове в этом сезоне было предостаточно, поэтому мы таскали с собой еще и ракетницу - единственное имевшееся у нас оружие для самозащиты от этого грозного хищника. Но медведи нас упорно избегали, а вот *В.Орго* и *В.Матвеев*, у которых не было даже ракетницы, бесконечно на них натыкались. Вывод напрашивался сам собой - нужно отдать ракетницу этой маршрутной паре. Так я и поступила.

О дальнейшем догадаться несложно: на следующий же день мы встретились с мишкой! Мы были на дне каньона: я описывала обнажение на правом склоне ручья, а медведь с интересом наблюдал за нами со снежника левого склона. Деваться было некуда, поэтому мы продолжили маршрут: я занималась работой, Сергей усиленно гремел эмалированными кружками, ну а медведь любовался нами обоими. Налюбовавшись, он незаметно куда-то исчез.

Возвращались из маршрута поздно, усталые. Я, как бы, между прочим, спросила: «Сережа, ну что, много снимков сделал?» Парень даже остановился: «Ой!! Я ведь даже не вспомнил о фотоаппарате!»

Не боги горшки обжигают

В тематический отряд на полевые работы требовался радист - без него отряд не выпускают на полевые работы. Я очень хотела попасть в поле. Поэтому вызвалась срочно стать радисткой. Муж быстренько изобразил для меня на листе плотного картона «лицо» полевой рации, притащил откуда-то старый ключ радиста и я рьяно принялась изучать названия и назначения всех кнопок, ручек, рычажков на картинке и зубрить азбуку Морзе. Через три недели усердных тренировок и знакомства с настоящей рацией я считала себя почти профессионалом. Тем более, что в те годы многие радисты в поле работали не ключом, а с микрофоном.

Тот сезон прошел нормально. А через год мне вновь пришлось стать радисткой - уже на Алазейском плоскогорье. Лето прошло спокойно, а в конце сентября - начале октября пришлось перейти на работу ключом, а это я делала не так быстро, как следовало (т.е. не было необходимой для радиста скорости).

Мы выходили из района работ на вездеходе. Стояла уже настоящая зима, снежная, морозная. Вездеход медленно тащился через Алазейское плоскогорье. Засветло останавливались на ночлег, немного разгребали снег, ставили наши легкие без утеплителей палатки и все скопом пилили-кололи дрова и топили наши жестяные печурки. Палатки кое-как согревались, но моментально выстывали, как только прогорали последние дрова - снаружи было до -26 градусов! Я подолгу топила печку, затем заталкивала в свой спальный мешок громоздкую рацию вместе с аккумуляторами, в оставшееся свободное место забиралась сама в полном обмундировании: в ватных брюках, куртке, ушанке. Сверху укрывалась плащом и брезентом. Рано утром выбиралась из мешка и снова топила печку - грела аккумуляторы.

Потом начиналось самое интересное. Мне нужно было срочно дать информацию на базу о нашем местонахождении и узнать, когда за нами придет вертолет. Начальник связи считал иначе. Он решил повоспитывать нерадивую радистку, не соблюдающую правила хорошего тона: выходя на связь, я должна была дожидаться его вызова, поздороваться, представиться, спросить, как он меня слышит - и только после всего этого переходить к делу. Однако на приветствиях аккумуляторы садились и связь прерывалась! На мое счастье, нач.связи улетел домой, его заменил простой радист. Он быстро оценил ситуацию, и у нас установилась нормальная связь. Я спокойно смогла обменяться нужной информацией и с базой, и с радистом вертолета.

Выходит, и вправду - не боги горшки обжигают!

Не трогайте! У меня мозги лезут!

1969 год. Тем.партия 446, начальник - *Русаков Игорь Михайлович*. Работы на Алазейском плоскогорье (междуречье Индигирки и Колымы).

Северная тайга, жаркий июльский день. Сквозь зеленые заросли и старую гарь наш вездеход продирался, валя живые лиственницы приваренным спереди куском мощного рельса. Временами машина оказывалась бессильна, но чаще - потихоньку ползла, выворачивая с корнем живые лиственницы и ломая сухостой. От резкого удара в нижнюю часть сухого ствола и следующего за ним «сотрясения» вершина дерева (метр - два) обламывалась, слегка взлетала вверх и обрушивалась на вездеход или вблизи него. На старых гарях такие обломки просто обстреливали вездеход, поэтому сидеть «на возу» или высовываться наружу из кабины вездехода в таких местах крайне опасно, так что я примостилась в кабине вездехода на коробке скоростей между водителем и *И.М.Русаковым*.

В тот день солнце было нашим единственным ориентиром. Оно сидело на вершинах лиственниц, готовое вот-вот скатиться вниз по шершавым стволам, чтобы исчезнуть до завтра. В очередной раз Игорь Михайлович попросил меня осторожно высунуться наружу через узкий лаз в снаряжении и взглянуть - с какой стороны от нас солнце. Высунувшись, я начала вертеть головой... и в этот момент обломившаяся вершина сухой лиственницы ударила в крышу кабины, подскочила, перевернулась в воздухе и с силой ударила меня торцом

в лоб! Я съехала вниз на коробку скоростей, крепко прижав ладони ко лбу. Их быстро наполняло что-то очень горячее и мягкое. Мне вдруг стало удивительно легко и хорошо, а где-то стороной проплыла мысль: «Как глупо умираю...»

Игорь Михайлович пытался оторвать мои ладони: «Наташа, что с тобой?!» - «Тихо, не трогайте. У меня мозги лезут!»

Когда, наконец, ему удалось рассмотреть мой лоб, оказалось, что мозги никуда не вылезли. Просто половину лба украсил огромный горячий отек. Нужен был холод, а рядом ни ручейка, ни лужицы. Только на дверце кабины снаружи болтался алюминиевый чайник с

остатками теплой питьевой воды. Жертвуя ею, смачивали тряпочку, «охлаждали» ее теплым сухим воздухом и делали мне примочки.

Маршрут продолжался.

И железо не всяко дерево ломит. Левобережье реки Сылги-Юрях

О вреде улыбок

Алазейское плоскогорье, 1969 год. Начало полевого сезона. Мужчины решили «рвануть» на несколько дней в маршрут на вездеходе без меня. А мне оставили задания: выходить на связь с базой, очищать оленину от червей (мясо не протухло, а только зачервивело) и делать котлеты, так как охоты не было.

В лагере полно мяса, вокруг лагеря довольно много медвежьих следов. Мне оставляют карабин.

Перед отъездом *И.М.Русаков* спрашивает: «А стрелять-то из карабина умеешь?»

- Конечно, нет - отвечаю, улыбаясь.

На том меня и оставили. Не могла же я сказать мужчинам, что элементарно трушу, что в тайге чувствую себя очень неуютно и даже из ракетницы стрелять не умею, только видела как когда-то *В.Колопетко* изуродовал себе кисть, пытаясь выстрелить из ракетницы.

Оставшись одна, я распределила имевшиеся у меня «средства защиты и нападения», которыми я одинаково не умела пользоваться, на территории лагеря: карабин положила в лабаз с продовольствием, ракетницу - в палатку-столовую, а в свою палатку взяла топор. Без топора я не выходила из палатки, считая, что это единственное оружие, которым я, возможно, смогу воспользоваться в случае необходимости... Медведи либо не прельстились запахом червивого мяса, либо поняли, что я вооружена до зубов, потому что за 4 дня ни один из них не потревожил меня.

Наши вернулись на пятый день. Увидев карабин в лабазе, шеф удивился:

- Почему карабин у тебя не в палатке? Зачем ты его в лабаз сунула?

- А что мне с ним делать? Разве что прикладом медведя могла бы оглушить?

- То есть?
- Я же Вам сразу сказала, что не умею им пользоваться!
- Чего ж ты тогда улыбалась? - охнул он. - Я думал, ты пошутила!

Опять створы не на тот берег поставили!

1967 год. На р.Индигирке большая вода - река превратилась в море разливанное! Протоки, старицы, пойма с зарослями кустарников - все скрылось под водой, лишь кое-где торчат верхушки кустов. А чтобы отряду *И.М.Русакова* попасть в район работ, необходимо переправиться на противоположный берег Индигирки...

Ответственный момент погрузки вездехода на самоходную баржу (самый высокий из стоящих на барже – И.М.Русаков)

Удалось только найти небольшую самоходную баржу с мини-командой: капитан, механик и матрос в одном лице, причем лицо это было вызывающе красным.

Вездеход водрузили поперек баржи, его "нос" и "корма" слегка нависали над бортами посудыны. Баржа двигалась медленно, зигзагами, то и дело цепляясь за верхушки затопленных кустов. При этом она неуклюже переваливалась с боку на бок, левый крен неожиданно сменялся правым. Казалось, что еще момент - и либо вездеход нырнет за борт, либо перевернется сама баржа...

А в это время пьяный капитан, держа в вытянутых руках лоцию, недоуменно переводил взгляд с нее на берег и обратно. Наконец, смачно выругавшись, повернулся к стоявшему рядом *Аркадию Трухалеву*: "Вот, ****! Опять створы не на тот берег поставили!" Аркадий склонился над картой... капитан держал ее вверх ногами!!!

И все-таки, как ни странно, мы благополучно перебрались на правый берег и очередной полевой сезон - на Кондаковское плоскогорье и хр. Улахан-Сис - начался!

Диалог в картсправ бюро (КСБ)

В КСБ зашел молодой техник Таймырской экспедиции *Володя Колонетко*, еще ничего не знавший о гостайне и спецчемоданах, с заявкой на картматериалы для предстоящих полевых работ. Зав. КСБ *Сясько Ф.И.* тут же начал отбор нужных материалов. Володя, с интересом наблюдавший за тем, как быстро на столе растут стопки карт и аэрофотоснимков, не выдержал:

В.: "Ух ты! Как много! Как же я их утащу?"

Ф.И.: "Очень просто - сложите в чемодан. У Вас есть чемодан?"

В., после небольшой заминки: "Да, есть. А что?"

Ф.И.: "Как - что? Идите, несите чемодан и все в него сложите."

В., с недоумением, почесывая за ухом: "Так он же у меня дома..."

Ф.И., на самой высокой ноте: "Как - дома?!"

В.: "Меня никто не предупредил, что я должен был привезти сюда чемодан."

Говорили, что у *Сясько Ф.И.* тут чуть не случился инфаркт.

А в Таймырской экспедиции фраза "Чемодан есть, но он же у меня дома..." (с обязательным почесыванием при этом за ухом) на какое-то время стала крылатой.

Мастер-да-мастер

Май 1964 года. Весновка на озере в верховьях р. Анабар. Нас пятеро: начальник отряда *К.С. Забурдин*, я, техник-радиотехник и два пастуха - молодые якуты. Строим большие плоты, чтобы вслед за ледоходом сплавиться по Анабару в Джелинду и получить стадо выючных оленей - транспорт на полевой сезон. Еще лежит снег, но на озере вдоль берега уже появилась полоска воды.

Холодно. Голодно. И вдруг однажды к вечеру у моей палатки появился один из наших пастухов, Миша. Коротко бросил: "На, бери!" - и шлепнул на снег связку свежей рыбы. Его широкое скуластое лицо озарилось мальчишеской улыбкой. Он не выдержал и, обведя высунувшихся из палатки русских мужчин сияющим взглядом, гордо добавил: "Мастер-да-мастер!" И приложил руку к груди.

Мы стояли, не в силах оторвать влюбленно-голодных взглядов от увесистой связки блестящих карасей. На наши многословные вопросы - где и как он сумел наловить столько рыбы, парень небрежно махнул рукой в сторону озера: "Там". Мы онемели! Две недели сидим на скудном пайке, две недели питаемся разговорами о рыбалке и охоте, а рыба-то у нас под боком! Мы мечтаем, а этот молодой и с виду неуклюжий парень, прибыв к длинной палке то ли гвоздь, то ли крючок, пошел и наловил столько рыбы! И потом Миша кормил нас всех рыбой вплоть до отъезда.

Тогда я узнала, что "Мастер-да-мастер" - наивысшая похвала для якута. Мне было приятно часто повторять эти слова в течение полевого сезона - благо, для этого было достаточно поводов. "Мастер-да-мастер" говорили мы, наблюдая, как ловко он набрасывает

маут на оленя, как быстро и проворно выучит оленей и без карты спокойно ведет свой небольшой караван через реки и водоразделы в назначенное для следующей стоянки место, как перочинным ножом вырезает из березовых палочек ложки с замысловатым узором, как спокойно уходит в тайгу и по каким-то невидимым для нас признакам находит разбежавшихся от комаров или за грибами оленей, как легко и свободно поет свои песни...

Сезон благополучно завершился, но еще долго мы, желая похвалить или подкусить кого-то, подтрунить над кем-то из знакомых, бросали короткое: "Так ты ж у нас мастер-да-мастер!".

Когда спишь на ходу

В 1964 г. я работала с *К.С.Забурдиным* в верховьях Анабара на вьючных оленях. Несколько раз в сезон на новые точки мы перебирались вместе с караваном. Такие переходы позволяли несколько расслабиться и нам, и пастухам: им не надо заботиться обо всём караване - ведь геологи идут гуськом за последним оленем, а геологам не надо следить за направлением маршрута - пастухи выйдут без карты на любую заданную точку.

Так было и в тот памятный день. Я замыкала шествие. Перед моим носом мелькали сапоги К.С. и его мокрая от пота спина. Доносились звуки ботала, фыркание оленей; под ногами то чавкало, то хрустели сухие ветки. Шли уже несколько часов. Все мысли кончились. ... Ни ветерка. Жарища, а на нас к тому же плотные одёжки (рубашки с длинными рукавами + энцефалитки) для защиты от укусов комаров, длинные болотные сапоги с суконными портянками и облепленные комарами накомарники.

И вдруг в какой-то момент до меня дошло, что что-то вокруг изменилось: стало гораздо тише и звуки стали иными, совсем не слышно ботало, а мои ноги спокойно плюхают по воде. Я подняла голову и моментально проснулась окончательно: передо мной, низко опустив голову, размеренно шагает К.С., а перед ним, совсем как у *Я.Гордина*:

"Идут олени...
Хвост. Голова.
Хвост. Голова.
Хвост...."

Перед К.С. шли всего три оленя, и у переднего с шеи свисал конец верёвки, которой он был привязан к задней части седла впереди идущего оленя. Вся наша компания гуськом шлёпает по руслу какой-то речушки. *По течению*. А мы должны были *пересекать* все речки! И никаких следов каравана. Мы потерялись и неизвестно, когда это произошло и сколько раз мы меняли направление хода. Наши крики и свист остались без ответа.

До нового лагеря мы добрались только ночью.

В 1969 году на Алазейском плоскогорье мы (группа *Русакова И.М.*) работали уже на вездеходе.

Стояла безветренная жаркая погода. Вездеход ползал "на самой малой" и через каждые 3-4 км останавливался - закипало масло. Изменить ни в машине, ни в погоде ничего было невозможно, поэтому нам пришлось приспособливаться к ним: пытались ехать по холодку, в жару останавливались, наскоро перекусывали и спали. Сном это состояние дремоты в удушающей жаре палатки, когда даже комары замирали от зноя, назвать трудно. Жара немного спадала - и снова в дорогу. На обнажениях, естественно, задерживались.

Как-то И.М. указал Борису (вездеходчику) впереди очередной ориентир - небольшой шток, от которого нам следовало повернуть влево. Я в тёмном душном кузове под монотонное урчание вездехода боролась со сном и временами через коробку скоростей поглядывала вперёд - "на улицу". Вблизи шток оказался уж слишком крупным: как ни посмотрю - мы всё едем вдоль него и никуда не отъезжаем. Желая хорошенько оглядеться вокруг, я взгромоздилась на коробку скоростей, посмотрела вперёд, налево, направо... Справа сидел шеф с закрытыми глазами, но крепко зажав в руке карту; слева - Борис. Тоже с закрытыми глазами и чуть-чуть двигая рычагами. А впереди неспешно уходил под наши гусеницы свежий вездеходный след. И не один. Оказалось, что мы пошли на третий виток вокруг штока!

Странный вы народ, геологи!

В середине прошлого века в СССР существовало Управление Полярной Авиации (УПА). Самолеты УПА обслуживали и нас - полярных геологов. Летчики там были опытными, отчаянными и лихими. Мы их знали по именам. Их ПО-2 и АН-2 прилетали к нам чуть ли не в любую погоду, они никогда не вымеряли шагами размеры наших взлетно-посадочных площадок - сажали самолеты на такие пятачки, крохотные галечные косы и островки, что для взлета порою приходилось вручную разворачивать машины носом к ветру... и взлетали, подпрыгивая на небольших валунах и купаясь в фонтане брызг.

1961 г. р. Фадью-Куда.
Чтобы самолет
(командир *Иван Ляхов*)
взлетел с узкой и
короткой косы, его
надо развернуть носом
к ветру

Но вот вес принимаемого на борт груза они всегда «контролировали» сами, определяя его на глаз. И тут наши интересы резко расходились: пилот старался не допускать перегруз борта, а геологи старались впихнуть в самолет как можно больше образцов и снаряжения. Самолеты были грузовыми, поэтому наш груз сваливался горой в центре салона, а мы усаживались на эту кучу. Мы очень радовались и гордились собой, когда нам казалось, что мы надули летчиков. Они же очень по-разному относились к нашим махинациям.

Мне на всю жизнь запомнилась фраза пилота АН-2 *Э.И.Павленко*: «Странный вы народ, геологи! Стараетесь протащить за нашей спиной побольше груза на борт, сами довольные усаживаетесь сверху и радуетесь... как будто мы не вместе летим!»

Фольклор

Вероятно, в каждом геологе живет поэт. В поле часто люди, кажется, никогда не писавшие ничего в рифму, вдруг выдавали короткие, грубоватые, иногда хулиганистые строчки, четверостишия, порой даже ОДЫ. Стихи появлялись неожиданно, по самым незначительным, казалось бы, поводам. Чаще всего они не записывались и быстро забывались.

Перебираю чудом сохранившиеся пожелтевшие листки с небрежно написанным текстом и прошлое буквально оживает...

Летом 1961 г. *Ю.Погребницкий*, попав в г.Бырранга, написал:

Небо - купол!
Бырранги - глыбы!
Гаммы щелкают счетами.
А ты бы мог потушить Везувий,
Не пользуясь вертолетом?

В сентябре на вопрос *Ю.Е.Погребницкого* откликнулся *А.Алаберг* из занесенного снегом палаточного лагеря на р.Фадью-Куда:

Вьюжит северный вредный
Сколько в небо ни зырь!
Скоро лопнет мой бедный
Мочегонный пузырь!
Я б сейчас без натуги,
Без услуг вертолета,
Потушил бы Везувий,
Как советовал кто-то...

А вот так с юмором воспринял отсутствие сахара *Н.Шануренко*:

Пуškai не с сахаром,
А с дымом чай мы пьем, -
Зато нам в старости
Не будут ставить клизму!
Через леса и горы мы идем
К сияющим вершинам
Коммунизма!

Или вот *В.Зенков*, вечно что-то придумывавший, в 1972 г. на о. Котельный подобрал где-то чайчонка, назвал его Сёмкой, все лето возил с собой и радовал нас «прогнозами»:

Если Сёмка лезет в воду -
Жди хорошую погоду!
Если Сёмка бьет крылом -
Мы в маршруты не пойдем!
Если Сёмка в угол «бьёт» (имеется в виду угол палатки),
Римма фауну найдет!

В.Непомилуев в те же годы на о.Котельном написал Оду о поваре, суть которой сводилась к тому, что:

В этом суровом Полярном кругу
Каждый может напиться в дугу.
Но если напьется единственный кок -

Обед никогда не получится в срок.
А нету обеда - и остров Буян
Мрачен и холоден, как океан!

Много лет спустя после завершения ГГС на арктических островах *Володя Орго* однажды съездил в субботу в Пупышевское садоводство. Потрясенный духотой и давкой в вагоне электрички, жидким месивом из торфа и глины на «дорогах» и участках садоводств, он на чьи-то воспоминания о тяготах работ в Арктике выдал:

Тьфу, Арктика и Север Крайний!
Таймыр, Котельный - РАЙ!
А АД - ...
Вот вы срубите домик спальный,
В болоте вырастите сад.
И не бубните про палатки,
Маршруты, скалы, комарьё.
В вагон ворвитесь при посадке
В субботу утром - ё, моё!

Коротко о разном

1959 г. Таймыр. Бухта Ожидания. База Таймырской экспедиции. То хлопоты, то безделье перед началом полевого сезона. В час безделья кто-то предложил оригинальное состязание: бег наперегонки в полном обмундировании, в болотных сапогах со спущенными ботфортами и ... с лепёшкой в зубах. Смелых оказалось двое: *Ю.Е.Погребницкий* - начальник экспедиции и *Р.Ф.Соболевская* - рядовой геолог. Публика, как и положено, шумела, веселилась, воплями подзадоривала бегунов, а они бежали, крепко зажав в зубах лепёшки! Вообще-то исход поединка был предрешен изначально: сапоги Р.Ф. на пять размеров превосходили необходимый, а Ю.Е. не собирался делать никаких поблажек женщине. Зато оба согласились, что лепешки были очень вкусными!

1959 г. Таймыр. В маршруте по шлиховому опробованию крупного ручья бывалый промывальщик по прозвищу Керосин: "Наталья, всё-таки плохо, что ты женщина!" - "Почему?" - "Да была бы ты мужиком, мы бы с тобой давно договорились, и так далеко от лагеря за шлихами не ходили бы. Я бы за первым поворотом отмыл их сколько хочешь!"

1960 г. Таймыр. *В.Захаров* взял очки, ружьё. "Пойду стрелять чаек!" Потом слышались выстрелы и *хохот* чаек!

1966 г. Наш маленький отряд из трех человек прибыл в Тикси. Здесь всё как всегда. Нам надо было попасть в аэропорт Булун, так до 12 часов дня аэропорт Тикси закрыт, с 12 до 15 часов аэропорт Тикси открыт, но закрыт аэропорт Булун. К вечеру оба аэропорты открыты, но ... нет самолёта. Становится ясно, что пора где-то устраиваться на ночлег. В гостинице нам не обязаны предоставлять места - мы не транзитные пассажиры. Наш начальник *Л.П.Смирнов* ничего не смог добиться: свободных мест в гостинице *нет*. За дело взялся обаятельный *А.И.Алаберг*, и вскоре в руках у нас оказалось разрешение на проживание в гостинице. Л.П. чуть не поперхнулся, прочитав в разрешении, что "в гостиницу для проживания направляется пассажир Алаберг А.И. и двое, летящие с ним".

1972-74 гг. Остров Котельный. Я одна в отряде занималась четвертичной геологией и просила приносить мне (или указывать местонахождение) кости ископаемых млекопитающих. В ту пору меня иногда в шутку называли "Наташа - Радость наша".

Поэтому все кости ископаемых млекопитающих назывались не иначе как "мослы нашей Радости".

1973 г. Остров Котельный. Вездеход вывозит нас из лагеря к началу маршрута каждой маршрутной пары. Все, отощавшие к осени, стоим в кузове у кабины - так теплее. Один *В.Ф.Непомилуев* сидит в кузове позади нас и задумчиво смотрит в наши спины.

На первой же остановке он с озабоченным видом изрекает: "Вот что я вам скажу: У коллектива наблюдается полное отсутствие филейных частей".

1978 г. Новая Земля. Шутка сезона. В маршруте *Володя Орго* установил выходы пород так называемой савинской свиты, что сделать было очень непросто.

Вечером начальник отряда: "А почему ты решил, что это савинская свита?"

В.О.: "Я спустился в каньон, а там на скалах крупными буквами написано: "САВИНСКАЯ СВИТА"!"

1982 г. Мурманск. Поздно вечером меня поселили одну в пустой двухместный гостиничный номер. Забралась под одеяло, только немного согрелась и задремала - громкий стук в дверь. После моего отзыва стучавший (мужчина) чертыхнулся и крикнул кому-то : " ***...! Бондаренко ОКАЗАЛСЯ ЖЕНЩИНОЙ !"

Как мы сажали самолёт

В 1965 г. Таймырской экспедицией проводились поисковые работы на о.Нансена - одном из южных островов архипелага Норденшельда в Карском море. Доставка людей и груза производилась самолётом УПА на ледовую взлётно-посадочную полосу (ВПП) у островка, где была полярная станция. Груз и люди уже были на месте. Задерживалась только прораб *Иванова Г.В.* Когда же она, наконец, появилась в Тикси, ситуация уже стала критической - на льду было много воды, возможность посадки борта на такую ВПП с каждым днём становилась всё менее реальной. И тут кого-то осенило: чтобы уменьшить количество воды на льду, надо просверлить в нем дырки - вода и уйдёт. Сказано - сделано. Бур взяли на полярной станции и насверлили немало дырок по периметру посадочной полосы.

Утро было полно неожиданностей:

- пробуренные нами отверстия во льду к утру увеличились до размеров огромной лунки, диаметром больше метра!

- количество воды на льду не стало меньше, хотя она, казалось, всё время устремлялась в лунки;

- из лунок то и дело выглядывали любопытные мордочки нерп;

- самолёт кружил над островом, бортрадист поливал матом изобретателей этих чудовищных дыр и самолёт отказывался от посадки.

Но всё же это была *полярная авиация* - командир борта, поколебавшись, потребовал, чтобы мы обозначили ВПП людьми, расставив их у лунок. Самолёт сделал ещё пару кругов, примеряясь к безопасной площади ВПП, и плюхнулся на лёд, покрытый водой. Быстро выгрузили *Иванову Г.В.* и небольшой груз; опять мы встали у лунок и самолёт, окатив нас водой, взмыл в воздух. Сделал прощальный круг над нами, качнул крылом и ушёл в сторону Тикси!

Чтобы ты не боялась!

В полевой сезон 1978 г. на Новой Земле белый медведь насмерть задрал человека в соседней экспедиции.

Наш отряд заканчивал полевой сезон в сентябре, по снегу. На последнем лагере моя палатка, как всегда, стояла несколько в стороне от мужских. В эти же дни вблизи лагеря обнаружили медведицу с медвежонком - не безопасное соседство. Однако меня об этом не предупредили, и я спокойно жила в своей палатке и спокойно выходила, естественно, безоружная, на прогулки по окрестностям, отходя от лагеря на 1,5 - 2 км.

Позже, на базе экспедиции, узнав об этом, я поинтересовалась у нач.отряда *О.П.Тимофеева*, почему же меня не предупредили о медведице.

Ответ был лаконичным: "А чтобы ты не боялась"!

Об игре в карты

Я никогда не понимала смысла карточных игр, считала их пустой тратой времени даже в дороге. А если меня и втягивали в игру (кому-то не было пары), я добросовестно помогала напарнику проигрывать, потому что не могла заставить себя запоминать карты противника, ходы и пр.

Однако же вскоре жизнь убедила меня в том, что умение играть в карты не - бесполезная штука.

В 50-х годах XX века дорога к месту полевых работ и обратно была гораздо "длиннее", чем сейчас, - либо поезда с пересадками, либо небольшие грузовые самолеты с вечными задержками в необустроенных северных аэропортах: то нелетная погода, то неисправности в самолете, то пилоты вылетали свою саннорму и нужно ждать смену экипажа и т.д. и т.д. Аванс на дорогу к месту полевых работ и обратно выдавали небольшой. Домой практически всегда возвращались без денег: завхоз выдавал по 25-30 рублей, которые куда-то растекались еще до выезда с базы экспедиции. Но удивительное дело - каждый раз все как-то обходилось...

В 1958 году из Диксона в Мурманск возвращались морем на теплоходе "Сестрорецк". Денег от аванса на дорогу у некоторых практически не осталось, ведь мы рассчитывали лететь самолетом... Во время качки страдающие морской болезнью обходились без еды, но, когда море успокаивалось, все вспоминали о прекрасной судовой столовой, но...без денег там делать было нечего. И вдруг нам сообщили, что все мы можем ходить в матросскую столовую на обеды. Это было так здорово, что мы даже сразу как-то не задумались, почему нас вдруг пожалели. А ларчик-то открывался просто - за нас кто-то начал платить! И тут же выяснилось, что это *Г.Е.Черняк* оплачивает обеды деньгами, которые он выигрывал в преферанс у плавсостава.

А в 1960 г. мы добирались из Хатанги в Ленинград грузовым самолетом. Среди геологов нас, женщин, было трое: *Р.Ф.Соболевская*, *Э.Н.Преображенская* и я. Во время полета *Р.Ф.* неустанно трудилась: играла в кинга с *Черняком Г.Е.* и свободными членами экипажа (штурман, бортрадист, второй пилот временами позволяли себе расслабиться).

На посадке в аэропорту Ухта мы втроем вышли и на выигранные *Р.Ф.* деньги купили два арбуза. Это был настоящий пир на борту - ведь мы ели арбузы первый раз в 1958 году!

Слева направо: *Н.С.Бондаренко, Р.Ф.Соболевская и Э.Н.Преображенская* с арбузами, купленными за счет выигрыша *Р.Ф.Соболевской* в преферанс

АРКТИКА день за днем, сезон за сезоном

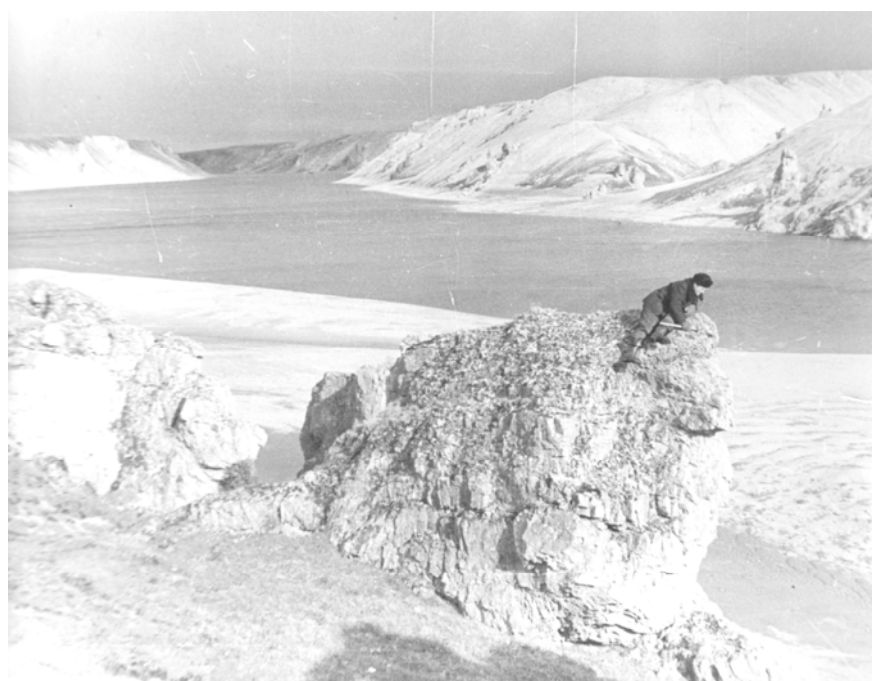
(из фотоархива Н.С.Бондаренко)

ТАЙМЫР

1957

Река Н. Таймыра. Сентябрь. Орлов В.П. и Соболевская Р.Ф.

Нижнее течение р. Шренк. В.П.Орлов

А поутру они проснулись...

(Ночью в верховьях р.Гравийной прошел дождь. *Н.С.Бондаренко и Ю.И.Кануткин*)

Редкая удача (р.Шренк, *Н.С.Бондаренко*)

1958

Река Траутфетгера.
2 отряда готовятся к
8-ми дневному
маршруту

Женский отряд
уходит на 8 дней.
Мильштейн В.Е. (сзади),
Соболевская Р.Ф.

И другой отряд –
Н.Бондаренко,
Ю.Кануткин,
В.Орлов – тоже на
8 дней

Тяжело в походе... (В.П.Орлов и Н.С.Бондаренко)

Река Ленинградская. В роли бурлака – Ю.И.Кануткин

1959

Отряд Р.Былинского. В группе – В.П.Орлов, Р.Былинский, В.Антипов, В.Колопетко

На начальнике партии
(Г.Э.Грикуров) всегда
лежит груз...

1961

Бассейн реки Фадью-Куда. *Захаров В.В.* (справа) и *Кануткин Ю.И.* пришли в гости в отряд *А.П.Иванова*

«И хорошо мне здесь остановиться и, глядя вдаль, подумать-помечтать...»
Н.С.Бондаренко

АНАБАР
1964

Май. Весновка на озере

Пос. Желинда. Арендованные для работы вьючные олени. В центре, среди детишек,
К.С.Забурдин

Сплав на плоту

Вдоль крутых берегов (река Анабар)

ОСТРОВ НАНСЕНА
1965

Перед маршрутом (Г.В.Иванова, А.И.Алаберг, Ю.И.Захаров)

ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ РЕКИ ЛЕНЫ
1966

Расчистка фарватера для прохода клипербота на р. Сололи (приток р.Лены)
Н.С.Бондаренко и А.И.Алаберг

КОНДАКОВСКОЕ ПЛОСКОГОРЬЕ и ХРЕБЕТ УЛАХАН-СИС

1967

Хоть умри – но связь обеспечь! (Н.С.Бондаренко)

Р.Большая Эрча. Редкая находка (слева направо: К.С.Забурдин, И.М.Русаков, вездеходчик Ю.Тюрин)

*На обнажении
(И.М.Русаков и К.С.Забурдин)*

Июль – начало августа. Большой комар (спина *И.М.Русакова*)

Большой комар - 2 (фото *А.И.Трухалева*)

Большой комар – 3

Переправа
(долина р. Бол.Эрча)

Н.С.Бондаренко в маршруте

На новый лагерь

На новое место – со своими дровами (А.И.Трухалев и Н.С.Бондаренко)

На лабазе похозяйничал медведь...

Следы хозяйничанья медведя
(разорванные пакки чая, раздавленные банки тушенки)

А жизнь остается
прекрасной всегда...

А.И.Трухалев и в 1967 г.
отличался завидным
аппетитом

В маршруте
(р. Кэрэмэсит. *Н.С.Бондаренко*)

Все-таки женщина готовит вкуснее!

Увязли...

(Большая спина *И.М.Русакова*, справа *К.С.Забурдин*)

Гидросамолет привез продукты (взамен уничтоженных медведем)!

Большая мужская стирка (р.Бол.Эрча, справа налево: *И.М.Русаков, А.И.Трухалев*)

АЛАЗЕЙСКОЕ ПЛОСКОГОРЬЕ

1969

Иногда и вездеходу удается на ком-нибудь поездить (р.Индигирка)

Застряли, но содержательному человеку (Н.С.Бондаренко) никогда не бывает скучно

Река Алазея

Июль. Верхояно-Колымский тракт,
«торная» дорога в 19 – начале 20 века,
совсем зарос

Сентябрь. У подножья горы Нелькан. Слева направо:
Кореньков Г.П., Бондаренко Н.С., Русаков И.М., рабочий Гена

Октябрь. Полевой сезон завершен!

НОВОСИБИРСКИЕ ОСТРОВА

О.Котельный

1972

П-ов Михайлова. В маршруте *М.К.Косько* и *Н.С.Бондаренко*

Зарываемся все глубже

о. Темп. Осень. *Н.С.Бондаренко* и *В.В.Орго*

О. Земля Бунге

1973

«Я нашел здесь песчаную пустыню». (Э.Толль, 1886 г.) Вездеход *Н.С.Бондаренко*

Последние кочки с дерном. Справа *Н.С.Бондаренко*

Арктическая песчаная пустыня

О.Котельный
1974

У нас еще до старта 14 минут...

П-ов Михайлова. Июль

П-ов Михайлова (западный берег).
М.К.Косько – впереди, *Н.С.Бондаренко*
– на почтительном расстоянии от начальника

Еще есть силы
радоваться жизни

Начальник и Хлебопек
(*М.К.Косько* и пекарь *А.А.Борисов* по кличке «Дед»)

М.К.Косько на берегу Восточно-Сибирского моря («Когда еще я не пил слез...»)

Палатка чудо-хлебопека А.А.Борисова и его печь (справа)

Кудесник за работой

Результатом доволен

База ВНИИО и ПМГРЭ под Чокурдахом. После грозы

База Восточно-Сибирской комплексной партии (ВСКП) (о.Темп). Сентябрь

1975

С.Бондаренко с челюстью мамонтенка

Река Кожевина. В маршруте. *М.К.Косько* и *Н.С.Бондаренко* еще что-то выясняют, студенту *А.Р.Соколову* (ныне – директор музея ВСЕГЕИ) уже все ясно

Горы Шмидта. Река Таба-Юрэх. Лагерь отряда *М.К.Косько*

О.Темп. Перед выходом в маршрут.
С.Бондаренко и А.А.Борисов (Дед) используют для чтения любую паузу

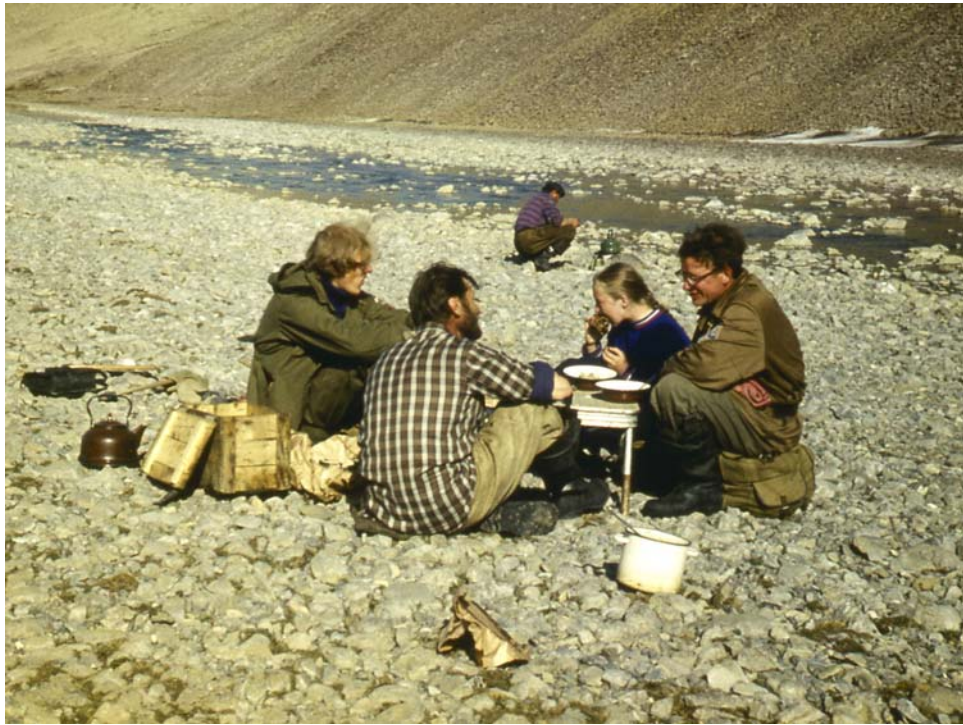
14.07.1975
Под крылом самолета
о.Котельный

Большая встреча. Крайний слева – *Л.Б.Очаповский*, в центре в пестрой шапочке – начк. ВСКП *В.Н.Зенков*, за ним – *Д.А.Вольнов*, крайний справа – *М.К.Косько*. На переднем плане – гуси *В.Н.Зенкова* – *Борька*, *Цезарь* и *Безымянный*

В гостях у отряда *М.К.Косько* – отряд *Д.А.Вольнова* (три дальних палатки).
Река Балыктах

Обед в долине реки Кожевина.
Слева направо: *Соколов А.Р., Очаповский Л.Б., Бондаренко С., Косько М.К.*

Июль. Спуск в долину реки Кожевина.
С.Бондаренко делает первые шаги в геологию

Южная часть о-ва Котельный. Вездеход выбирается из долины ручья

Июль. В маршруте. Слева направо: *Очаповский Л.Б., Бондаренко С., Косько М.К.*

Июль. Редкий солнечный день. В маршруте *М.К.Косько* (впереди) и *С.Бондаренко*

Август. Река Чукочья. Первый большой снег. Лагерь отряда *М.К.Косько*

ОСТРОВ НОВАЯ СИБИРЬ

1977

Гидробаза. Первый выезд. На вездеходе *Виноградов В.А.*, *Бондаренко Н.С.*, стоят: крайний справа *Липков Л.З.*, третий справа – *Зенков В.Н.*

Обед в пути. Справа налево: *Виноградов В.А.*, *Зенков В.Н.*, *Орго В.В.*

Приток реки Большой. Перебазировка бурового отряда *С.В.Беймарта*. В тот год оттайка грунта достигала 80 см

Район мыса Высокий. В маршруте *В.А.Виноградов*

Мыс Высокий. *В.В.Орго* моет шлих

Обедать приходится ежедневно (если есть чем). Сидит *В.А.Виноградов*, сзади – *В.В.Орго*

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

1978

Южный остров.
Отряд *О.П.Тимофеева*.
Первый полевой лагерь
оказался на пути миграции
диких оленей

В маршруте *В.В.Орго*

Лагерь отряда
О.П.Тимофеева

Застряли, однако...

Сентябрь. Отряд *О.П.Тимофеева*.
Выход из района полевых работ.
Вездеходы здесь ходят медленно.
Чтобы не замерзнуть – лучше пешочком

Сентябрь. Последний лагерь

Стихи о морской энциклопедии*

«Специалист вы или нет?!
Вот *словник!*
 зная свой предмет,
Слова знакомые найдите
И напишите по статье
 для шеститомника МЭ.
Литературу подберите,
Рисунки, ссылки, чертежи –
Пусть новым знанием овладеют
Кухарки, няньки и бомжи.
Статьи те *Дибнеру* снесите,
И не стыдясь (не зря ж корпели),
О гонораре попросите.

Статьи сто раз перемарают,
Рисунки вовсе потеряют,
О гонораре умолчат
И заключение настрочат.
А в нем какой–нибудь болван -
Замшелый старый истукан,
Давно забывший все науки,
А в прошлом - «мастер руки–крюки» -
Отметит: «Слишком всё научно,
Бомжам и нянькам это скучно.
Тут надо всё переписать
Народу близким языком,
Ведь он с латынью не знаком.
И лучше языком Толстого...»
Забыл только сказать, какого!

Не утруждаясь сопроматом,
Тогда уж, может, проще матом?
Но им владеет наш народ,
Как и наречьем иностранным:
Чуть что – пускает в обиход,
Найдя в своём кармане драгом,
Так слова три, а редко пять...
Как тут статью переписать?

Вот *спрединг* – дьявола создание,
Вот *шельф, базальт, пелагиаль*,
Сложна картина мироздания...
Но нам редактор наказал,
Чтоб было всё ежу понятно,
Тут хитрый Дибнер, взяв с собой
Учебник школьный (класс седьмой),
Где всё изложено так внятно,
Шуршит в издательство,
Чтоб показать зануде то,
Что знают школьники давно.

Ну, с этим делом разобрались.
А мы-то из чего старались?
Нам денег что-то не видать.
Но может, больше стали знать?
Ан нет, с прискорбием извещаю:
Чем больше думаю, что знаю,
Тем больше вижу я проблем.
Отчаявшись почти совсем,
Всё больше ставлю я вопросов!
Повесив книзу нос курносый,
Я твёрдо знаю лишь одно,
Что я не знаю ничего!

Лето 1999 г.

* попытка издания шеститомной Морской Энциклопедии предпринималась издательством «Судостроение», мы в этой работе участвовали по джентльменскому соглашению двух академиков. Руководство этой работой было поручено *В.Д.Дибнеру*, который подошел к ней, как всегда, очень ответственно и тщательно. Но первоначальные подходы не раз менялись в зависимости от взглядов и новых лиц в редколлегии. Тянулось все бесконечно долго, редакторы менялись, потеряв взаимопонимание с издательством, мы решили прекратить свое участие в этом деле. (А.З.)

ЮБИЛЕЙНЫЕ

К 50-летию института (НИИГА, ВНИИОкеангеология)

Так быстро время пролетело,
И многих нет уж среди нас,
Но память знает свое дело,
Хранит былое без прикрас.
Научных споров вереницы,
Потом застолий шум и гам,
В азарте кто-то мог напиться
И рухнуть к чьим-нибудь ногам.
Мы были молоды, считали,
Что правы только мы одни,
И построенья признавали,
Конечно, только лишь свои.
Но жизнь вносила коррективы;
С годами стали мы скромней,
В преддверьи общей перспективы
Мы лучше делались, добрей.
Внимание к чужим заслугам
Мы чаще стали проявлять,
К друзьям и преданным подругам
Невольно взоры обращать;
И понимать, что в жизни брэнной
Дороже нету ничего,
Чем вечной ценности Вселенной,
которую зовут — Добро.

Олегу Шулятину на 70-летие

Мой старый друг, мой друг бесценный
Тебя поздравить жажду я.
Пусть, как и прежде, непременно
К тебе стекаются друзья.
Чтоб оставался тем магнитом,
Который нас соединял.
Как в мире том, полузабытом,
Союз наш верно охранял.
Ряды, увы, редеют наши,
Но боль сегодня затая,
За дружбу мы поднимем чаши,
Святым огнем ее горя.

Сергею Ивановичу Андрееву на юбилей

Сегодня Вы - морской геолог,
Команды славной капитан,
Однако, путь был к морю долог —
Через болота, сквозь туман,
Долины, сопки, перекаты
Порожистых таежных рек
Землепроходцев младшим братом
Всевышний Вас тогда нарек.
То было время золотое,
Начало славного пути,
Тогда Вы отправлялись «в поле»,
А море было впереди.
Колю, Сухарика, Корейка
Родными стали навсегда,
Костер, палатка, телогрейка,
В котле кипящая вода.
Манила всех тогда Игарка,
Куда добраться мы могли
На вездеходах и байдарках,
Не отрываясь от земли.
Друзья — геологи, поэты
Семья романтиков, трудяг
Забуть ведь невозможно это,
И наша юность — не пустяк
И Вас сегодня поздравляя,
Желая счастья и удач,
Былое снова вспоминаю,
Ведь время уж несется вскачь.
И Вы сегодня — не Сережа,
А мэтр, ученый и стратег,
Но для меня Вы все же тот же,
И им останетесь навек.

31 мая 2004 г.

Николаю Константиновичу Шануренко на юбилей

Вас, поздравляя с Юбилеем
Желаем долгих долгих лет,
Чтоб жить и дальше, не старея,
И с радостью встречать рассвет
В любом приветливом лесочке,
Где доведется крепко спать!
На мягкой и уютной кочке,
Послав к чертям свою кровать.
Где снова будет сниться Север,
Таймыр далекий, что родным
Навеки стал, как брат иль деверь,
И Вас запомнил молодым.
Желаем счастья и успехов
В работе, дома и в саду.
Чтоб годы были не помехой
С самим собою жить в ладу.

ГИМН ПАМЯТИ

К нам возвращается прошедшее
 в воспоминаньях..
И память мы свою должны благодарить,
За то, что помогает сохранить
Минуты первого волшебного свиданья,
Минувших дней тревоги и волнения,
Когда мы собирались в первый свой маршрут,
Еще не ведая, какие бури ждут,
Удачи, взлеты и паденья.
Проходит жизнь; лишь в памяти живут
Родные лица, коих уже нет.
И греет сердце их неяркий свет,
И кажется, что рядом они, тут.

ПРАЗДНИЧНОЕ

Праздники любят русские люди,
Готовы отметить их несколько раз.
За это, я думаю, их не осудят,
Не скажет Европа, что это маразм.
А, может, и скажет?
Да нам, что за дело?
Европа сегодня нам не указ.
Россия то нынче разбогатела,
Правда, как водится, лишь напоказ.
А рождество, Новый год, да и Пасху
Дважды отпраздновать, право не грех.
Пусть праздники будут похожи на сказку,
К ней издавна русский привык человек.

О моей работе в Биректинской экспедиции

В 1957 году меня назначили главным геологом Биректинской экспедиции, известной ранее как Яральинская и переименованной после переноса ее базы в среднее течение р. Оленек, против устья р. Биректа. Весной того же года часть геологов экспедиции, задержавшихся с отъездом в поле, вместе с ее начальником, *Ефимом Яковлевичем Радиным*, отправились на базу северным маршрутом, через Тикси, поскольку дорога через Якутск была отрезана. «Аэропорт» Биректа в это время принимал самолеты только на лыжах, тогда как в более южных районах самолеты перешли уже на колеса. Прибыв в Тикси и быстро оформив спецрейс, мы вылетели на Биректу. Однако, менее чем через час полета, сели в Таймылере, расположенном северо-западнее Тикси, тогда как Биректа была почти прямо на юг. Мы были в полном недоумении... Вскоре все прояснилось. По крикам и песням, раздававшимся из гостиницы, стало ясно, что экипаж нашего самолета вырвался «за околицу», оставив большое начальство в Тикси, и загулял. Стало быть, сегодня мы уже не полетим. Пошел к начальнику аэропорта, с которым был знаком еще с 1950 года, когда по его просьбе я сделал план вверенного ему аэропорта, на местности привязав взлетно-посадочную полосу. Этот план я и увидел на стене в диспетчерской, что, в какой-то степени, оправдало мое появление у начальства. Начальник меня заверил, что на следующий день все нормализуется и мы полетим.

Утро началось со скандала. Экипаж вообще отказался лететь на Биректу, мотивируя это тем, что уже весна и лыжный вариант там не пройдет. Что мы обязаны были учесть это раньше и т. д. и т. п. Я бросился к начальнику аэропорта и он снова заверил, что все будет нормально и добавил: - «Только не возникайте и не качайте права. Я хорошо знаю командира – это крутой полярный ас *Лапиков*». – Не может быть! – воскликнул я. «Как, а ты его знаешь?» - удивился он. «Лично нет, но слышал о нем». Чтобы объяснить мое восклицание, необходимо воспроизвести рассказ, слышанный мной два года назад, на базе Яральинской экспедиции.

Экипаж Лапикова на ЛИ-2, находившийся в верховьях р. Оленек, снимал геолого-съемочную партию прямо с полевой базы. Вполне естественно, что забирали с собой не только коллекции, полевое снаряжение, личные вещи, но и железные печки. Ну, кто же бросит печку, лучшую подружку полярного геолога, что скрашивала дождливые осенние вечера? К тому же их надо было сдавать на склад.

После долгого нервного ожидания самолета, как обычно, спешной погрузки, непростого взлета с полевого аэродрома и набора высоты, из кабины появилась громадная фигура командира. Широко расставив ноги и мрачно обведя глазами грузовой отсек, он обратился к сидящим: «Ну, что... братия! Опять загрузили самолет г...ном?! Я предупреждал, что если в самолете опять появится барахло, то буду выбрасывать его вместе с вами, прямо на лету!» Я зримо представил эту картину: и громадную фигуру Лапикова, и притихших пассажиров! Правда, на сей раз у нас было с собой не барахло – все же чемоданы. Может быть, обойдется?! Но кто знает, как он будет их классифицировать?

Ну вот, наконец, объявили посадку и мы двинулись на ВПП. Под крылом самолета стоял экипаж, а несколько впереди, широко расставив ноги, возвышалась громадная фигура командира. Так вот какой этот легендарный Лапиков! Его мрачный взгляд оценивает нас сразу всех и по одному, как будто выбирает первого, которого будет выбрасывать на лету. И мы поспешно, чтобы «не возникнуть», срываясь по ступеням крутой железной лестницы, прошмыгнули в самолет, безмолвно устроившись на железных лавках. Через полтора часа мы были на Биректе, и Ефим Яковлевич ввел меня в наш дом (фото).

В этом доме, на берегу реки Оленек, я жил в течение 7-ми полевых сезонов

На базе Яральинской экспедиции, тогда же, когда услышал фамилию Лапиков, мне рассказали немало и других историй. Некоторые из них, если бы это не было правдой, можно было бы принять за анекдоты. Одна история случилась во время взлета самолета, отправляющегося с сотрудницей этой экспедиции, на базу полевой партии. Самолет стоял в самом начале косы, которая ночью была подтоплена из-за дождей, прошедших в верховьях реки, и вследствие этого стала значительно короче. В районе базы было сухо, и поэтому метаморфозы косы остались незамеченными. Самолет, пытавшийся взлететь, не успев набрать нужную скорость, врезался шасси в воду и перевернулся. Как рассказывал пилот: все в воде, вытекает бензин, есть опасность взрыва, и вдруг раздается тихий голос женщины-пассажира: «Скажите, а мы уже прилетели?» Этот умиротворяющий голос спас пилота от шока.

В дальнейшем, в течение нескольких лет, каждую весну, вместе с Ефимом Яковлевичем, мы прилетали на Биректу. В октябре же, после окончания ликвидационного периода, оценив предварительные результаты полевых работ, отправлялись в Якутск к Геологическое Управление, или в г. Иркутск, в Березовскую экспедицию.

Значительная часть моих летних работ проходила в тесном контакте с экипажем АН-2, т. к. нередко возникала необходимость посещения полевых партий. Это было связано с производственными задачами, в частности, проблемой стратиграфического расчленения картируемых в регионе однообразных по составу толщ. Вспоминая семилетнюю работу в этой экспедиции с разными экипажами самолетов, с которыми я ежемесячно «вылетывал» каждую саннорму, по прошествии десятилетий, я восхищаюсь их потрясающей работой и высочайшим профессиональным мастерством. Летали они, как боги, практически в любую погоду и в любые места. Их философия пилотирования укладывалась в несколько слов: «Прилетим и сядем, если есть хоть один подход». О их высоких человеческих качествах свидетельствует рейс за больным в условиях полного отсутствия на Биректе летной погоды. Но об этом немного позже.

Мы открыли и начинали «раскручивать» Уджинскую рудную провинцию, впоследствии оказавшуюся крупнейшей в мире по запасам ниобия, редких земель и фосфора. Расположена она в верховьях р. Уджа, где летом, даже для самолета АН-2, садиться было нелегко. Речные косы, маленькие и кривые, подходы к ним затруднены, а

летать приходилось довольно часто. Помню первый полет туда летом. Мне часто приходилось выполнять роль штурмана, и поэтому я обычно сидел между командиром и вторым пилотом, на ремennom поясе в проеме двери в кабину. Идем на посадку, я вижу, что самолет подходит к косе боком. Я, стараясь не показывать испуга, говорю командиру: «Самолет-то идет боком». – «Все правильно, так и задумано. Садимся мы по ветру. Пока винт выключен, нас несет ветер, он и управляет самолетом. Ближе к косе я самолет выправлю, и мы сразу упадем в самом начале косы, попрыгаем и в середине ее остановимся.» На это я ему говорю: - «Если против ветра, то тоже не укатимся далеко». – «И это правильно» - отвечал он, - «но тогда мне еще раз придется заходить на посадку». При возвращении на базу, командир не выключая мотор, высаживал нас на косе, сразу же взлетал и садился уже под окнами базовской столовой. - «А вам нельзя» -, говорил командир -, «я за вас отвечаю». И вот мы бредем по раскаленной косе, затем плывем на рычащей лодке (мотор Л-12), взбираемся на крутой высокий берег...Летали они, как ходили по земле.

Вторыми пилотами на АН-2 были молодые по возрасту и летному опыту ребята, недавно закончившие авиационные училища. Они в полете обычно вели визуальную привязку маршрута. В район запланированной посадки маршрут вел я, а домой - второй пилот. Процесс визуальной привязки, особенно при неважной видимости (нередко осложненной дымом из-за близких пожаров в тайге) решался коллективно и тут-то начиналась дискуссия - как держать карту? Так, чтобы север совпадал с направлением маршрута, или, как учили пилотов в авиационных училищах, ориентировать ее в соответствии с направлением маршрута. После одного из полетов, когда пилоты заблудились, эта дискуссия закончилась. Случилось это так. Мы полетели на Уджинскую площадь, а затем должны были посетить партию *А.Н.Вишневого*. *Оставив Аркадия Арпадовича Литинского* (главного геофизика экспедиции) на Удже, мы с Ефимом Яковлевичем, захватив *Э.Н.Эрлиха*, занимавшегося здесь геологическим картированием, вылетели в направлении р. Анабар. Это прямо на запад, причем маршрут пролегал вблизи южной границы территории, закартированной мной еще в 1950 году в миллионном масштабе. Э.Н. Эрлих и я сели у иллюминатора, я рассказывал ему о давних работах; Ефим Яковлевич же, сказав, что теперь он будет штурманом, поднялся в кабину. Прошел час, потом полтора, а Анабара нет, хотя и лету до него было не более часа. Но вот из кабины вышел Ефим Яковлевич и спрашивает: «Где мы? Должны были давно прилететь, а Анабара все нет и нет». – «Понятия не имею, я не следил за маршрутом»,-ответил я.—«Тогда поднимись в кабину, надо как-то привязаться»,- сказал он. Из кабины открылась широкая панорама, однако глазу не за что было зацепиться. Стало ясно, что мы не приближаемся к р. Анабар, где, развиты светлые плотные доломиты, образующие значительные поля развалов, а под нами - только зеленый лес. Но вот показались небольшие развалы пестрых пород. О! Да мы далеко южнее от нужного нам пункта. «Пересекали ли мы крупную реку?» - спрашиваю я. Пилоты ответили отрицательно. Тогда я им посоветовал идти дальше на запад: по идее, там должна быть река Малая Куонамка. – «Я ее узнаю, тогда мы повернем на север и выйдем к нужному нам пункту» - пояснил я. Так оно и получилось.

Вскоре мы были в лагере у *А.Н.Вишневого*. И тут пилоты согласились, что карту надо держать по-нашему. Впоследствии, во всех критических ситуациях следовал вопрос: - «Как держал карту?» или – «Как держишь карту?»

Прошло несколько лет. И вот однажды Ефим Яковлевич сказал мне, что он хочет с семьей провести отпуск на море и спросил, не соглашусь ли я временно поработать начальником экспедиции. Я согласился и стал исполняющим обязанности начальника Биректинской экспедиции.

Начало моей деятельности в должности и. о. прошло вполне сносно. Первый этап организационного периода закончился успешно, весь контингент экспедиции, без потерь, прибыл на Биректу. Тут всегда были определенные трудности, поскольку мы выполняли значительный объем горных работ и набирали много временных рабочих. Бывало, что часть из них не добиралась до базы экспедиции. Второй этап, связанный с непосредственной заброской партий на весновочные базы, был хорошо отлажен и особых забот не представлял. Вот все полевые партии на весновочных базах; по льду р. Оленек, где расположена ВПП, ручьями идет вода, последний самолет «переобулся», и в брызгах, как гидросамолет, взлетел и исчез за горизонтом. Приближалось время ледохода и полной изоляции базы от внешнего мира, пришла пора временной передышки и индивидуальных занятий сотрудников, в зависимости от их склонностей.

Проводив последний самолет, я вернулся в свой дом и буквально сразу же, словно ждал моего прихода, в дом ворвался Савельич (зав. базой) – «Адам (Адам Викентьевич - зам. начальника экспедиции) сломал ногу!». – «Где, когда?»- спросил я, еще не осознавая всех последствий. – «В лесу. Он вместе с Александром Ивановичем (главным механиком экспедиции), Лешей (прорабом) пошли в лес опробовать бензопилу и там упавшим деревом ему раздробило ногу. Леша прибежал за лошадью, чтобы привезти Адама Викентьевича на базу. Сейчас срочно надо по радиации связываться с диспетчером Жиганского аэропорта и просить его вернуть обратно недавно улетевший от нас борт. Только командир этого борта согласится сесть у нас на лед - он знает состояние ВПП. Никто другой не будет садиться здесь сейчас. А санрейс вертолета можно прождать несколько дней».

Миша (начальник связи экспедиции) довольно быстро связался с Жиганском, но оказалось, что самолет, недавно улетевший от нас, направился прямо на Якутск и в Жиганск заходить не будет. Тогда я попросил диспетчера связаться с командиром этого борта, рассказать ему о ЧП. Только он, зная ситуацию с ВПП, может рискнуть сесть у нас. Через некоторое время диспетчер сообщил, что борт придет к нам, но сначала он сядет в Жиганске, дозаправится, и у нас будет в конце дня. И добавил, что командир просит доставить без промедления пострадавшего на ВПП, так как самолет сразу же будет взлетать и пойдет на Якутск. Улетая от нас, командир самолёта видел, что погода нелетная, все ему придется делать наверняка, ошибку не исправишь, и он заранее старался предусмотреть разные варианты.

Оставив Мишу на связи с диспетчером, попросив его чаще информировать нас, особенно о времени вылета борта из Жиганска с тем, чтобы при подходе самолета включить радиомаяк, а также попытаться прямо связаться с бортом. Как-то оно будет в условиях практически полного отсутствия видимости...

Адам Викентьевич уже был доставлен на базу, он лежал на кровати, стопа его ноги была неестественно откинута на сторону. Удрученные случившимся и совершенно неясными перспективами, здесь же были почти все сотрудники базы. Теперь надо было готовить пострадавшего к транспортировке: наложить шину, приготовить повязку. До ВПП было не менее километра. Обезболивающее помогало мало, и только кружка спирта сделало свое дело. Вот мы и на ВПП. Ждать пришлось недолго, самолет по приводу вышел прямо на базу, как гидросамолет, разбрызгивая воду, сел и буквально через мгновение поднялся в воздух.

Вся эта история, занявшая немало времени, прошла, словно мгновение. В суете я забыл составить и отправить «на материк» акт о несчастном случае. Требование института выслать акт незамедлительно, в связи с полной изоляцией базы, не было выполнено. Отсутствие акта и слабо поставленная работа по технике безопасности, что и было причиной ЧП, послужили основанием для административных санкций. Так закончился первый этап

моей деятельности в должности и. о. начальника экспедиции, так я получил первый и последний (надеюсь), выговор.

И вот все пересуды о случившемся закончились и на базе наступила тишина. Но снова взволнованный Савельич у меня.

- В палатке Борщевой два ведра браги!

- Кажая может быть там брага, когда Борщева давно на весновочной базе?

- В том-то и дело, что Борщевой нет, а брага есть! Иду я сегодня мимо палатки и вижу, что из трубы вьется легкий дымок. Я - за ключом, открываю дверь, а там два ведра браги. В палатке натоплено, для браги атмосфера отличная!

- Кто ее поставил, как ты думаешь?

- Предполагаю, что главбух. У нас несколько человек имеют слабость к спиртному, но в таком количестве главбух в своей палатке едва ли будет ставить. К нему нередко ходят сотрудники бухгалтерии, да и другие часто заглядывают. А борщевское жильё пустует...

- Ладно, сыск не будем учинять, но брагу придется публично уничтожить. Собирай комиссию, будем составлять акт. Если снова, как в прошлом году, к нам пожалует республиканская комиссия по борьбе с браго-самогонарением, мы документально подтвердим нашу решительность в этом деле. В комиссию включай главбуха, Александра Ивановича, Мишу и меня, под твоим председательством.

И вот комиссия у палатки, Савельич открыл дверь, первым в нее вошел главбух. Схватив ведро, он быстро вышел за дверь и энергично опорожнил ведро. Вернувшись в палатку, обратился к нам: «Ребята, а оставшееся давайте выпьем». Никто не возражал..., но и согласившихся не оказалось.

Эта репрессивная акция, в общем-то, осталась незамеченной. Уже через несколько дней я столкнулся у своего дома с Александром Ивановичем. Чувствовалось, что он передвигается с большим напряжением. Желая показать, что все нормально, он повел со мной возвышенные разговоры о чем-то мне совершенно же понятном. И вдруг резко, как подкошенный, упал, и, лежа, все продолжал говорить. Потом попытался подняться, но безуспешно. Тогда он встал на четвереньки и пополз к ближайшему домику. Перебирая руками по стене, выпрямился, махнул рукой в мою сторону, как будто отменяя все мои домыслы, оторвался от стены и, крепко пошатываясь, отправился молча в сторону своей палатки.

Прошло еще несколько дней. Река вошла в свои берега, обнажилась коса, закончилась передышка и пришел конец домашним развлечениям. Нужно было размечать ВПП, завозить бензин, обустраивать жильё для пилотов. Потом появился ежегодно арендуемый нами самолет для внутриэкспедиционных перевозок, нужно было выполнять заявки полевииков, определивших в течение, весновки, что ими было забыто на базе. Наступила пора забот о будущем сезоне - завозе снаряжения и продуктов. Трудовая жизнь базы снова забурлила, и режим ее приобрел обычный ритм.

О ловле рыбы на р. Колыме

Мне пришлось ловить рыбу во многих ручьях, речках и реках Севера Сибири. Большое впечатление оставила спиннинговая ловля тайменей на р.р. Оленек и Анабар, прямо-таки «заповедных» тайменных местах. Там нередко встречаются экземпляры в 10-15 кг, а иногда – до 20 и более кг. Не менее впечатляет ловля гольцов на Таймыре, особенно во второй половине августа, когда они, набравшись сил на просторах Карского мелководья, поднимаются вверх по течению небольших речек. Берут блесну они страстно и вдогонку и сбоку, а иногда – даже навстречу. Удар бывает так силен, что катушка вылетает из мокрых замерзших рук. Захватывающей бывает ловля осетров на перемет в нижнем течении р. Лена. Особенно острые ситуации возникают тогда, когда на перемете крупный осетр. Тут следует уточнить, что перемет на осетровых ставится на глубоких быстринах, обычно далеко от берега. В таких местах течение быстрое и сильно бьет в лодку. Поэтому требуется координация собственных движений с резкими движениями лодки, перемещениями рыбы, сидящей на перемете. Кульминация наступает в тот момент, когда осетр в лодке и крушит все, что в ней находится.

Еще одна речная система, где мне пришлось порыбачить, – это р. Колыма. Там спиннинговая ловля практикуется не очень широко, видимо, оттого, что есть такая ценная рыба, как нельма, муксун, осетр и др. При этом нет тайменя, хотя в изобилии ленок, весьма активная для спиннинговой ловли рыба. Ловить рыбу там предпочитают сетью. Это не так романтично и реже случаются истории для рыбацких баек. Однако и тут бывают истории, достойные пера. Об одном таком случае, приключившемся на р. Колыме, я хочу рассказать.

В том году я работал совместно с геологами Сеймчанского РайГРУ Северо-Восточного ТГУ в бассейне р. Колыма. Один участок исследований находился на правом берегу р. Колыма, чуть ниже устья р. Коркодон. Наш лагерь располагался на острове, узкой протокой отделенном от правого обрывистого берега. В хвосте острова была глубокая яма. Я предполагал, что в ней может быть хорошая рыбалка и поставил там сеть. Каждый вечер, возвращаясь на клипере в лагерь, после работ на обрыве, мы проверяли сеть. Шел день за днем, а сетка оставалась пустой. И вскоре интерес к ней пропал. Но вот вода в Колыме начала резко прибывать, по реке поплыли деревья, и, чтобы не потерять сетку, нужно было ее снимать. Подплыв к сетке, мы с удивлением обнаружили, что она надвинута на берег острова. Значит, в ней кто-то есть! В клипере мы были втроем. Я - на носу, работаю с сеткой, на корме - геолог, он потихоньку подгребает веслом, а в центре - студент. Вода такая мутная, что даже сетка плохо видна. Начинаю проверять ее от берега. Пусто... Передвигаюсь вглубь ямы, так, небольшой налим, еще дальше - смутно просматривается что-то громадное. Поднимаю сеть и в самом ее низу вижу осетра, нос его такого размера, что не входит в ячейку сети. Уткнувшись в сеть носом, он стоял рядом с ней. «Почему же он не уходит?» - подумал я вслух. Подтянуть сеть дальше, но он же не в ней! Позже удалось установить, что осетр, хотя и ненадежно, но был связан с сеткой: нижняя веревка ее захлестнула передние плавники осетра. – «Как брать такого великана, крюк-то остался в лагере?» Все это произносилось с радостным испугом и довольно громко. Тут в разговор вступает студент, он предлагает, сняв ватник, перегнуться через борт клипера, схватить осетра еще в воде и поднять его в лодку. Я говорю, что рыба величиной с тебя и одним ударом она выбросит тебя за борт. Осетр - под клипером, вода мутная, ни геолог, ни студент его не видят. Но народ уже «завелся» и надо было что-то делать. Тогда я согласился с предложением студента, но с одним условием - всем быть начеку. – «А ты хватай его, но только вместе с сеткой, просто в руках тебе его не удержать» Я подвел осетра к борту клипера, студент схватил его вместе с сеткой, и оба они упали на дно лодки. Лежат тихо и осетр, и студент. Геолог спрашивает: - «А что дальше?» -, «У тебя под ногами молоток, а рядом голова осетра. Ударь по ней молотком несколько раз. Если и дальше будет так же

тихо, то ты быстро подгоняй клипер к берегу и мы все, вместе с осетром, выскочим». Схватив и сетку, и рыбу, мы оказались на берегу. И тут началось! Мы поняли весь смысл фразы: бьется, как рыба, выброшенная на песок. Оказалось, что осетр готовился к битве, потому и вел себя тихо. Но описать эту схватку у меня нет слов! Рыба все-таки не была упущена. Погрузив осетра на клипер, мы торжественно двинулись в лагерь. Рабочий, увидев эту рыбу, бился в восторге, так же как до этого осетр, выброшенный на берег. – «Мы должны сфотографироваться с осетром» - кричал он. – «Мы определим ее вес, думаю, что он не менее 30-32 кг! Фото надо показать родственникам, они должны видеть, какая рыба в Колыме». Я тоже не устоял, что и демонстрирует это фото. Только вес рыбы разочаровал наших коллег – он оказался немногим больше 22 кг. Но они решили, что для рассказа будут прибавлять 3 кг. 25 кг выглядит солиднее.

Вот такие осетры водились в прошлом веке в среднем течении реки Колымы!!!

КАРЦЕВА Г.Н.

Мой путь в геологию

В 1937 году в Ленинграде открылся Дворец пионеров. Я тогда училась в седьмом классе. Наша учительница географии *Валентина Дмитриевна* сказала, что на наш класс выделено два билета в географический кружок в этом дворце. Так как особых энтузиастов не нашлось, а я и моя подруга *Аня Волкова* любили географию, то эти билеты были отданы нам. Так решилась моя судьба.

8 марта 1937 года мы с Аней впервые пошли во Дворец пионеров. Он поразил нас своим великолепием! В комнате, где мы начали заниматься, стоял большой глобус. Среди слушателей были ученики седьмых и восьмых классов, а руководителем кружка оказался молодой человек – *Михаил Григорьевич Равич*. Занятия же начались не по географии, а по геологии. Мы стали изучать минералы: их облик, химический состав и т.д. Все было так интересно, что мы с нетерпением ждали очередное занятие. Михаил Григорьевич сводил нас в Арктический институт (он тогда находился на набережной реки Фонтанка), где нам показали шлифы многих минералов. Потом Михаил Григорьевич предложил нам написать самостоятельные рефераты на разные темы. Мой первый реферат назывался «Апатиты Кольского полуострова».

Геологический кружок Дворца Пионеров. 1938 г.

Верхний ряд (слева направо): руководитель кружка *М.Г.Равич*, *В.А.Токарев*, *Д.И.Гвиздь* (будущий сотрудник НИИГА – ВНИИОкеангеология), *В.В.Малыгин*, *Б.Тимаков*, *С.Кудрявцев*.

Нижний ряд (слева направо): *Л.П.Монахов*, *В.Смирнов*, *В.Ф.Рубахин*, *А.А.Волкова*, *К.И.Андрианова*

В новом 1938 году мы по-прежнему слушали уроки нашего руководителя по геологии, а также определяли минералы. И вдруг Михаил Григорьевич сказал, что академик *Дмитрий Васильевич Наливкин* предложил организовать экспедицию для юных геологов. И летом 1938 года мы поехали в первую геологическую экспедицию в Башкирию. В состав экспедиции входили *Дмитрий Васильевич Наливкин*, *Борис Павлович Марковский*, *Нина Евгеньевна Чернышова*, а администратором был *Василий Андреевич Токарев*. Среди школьников из Дворца пионеров было 6 мальчиков и 5 девочек, в том числе и я.

Экспедиция прошла на высоком уровне. Дмитрий Васильевич сразу сказал нам о наших обязанностях и мы их неукоснительно выполняли. Мы подружались с местными пионерами и они приходили к нам два раза в гости. А разве можно забыть вечерние беседы у костра, когда Дмитрий Васильевич и Борис Павлович рассказывали нам о своей работе! После возвращения из экспедиции вопрос о профессии для меня был решен.

В 1940 году я еще раз участвовала в экспедиции с Дмитрием Васильевичем в Южной Башкирии. В этот раз работа была посложнее: мы описывали разрезы девона, выполняли геологическую съемку участка, собирали фауну.

С Дмитрием Васильевичем я снова встретилась в 1945 году в г. Свердловске (ныне Екатеринбург), где я училась на втором курсе Горного института. Он пригласил меня в гостиницу, где расспрашивал о моей учебе и планах на лето. Никаких планов у меня не было, и он сказал, чтобы я ничего не предпринимала и ждала его письма. И в конце мая он сообщил, что я буду работать у него коллектором в Уральской экспедиции ВНИГРИ.

В заключение хочу заметить, что я общалась с *Дмитрием Васильевичем Наливкиным* и его сыном *Василием Дмитриевичем* до конца их жизни. С *Михаилом Григорьевичем Равичем* я снова встретилась в 1959 году, когда перешла работать из ВНИГРИ в НИИГА. Вместе с ним я проработала 17 лет, вплоть до его смерти. Когда он уезжал в свою последнюю командировку, я сказала, что хочу отдохнуть во время его отсутствия. Он очень удивился этому и сказал: «Галя, неужели Вы от меня устали?»

Многолетнее общение с Дмитрием Васильевичем, Василием Дмитриевичем и Михаилом Григорьевичем доставляло мне истинную радость и светлая память о них навсегда останется в моем сердце.

Невосполнимая потеря

Когда я работала в НИИГА ученым секретарем, аспирантуры в институте не было, но было много активных геологов, собиравших прекрасные материалы по геологии арктических районов нашей страны. Я убеждала многих из них оформить эти материалы в диссертации. По моей просьбе из ВАКа прислали книгу (инструкцию) по оформлению диссертаций. Так как это был единственный экземпляр, то я не разрешала выносить его из моего кабинета, опасаясь за потерю. Однажды, когда мы с *Александром Васильевичем Зизой* обсуждали план внедрения наших работ, то в это время вошел какой-то сотрудник и попросил у меня упомянутую книгу, и я опрометчиво дала. Ни я, ни Александр Васильевич не запомнили посетителя, и так книга сгинула, о чем я не могу забыть до сих пор.

Лапти

Во время моей работы в Башкирии с Дмитрием Васильевичем Наливкиным произошел такой случай. Утром он объявил, что маршрут будет связан с многочисленными переходами через мелкие речки с быстрым течением, и он будет учить нас, как их переходить. Он

прыгал с камня на камень, чтобы не замочить ноги, но мы его не слушали и шли вброд. Дмитрий Васильевич прыгал с камня на камень, пока его ноги не оказались на камнях, а туловище в воде.

В конце маршрута ноги у всех, естественно, были мокрыми, и вечером мы оставили наши ботинки на просушку у костра. Когда же утром мы подошли к нашим ботинкам, то ахнули – они все ссохлись и их невозможно было надевать. Хорошо, что поблизости была деревня, куда мы пошли и купили себе лапти, в которых и проходили до конца сезона, меняя их время от времени.

Варенье

В один прекрасный день Дмитрий Васильевич объявил, что сегодня будет выходной день, и объяснил причину. Вокруг нашего лагеря созрела земляника, и нам было «приказано» наесться ее и набрать ягод на варенье. Нас упрашивать не надо было – ягод было так много, что съесть их больше, чем с одного квадратного метра, было невозможно. Мы набрали ведро земляники, и вечером варенье было сварено. Мы попили с ним чаю, а остальное варенье решили оставить в ведре до утра, Дмитрий Васильевич положил на ведро доску, а сверху нее – две больших глыбы с кораллами. Утром Дмитрий Васильевич будит нас и со смущением говорит: «Знаете, в ведро попала мышка». Мы были в ужасе, но Дмитрий Васильевич нас успокоил, сказав: «Мышка-то полевая, живет далеко от города, она ведь чистенькая». Он нас успокоил, варенье было переварено и съедено с удовольствием.

Бредень

Летом 1946 года, будучи студенткой, я работала на геологической съемке в Южной Башкирии. С питанием в партии, как говорится, было туго, и мы вечерами, после маршрута, часто ловили мелкую рыбешку в речке бреднем (бредень наш был сделан из тряпки, к концам которой привязали палки). Эту рыбешку мы мололи и делали из нее рыбные котлеты.

В один из вечеров мы, как обычно, ловили, я активно тащила бредень, но внезапно попала в глубокую яму и вместо рыбы пришлось вытаскивать меня... Как мы веселились по этому поводу! И не только в тот момент, но и позднее.

В Канаде все, как у людей[†]

В Северном Юконе в поле у канадцев нас было трое: *Марий Евгеньевич Городинский*, *Юрий Михайлович Бычков* и я. Базовый полевой лагерь был километрах в двухстах западнее Инувика - города в низовьях р. Маккензи, о котором я прочитал в детстве у Джека Лондона. У Лондона это было последнее поселение с собственным названием, а мы увидели аккуратный очень милый и удобный городок с центральной улицей, двумя параллельными победнее, супермакетами, двумя отличными гостиницами, автосвалкой, аэропортом, своей газетой, в которой про нас тут же написали. На улицах в основном иннуиты (не эскимосы!) и индейцы в европейской одежде.

Базовый полевой лагерь находился в двух - трех километрах от радиолокационной станции раннего предупреждения канадско-американской ПВО с посадочной полосой Шингл Пойнт. Сюда нас доставили из Инувика маленьким самолетом. Между радиолокационной станцией и полевым лагерем отличная грейдерная дорога. Командование и личный состав на базе канадские, командир станции - бывший чех. Командир провел нас по базе, пригласил в любое время приходиться к ним - душ, гостиная с креслами, телевизором, бар с пивом, относительно крепкого не помню. Начальник в нашем полевом лагере - *Лэрри Лейн*. Нами, русскими, руководит *Майк Сесил*, ему помогает канадец *Олег Родькин*.

С самого начала настораживало, что канадцы разрешили русским появиться на оборонном объекте. Майк сказал, все ОК. За год до нас здесь была полячка. Мы не поляки, и был направлен запрос в канадское Минобороны. Запрета не поступило. Потом оказалось, что вообще никакого ответа не было.

В маршруты нас возил вертолет, постоянно находившийся в нашем лагере. Задание вертолету давал Лэрри Лейн. Каждый раз надо сообразить, куда, когда, кого везти. Утром улетим, вечером прилетим. Были пару раз и выносные лагеря с ночевками. Подолгу ждем погоду. Частенько на нашу базу приезжает на маленьком грузовичке индеец Дэйв - веселый дружелюбный парень, похоже, постоянно поддатый. Иногда привезет что-нибудь, но больше катался от безделья.

Как-то пошли с Сесилом к локаторщикам в душ, по пиву и просто так. В баре водитель Дэйв отдыхает мордом на столе. Почувствовал нас, приподнялся, ударил себя в грудь, потом так же ласково по-дружески стукнул кулаком Сесила, сказал: «Ты канадец, я канадец» - и снова прилег. Пьем пиво. Канадец Дэйв оживает, говорит: «Я ... белых людей!» - и засыпает. Сесил смеется, я – тоже, с некоторым опозданием.

Сначала было непонятно, зачем на военной базе держат гражданского служащего канадского патриота и гражданина Дэйва, а оказалось просто. Все организации - правительственные, военные, бизнес - должны иметь в своем штате фиксированный процент коренных жителей. К Дэйву привыкли. Уволь его, безвредного, придет другой индеец или эскимос, от которого неизвестно, чего ждать.

Отношение к белому человеку в Арктике не меняется от континента к континенту, от государства к государству. В высоких широтах так же как и в низких, где «запад есть запад, восток есть восток».

[†] В конце 80^х – начале 90^х годов прошлого века активно развивались советско-канадские геологические контакты с созданием совместных карт, проведением экспедиций на Северо-Востоке СССР и в Арктической Канаде. *М.К.Косько* был активным участником этого процесса.

Геологическая специальность и хобби *М.Е.Городинского* - рудные месторождения, россыпное золото. Он с *Олегом Родькиным* улетел на несколько дней на участок, где была отработана малюсенькая россыпушка. Вечером по связи долго рассказывал, как опоискован участок, что все склоны раскопушены, с коренным источником неясно, способ отработки примитивный. Ночью я вышел полюбоваться солнечной погодой и увидел два вертолета. Был один, стало два. Хорошо - Лейну будет проще распределять маршруты, а нам не ждать очереди на полет. Встаю на завтрак - вертолет опять один, а Сесил выглядит утомленным. Ночью прилетали руководители Арктического проекта - структуры, которая организует всю экспедиционную логистику в Канадской Арктике. Начальники удивлялись, откуда взялись русские на военном объекте. Сесил все убедительно разъяснил, а грустил он оттого, что хранимую на конец сезона бутылку Ballantine уберечь не удалось. Другим следствием отличной работы службы прослушивания эфира - мы говорили с Городинским по-русски - было запрещение нам ходить на их оборонный объект.

Биректинские шутки (1957-58 г.г.)

Володя

«Слушай, возьми моего знакомого парнишку в экспедицию, а то болтается без дела, а парень послушный, работающий и здоровый», - сказал мне начальник планового отдела *Усвятцев*. «Ну что же, в экспедиции таким парнишкам работа всегда найдется» - подумал я и взял.

Парнишке было лет 16-18, звали его *Володя*. Наша партия была большая, с горнопроходческими работами и поисками алмазов. Помимо геологов, было много рабочих, грубоватых и языкастых.

Для начала я попросил Володю покашеварить, так как наш повар задержался на базе. «Макаронны перед тем как варить, надо продувать» - охотно и серьезно поучали парнишку рабочие. В этот день возвратились с работы особенно поздно, голодные и уставшие. «Эй, повар, давай есть», - еще на подходе послышались грозные крики. «Я сейчас, только продую несколько оставшихся макарон», - с некоторой гордостью ответил Володя. Реакция была не для печати.

Впрочем, варил он старательно и довольно сносно, так что этот случай скоро отошел в историю. Но шутки продолжались. Как-то в хорошем настроении после бани и ужина один весельчак сказал: «Ну, а теперь – на танцы в соседнюю деревню». Сказал и забыл (в радиусе 200-300 км не было ни души, глухая тайга). Через некоторое время всем на удивление предстала странная картина: из палатки вышел Володя в костюме и ботинках и спросил: «Ну, кто еще пойдет на танцы? Айда, а то будет поздно!»

Потом мы двинулись дальше в тайгу, часто меняя лагерь и ночлеги. Появились тучи комаров, стало жарко и тяжело. Володя начал сдавать и скисать (теперь он таскал за геологом радиометр). Чувствовалось, что ему надоела эта романтика, и захотелось домой. Как-то, после особенно тяжелого перехода, он предстал передо мной бледный, трясущийся и заявил, что проглотил иголку. Что-то зашивал, его позвали, а иголка была во рту, она и проскочила в горло. Это было уже ЧП. Пришлось вызывать с базы вертолет. На вертолете прилетел сам начальник экспедиции *Ефим Радин*. Не слезая с машины, он сбросил моток капронового троса, заказанного для работы, и пробасил: «В следующий раз, когда будете глотать кайла, привязывайте их веревкой!» Володя улетел. Потом нам рассказывали базовые работники, что Володя был просто клад для скучающего на базе врача. Он ходил за Володей в кусты в надежде найти иголку, но она так и не появилась. Да и была ли она?

Скоро Володя был отправлен в Ленинград. Когда я рассказал обо всем *Усвятцеву*, он сказал задумчиво: «Странно, ведь у него такая хорошая бабушка».

Артем

В 1956-59 годы появился в партиях рабочий контингент, который, мягко говоря, был не в ладах с законом: кто-то скрывался от статьи, кто-то от семьи, а многим было просто трудно устроиться на работу. Полугодовое пребывание в тайге с питанием, охотой и рыбалкой их вполне устраивало, несмотря на зарплату в 427 рублей в месяц, тяжелые условия работы и быта, к которым, впрочем, им было не привыкать. От возможных конфликтов спасало отсутствие населенных пунктов и «сухой закон». Вот доставить этот контингент обратно после сезона в Ленинград оказалось проблемой, но об этом позже.

Среди наемных рабочих выделялся *Артем*, не ростом, силой или голосом, а уверенным авторитетным поведением. Ходили слухи, что он «вор в законе». Всегда спокойный и не улыбочивый Артем говорил тихим с хрипотцой голосом. Как-то сразу получилось, что Артем возглавил бригаду проходчиков шурфов и канав для вскрытия кимберлитовых тел. Пробивать мерзлоту с помощью кайла и лома до коренных пород, а именно в этом и заключалась конечная цель работы, в условиях таёжной комариной духоты было исключительно тяжело. Артем попросил не вмешиваться по пустякам в дела бригады и давать указания только ему. Рабочие ему подчинялись и работа спорилась. Сам Артем тоже «вкалывал» умело.

Запомнился мне один связанный с Артемом эпизод. Народ в нерабочее время иногда поигрывал в картишки, как ни странно, предпочитая преферанс, разумеется, на деньги. В игре принимал участие, несмотря на мои предостережения, геофизик Коля. Коля был хорошим преферансистом, но тут ему почему-то не везло, и он крупно проигрался. Выиграл Артем. Коля не торопился с отдачей долга, надеясь, по-видимому, отыграться. Но не тут-то было. Я видел, как Артем однажды вечером подошел к Коле и что-то шепнул ему на ухо. Коля стремглав бросился в палатку, порылся в своем рундучке и погасил свой долг. Не помню, продолжал ли он играть в этой компании.

Подошел конец сезона, партия отработала успешно, выполнила плановое задание, обнаружила несколько кимберлитовых тел, составила геологическую карту. Полевые материалы для предварительного просмотра на базе экспедиции были подготовлены. Пора было двигаться в обратный путь: с поля на базу «Биректа» на двукрылой «Аннушке», далее до Якутска на спецрейсе ЛИ-2. А вот в Якутске застряли: не оказалось билетов на рейсовый самолет до Москвы. Ядром нашей группы человек в 20 был как раз тот самый контингент. Задержка оказалась роковой, народ пошел «в разнос», не устоял и Артем.

В аэропорту Якутска разразился скандал, моих загулявших подопечных с большим трудом захватил и изолировал наряд милиции. Пришлось обратиться в Горком партии. К счастью, мои аргументы, что Якутск ждут еще большие неприятности, так как на подходе еще около сотни одичавших геологов, и за сохранность аэропорта трудно поручиться, были услышаны. На следующий рейс билеты нашлись. Ребят выпустили и они, несколько успокоившись, отправились полюбоваться городом.

Перед походом Артем попросил у меня денег, чтобы купить новый ватник. Ватник действительно, был прожжен во многих местах, и из дырок торчала вата. Я согласился, что в таком виде возвращаться в славный город Ленинград неудобно, и отправился вместе с Артемом в магазин. В магазине мы на какое-то время разминулись, и Артем исчез, но не бесследно: продавщица сообщила, что интересующий меня гражданин ушел из магазина через рабочий выход.

Спустя час я встретил его около аэропорта в том же ватнике, но изрядно пьяного. Артем чистосердечно извинился, что отдаст долг в Ленинграде. Действительно, на следующий же день после возвращения в Ленинград, ко мне подошел в Институте прилично одетый Артем и вернул долг.

Избранные моменты экспедиционных впечатлений и курьезы

1. Дальний Восток. Корякская экспедиция. 1958 г.

Пятьдесят с лишним лет прошло, за плечами десятки полевых выездов, но наибольшее впечатление оставил тот первый, дальневосточный. Это было самое романтическое приключение в жизни в духе рассказов *Джека Лондона*. И не только по героическому образу жизни, но и благодаря исключительным красотам побережий Тихого океана. Надо сказать, что потом всю жизнь пришлось работать на унылых равнинных берегах Северного Ледовитого океана.

В 1958 году я застал полевые работы там, где еще никогда ранее не ступала нога геолога, на так называемом «белом пятне». Это был последний период Государственной геологической съёмки СССР в «миллионном» масштабе (представим площади работ за полевой сезон 3 месяца, сравнимые с территорией, например, всей Киргизии или Эстонии). Понятно, что раз последний период, то на самом краю России, в самых труднодоступных местах Дальнего Востока. В Корякскую экспедицию НИИ геологии Арктики я попал «по распределению» сразу после защиты диплома в Горном институте и проработал в экспедиции меньше года, так что не могу быть летописцем всей многолетней истории экспедиции. Возглавлял экспедицию легендарный уже тогда арктический исследователь *Б.Х.Егузаров*. Почему-то я всегда робел перед харизматическим Борисом Христофоровичем, даже потом, будучи тоже в ранге начальника экспедиции. Повезло мне, что я учился первой самостоятельной полевой работе у начальника партии *А.В.Дитмара*, в частности, восхищаясь основательности Алана Владимировича и редкой предусмотрительности во всём. Недаром немецкая фамилия! К примеру, только у нас в партии были запасены карандаши, которые пишут по мокрой бумаге. Карты были разрезаны под размер полевой сумки и наклеены на картон. Не знаю, где были добыты лёгкие трофейные карабины «Манлихер» с оптическим прицелом, но без них невозможна была бы охота на крайне чутких и осторожных горных баранов. Недоумевал я поначалу, зачем в партии нужна мясорубка, ни у кого больше не видел. Оказывается, для изготовления бараньих котлет: без них нам бы труднее давались дальние пешие переходы (до двадцати километров за день, ей-богу).

Выезд на полевые работы состоялся в середине мая. Через несколько дней после зачисления на работу я уже был в поезде и через 8 дней - в Хабаровске, оттуда самолетом через Камчатку в маленький поселок Апука на берегу Олюторского залива Тихого океана. Реплика в сторону: самолёт этот был - американская «Дакота» фирмы «Дуглас» (кстати, по жизни в Арктике приходилось и позднее не раз встречаться с американскими лендлизовскими «дарами!»). С непривычки с замиранием сердца ощущалось как бы внезапное внеаэродромное приземление на песчаную береговую косу (фото 1). Потом пришлось привыкать к посадкам на ещё меньшие площадки (до 150 м длиной, как мне помнится) в долинах горных рек (фото 2), а также к головокружительным круговым виражам при наборе высоты и снижении в ущельях.

Далее к месту полевых работ было не добраться из-за распутицы. Эта промежуточная остановка на «базе экспедиции» в населённом пункте называется «весновкой» - несколько недель, во время которых получаем полевое снаряжение и делаем другие необходимые приготовления. Но остаётся много времени и для незамысловатых развлечений. В их числе - походы на рыбокомбинат, где производится приемка и засолка селедки. Замечу, что тихоокеанская селедка в 50-ые годы была любима и широко представлена на ленинградских

прилавках, не то что сейчас! На рыбокомбинате мы выпрашиваем не селёдку, однако, а свежих крабов. Их рыбаки иногда случайно вылавливают и не знают, куда девать. А мы, братья молодых геологов (фото 3), тут как тут. Набрав ведро крабов, располагаемся прямо на берегу океана, варим добычу на костре в кипящей морской воде. Затем идет разделка клешней геологическими молотками. И, наконец, пируем, сидя вокруг костра на китовых позвонках (обычно таковые тут же валяются). Еще занятие - охота на куропаток. Белые куропатки выделяются на темном фоне проталин горных склонов, а у нас полно казённого охотничьего оружия. Хотелось бы еще чего-нибудь алкогольного если не под крабов, то под солёную селедочку, тоже, кстати, дармовую для бедных «вьюношей» - от сердобольных работниц рыбокомбината. Но выпить спирту (на «северá» тогда завозился только «спирт питьевой») нам досталось всего один раз, о чём специальная байка.

Однажды настал «великий» для посёлка Апука день прибытия первого в летнюю навигацию судна-снабженца. Разгрузка провианта и угля, как обычно, происходила аврально всем посёлком от мала до велика. Круглые сутки сновали между пароходом и берегом катера и баржи. Конец разгрузки знаменовала бочка спирта. Она выталкивается за борт и в сопровождении каравана местных моторных лодок буксируется на сушу. Продажа спирта происходит прямо на пляже. Выстраивается у бочки очередь, причем вперед по обычаю пропускают женщин, и начинается торговля. Спирт продащица местного магазина разливает по бидонам и банкам обычным черпаком для разливания молока ...

Попутно о населении поселка Апука. Еще до войны, кажется, со времен Дальневосточной республики 20-х годов, здесь существовала так называемая «концессия» по добыче и переработке морепродуктов. Работали там преимущественно недобровольно привезенные японцами корейцы и столь же недобровольные переселенцы из Западной Украины. Когда мужское украинское население стало убывать (спивались или уезжали на материк), а корейское укореняться, одинокие женщины стали создавать новые семьи путем смешанных браков. Регистрировался брак рукописной справкой сельсовета. Как будто специально к нашему приезду подросли девочки-полукровки, необыкновенно привлекательные экзотической красотой. Я влюбился в одну из них, но тут пришло время улетать в горы: наконец-то сообщили с подбазы в горах, что снег там сошел, галечная коса подсохла и готова к приемке самолета.

Еще одно отступление от основной геологической темы. О том, что, оказывается, Алитет - главный персонаж популярной книги моей юности «Алитет уходит в горы» - реальный чукча, с которым наш проводник-оленовод *Мергимер* много лет скрывался от советской власти. Дело в том, что в 40-х годах кочевые чукчи устроили восстание и после его разгрома зачинщики «ушли в горы». Чтобы выжить, они торговали с американцами (непонятно, как?!). К моему удивлению, Мергимер знал английский язык?! Правда, так же плохо, как и русский. Какие-то свои товары (видимо, продукты оленеводства и охоты) повстанцы обменивали на рис, винтовки «Винчестер» и патроны к ним. Отсюда понятно, почему именно «Винчестер» был на вооружении у нашего Мергимера. Кстати, за свой трёхмесячный полевой сезон наш отряд только один раз увидел местных. Мы обрадовались встрече и стали радостно их приветствовать... А они в ответ залегли и сделали предупредительные выстрелы. На том мы и расстались!

После заброски отряда воздушным путём, все остальные наши передвижения в Корякских горах - пешком. Сейчас, например, трудно представить пешие многодневные геологические маршруты на десятки километров без вездеходов, вертолётов, портативной радиосвязи. Нашими помощниками были вьючные олени (фото 4, 5). Олени в тундре питаются подножным кормом, но при высокогорных переходах под ногами только скалы: они голодают и падают от истощения через день-два. Тихо падают, вытянув морду, почти

без звука и закатив глаза! Такое случилось однажды и у нас. Не обошлось при этом без трагикомического курьёза. Рассказываю. Кончатся продукты, а до конца маршрута ещё далеко. Один олень падает, как говорится, при последнем издыхании, и если сразу «забить» его, то у нас будет, по крайней мере, еда. Правда, груз оленя придётся тащить на себе. Мой напарник *Юра Половников* взялся заколоть беднягу ударом ножа в сердце, поскольку он видел, что именно так поступают оленеводы. Вот он бьёт раз, другой, третий, и никакого эффекта. И никакого звука, как принято у оленей в таких случаях. Наконец я догадался: "Юра, сердце-то с левой стороны, а не с правой!" ...

Итак, июль, август и сентябрь идёт геологическая съёмка. Маршруты рассчитывались так, чтобы пройти от одного лабаза в виде железной бочки до другого – тоже бочки. Такие бочки ещё по весне разбрасывались с самолета в узловые точки предстоящих летом маршрутов. В них крупа, сухари, сахар, чай, свечи и т.п. Нет наслаждения выше, как выпить после многодневного маршрута кружку сладкого чая. Чай – первое, что вытаскивают из бочки. После опустошения бочки в ней можно помыться, приготовив горячую воду, кидая в неё раскалённые на костре камни. После туда – в пустую бочку – помещаются образцы горных пород, собранные в маршруте. И ещё бочку надо перекачать в место, где возможна посадка самолёта осенью. И снова в маршрут за маршрутом, от бочки к бочке. Геологические открытия на каждом шагу. Так, благодаря институтскому курсу палеонтологии и крымской практике удалось впервые закартировать формацию, аналогичную "таврике" (таврической свите Крыма) и доказать именно триасовый её возраст. Другое открытие было сделано однажды на закате дня: по ходу маршрута появилась круглая белая каменная «голова» - куполообразная горка, оказавшаяся сложенной целиком из серпентинита. В последующие годы, как мне стало известно из геологической литературы, эта голова стала важным рудоносным объектом. Обнаружение мной рифовых тел и офиолитов, сначала осмеянное как ошибочное, через много лет перестало быть таковым тогда, когда появились новые плитотектонические воззрения.

Для возвращения домой подготовили галечную косу: убрали коряги и закопали ямы. Мороз уже сделал песчано-илистый грунт достаточно твёрдым. Самолет благополучно сел, мы погрузили всё, что было можно, и себя, любимых. Летели домой не через далёкую и милую сердцу (благодаря упомянутым выше юным красавицам) Апуку на берегу Тихого океана, а через более близкий по расстоянию посёлок Марково. Посёлок интересен тем, что местное корякское население, получив дома, живёт рядом в своих ярангах. Там под пологом им теплее и уютнее зимой! А летом они кочуют с оленьими стадами, и дома им, тем более, ни к чему. Но зато какая в Марково шикарная взлётно-посадочная полоса: американская, предельно длинная и идеально ровная, покрытая гофрированным железом. Здесь в войну садились для дозаправки боевые самолеты, перегоняемые из Аляски на наш фронт.

2. Усть-Енисейская экспедиция. Западно-Сибирская Субарктика, 1959 год

Опять, как и в случае прошлогодней Корякской экспедиции, - июньская «весновка», но уже не на фоне роскошного пейзажа берегов Тихого океана и вулканических гор, а посреди унылой тундровой равнины, бесконечных озёр и бескрайне широкого Енисея вблизи Северного Ледовитого океана. Полным составом только что организованной экспедиции во главе с начальником *Ю.Н.Кулаковым* прибываем на почтовом катере в заброшенный посёлок Малая Хета.

Издалека на горизонте возникла одинокая буровая вышка, затем на возвышенности показались дома барачного типа. По сошествию на берег чувствуем неуют при встрече с просыревшим заброшенным жильём. А окрестности вообще имеют совершенно необычный футуристический облик: кругом среди безлесной тундровой равнины разбросаны

диковинные машины и механизмы иностранного производства, причем некоторые из них выглядят как новые (заграничная сталь меньше ржавеет, что ли?). По архивным материалам института я знал, что на Малохетской площади велась нефтеразведка, но не предполагал, что она велась с помощью американской техники. Неужели столь много и такой тяжёлой техники завезли по Северному морскому пути, да ещё в военное время! Или из США через Иран и через всю Сибирь по Енисею? Скорее первое, подтверждением чему для меня явились бывшие ранее секретными сведения, услышанные мной в недавней радиопередаче «Свастика над Таймыром», о том, что, действительно, весьма многочисленные арктические караваны американских судов приходили к нам в войну не только с запада, но и с востока (за ними-то и охотились фашисты во время войны!). Архивы говорят, что в 1953 году всякая нефтеразведочная деятельность на Малохетской площади прекратилась. И, похоже, почти мгновенно. Так, например, трактор остановился посреди тундры на пути к буровой, даже не отцепив волокушу с грузом. Тракторист явно просто сбежал, как, похоже, и все население посёлка с первой оказией на «материк». Не связано ли это с тотальной амнистией заключенных по «северам» того памятного года?

Так или иначе, наша новая Усть-Енисейская экспедиция нашла здесь готовое жильё, складские и производственные постройки. Ведь предстояли не только сравнительно несложно организуемые геолого-съёмочные работы, но и картировочное бурение. Продовольствие закупали преимущественно в посёлке Усть-Порт, районном административном и хозяйственном центре на западе Таймырского национального округа. При этом опять не обошлось без американской продукции – сливочного масла выпуска 40-х годов (соответственно более чем десятилетней давности), поставленного по лендлизу. Масло прекрасно сохранилось в подземном ледяном хранилище рыбокомбината, будучи не только замороженным и солёным, но и герметично упакованным.

Во главе с умудренными опытом предшествующей Приморской экспедиции начальниками партий *Ю.Н. Михалюком*, *Д.В. Семевским*, *Г.А. Значко-Яворским* и *К.Н. Белоусовым* пошли привычным путём полевые геолого-съёмочные работы. Съёмка уже другого масштаба, более детальная. Не «миллионная», а «двухсоттысячная» (в масштабе 1:1000 000 и 1:200 000 соответственно, т.е. работы детальнее в 5 раз, маршруты не через 10 км, а через 2 км). Заброска в район работ на озёра – самолётом АН-2 на поплавках, или по рекам на лодках с мотором. Благо, озёр много, даже слишком. В нужных местах геологов ждут олени. Но олени не вьючные (как в горах), а запряжённые в нарты. Вьючными, как всегда, остаются геологи. И работа остаётся в силу этого физически тяжёлой. Но ещё тяжелей, как и раньше, были иногда ситуации, связанные с едой. Представьте, каково людям, если они присылают на базу радиограмму: «Остались без продуктов, питаемся одними осетрами». Кто мог бы есть многократно до полного утоления голода жирную рыбину без соли! Б-ррр... Таков был документальный факт, отнюдь не байка, поскольку именно я получил это послание из партии *Ю.Н. Михалюка*, ужаснулся, и сразу же отправил лодку с провиантом к месту бедствования.

Важно отметить, что в последующие шестидесятые годы геологической съёмке с применением оленьего транспорта пришёл конец. В Усть-Енисейской экспедиции появились вездеходы ГАЗ-47 и амфибия К-61 армейского образца, большой катер (назван «Профессор Гедройц» в честь первого руководителя отдела нефти и газа НИИГА), баржа, тракторы и буровая установка.

Любовные истории, естественно, случаются всегда и везде. Особенно, когда в поле много хороших студенток! Не обходится и без поступков отчаяния и ревности. Так, однажды один наш парень из ревности почти напрочь откусил другому нос, но хорошо, что медсестра оказалась рядом. С помощью иголки с ниткой нос был пришит. И всё срослось.

Подтвердить правдивость этого кровавого инцидента может его виновница: она до сих пор работает в нашем институте. Моя любовная история началась тут же и в том же 1959 году. В итоге вот уже более пятидесяти лет как она не кончается! Чтобы пожениться, нам с моей Наташей пришлось с благословения начальника экспедиции идти на моторной лодке 17 км по Енисею в Усть-Портовский сельсовет.

Курьёзный эпизод из полевой работы того сезона. Меня, как нефтяника по образованию, определили специально сосредоточиться на проявлениях «дыхания глубинных нефтегазовых залежей», то есть на выходах на поверхность природного газа. И я стал искать струйки газа в озёрах, затем собирать газовые пузырьки через воронку в бутылки. Делать это можно было только в тихую погоду при гладкой поверхности озера. Но тихая погода выдавалась редко, преимущественно ночью, и мы с мотористом часто день за днём бездельничали: ловили рыбу, охотились на зайцев. Вдруг парень пропадает... Оказывается, сбежал от меня на базу (благо, это было близко) и доложил по инстанции, что начальник не работает, разве что для развлечения ловит пузырьки, т.е. саботажник и вредитель. Как там у *Высоцкого*: «Геолог получает тыщи, а сам нарочно ничего не ищет». Однако «вредительство» не прошло даром: подозрительные пузырьки подтвердили продуктивность недр левобережья низовьев Енисея. После сейсморазведки и глубокого бурения здесь (кажется, в 80-х) были разведаны промышленные месторождения газа, затем построен трубопровод и, тем самым, теперь Норильск обеспечен «голубым топливом».

3. Экспедиции на острова в Карском море. Высокоширотная Арктика, 1973-1976 годы

Геологические наблюдения на островах до 70-х годов прошлого века в Карском море были скорее случайными, чем систематическими. Когда же Тюменскому геологическому управлению (ТГУ) было поручено Министерством геологии РСФСР заниматься не только сушей, но и морем, встал вопрос о том, что для нефтегазовых поисков нужна ревизия старых данных и получение новых, практически неизвестно каких. Ни особого желания, ни готовности к морским работам у ТГУ не было. А поскольку главному геологу ТГУ *Ф.К.Салманову* по-кавказски горячо нравился мой руководитель *Ю.Н.Кулаков* - за ум и несравненное обаяние, за полезные советы по написанию диссертации, именно ему он и предложил Карское море в качестве объекта новых тематических исследований. Понятно, за тюменские деньги. Юрий Николаевич рассказывал потом, шутя, что предложение поступило, так сказать, «под настроение» прямо на банкете по поводу защиты диссертации Фарманом Курбановичем (кстати, первооткрывателем тюменской нефти, или «первопроходимцем», как, по ходячей легенде, с гордостью называл себя сам Ф.К., не очень хорошо знавший русский язык) «в подарок» за исполнение частушек под гитару. Так высветились на далёком горизонте наши будущие полевые объекты – высокоширотные острова в Северном Ледовитом океане! Немедленно был составлен проект на проведение ревизионных работ и я приехал в Тюмень зимой 1972 года предлагать и защищать его. Денег на осуществление работ по сметным расчётам нашего института требовалось, насколько помню, порядка 40 тысяч тогдашних рублей в год. Проект был одобрен, но сумма ассигнований увеличена (невиданный случай!) до 100 тысяч рублей из-за необходимости соответствующего округления цифр в сметных документах ТГУ! Это «богатство» очень помогло нам в части транспортных расходов: мы могли себе позволить, по необходимости, привлекать для перемещения самолёты, вертолёт и даже ледоколы.

В короткий летний сезон с июля по сентябрь 1973 года отряд (полевые сотрудники вместе со мной - *Л.Н.Петрунин* и *М.В.Крюков*) отработали на необитаемом острове Свердруп, в 1974-м – на островах Визе и Уединения (*И.И.Рождественская* и

И.П.Федоров). Остров Визе до нас был белым пятном на геологической карте, так как он весь покрыт ледником. Мы с помощью сотрудников Горного института, имеющих опыт бурения льда в Антарктиде, пробурили этот ледник и с глубины около 20 м достали горстку песка. Этой пробы оказалось достаточно, чтобы впоследствии в результате всесторонних исследований утверждать с большой долей достоверности, что возраст породы триасовый. С тех пор на геологических картах северная часть Карского шельфа вместо белого пятна получила пятно фиолетовое (цвет закраски триаса по Стратиграфическому Кодексу). Но никто не верит, что после бурения льда с промывкой спиртом остаток популярной в народе жидкости (в накладной она значилась как «Типовой гидролизный раствор №1») был привезен с острова Визе обратно в Ленинград для сдачи остатка на склад. Вот уж байка, вот уж небывальщина, скажете вы! А дело в том, что буровую бригаду составляли студенты родом из Узбекистана.

В 1974-75 г.г. ревизионные работы вторглись на большие острова архипелага Северная Земля. И, на наше счастье, земля была обитаемой в эти годы (и только тогда): здесь проходила геологическая съёмка силами Североземельской партии от Норильской экспедиции Научно-производственного объединения «Севморгеология». Поэтому мы имели в необходимых случаях дружескую поддержку, иногда встречались (фото 6). Пользуясь одной из встреч я выпросил у начальника съёмочной партии *Е.Н.Ленькина* новые кирзовые сапоги. А в благодарность, так уж как бы получилось, я сообщил коллегам о найденном мной медном рудопроявлении. В тот же час один из молодых геологов – *Слава Сальников* - побежал в указанное место и стал первооткрывателем месторождения меди. Месторождение мизерное, но лиха беда начало, вскорости норильчане выявили многообещающие проявления золота.

В 1974 г. отряд (со мной были сотрудники *Л.Н.Петрунин*, *М.В.Крюков* и *В.Н.Васильев*) работал на о. Пионер арх. Северная Земля. Общей целью обследования архипелага была проспекторская (по-русски говоря – обзорная, предварительная) оценка нефтегазоносности территории островов и прилегающего шельфа, но здесь была главной ревизия данных о битуминозных сланцах. Благодаря найденным в архивах полевым дневникам *Б.Х.Егузарова* (экспедиция 30-х годов под руководством *Н.Н.Урванцева*), удалось десантироваться вертолётom непосредственно в нужном месте - на краю ущелья. Но не столько сами совершенно голые черные сланцы и ярко-красные песчаники произвели впечатление, сколько их окружение огромными белыми куполами ледников совершенной сферической формы. Трудно поверить, но это впечатление было столь велико, что один из нас, будучи художественно впечатлительной натурой, упал на землю и зарыдал. Да, великий американский пейзажист Арктики *Рокуэл Кент* здесь «отдыхает»!

К любым новым пейзажам быстро привыкаешь, но не столько глазу, сколько организму долго не удаётся адаптироваться к тому, что солнце круглые сутки не заходит за горизонт, причем возвышается над ним не более чем на единицы градусов. Поэтому тени очень велики (Фото 7). Недаром эскимосы называют свою Гренландию «страна длинных теней»!

Полевые работы на о. Октябрьской Революции (со мной были *А.В.Дитмар*, *Л.Н.Петрунин* и студент МГУ) на следующий 1975 год прошли по долине реки Матусевича с её знаменитыми ущельями и водопадами (фото 8,9). Здесь в геологических исследованиях мы сосредоточились на описании отложений силура и девона в свете перспектив нефтегазоносности. Увлекательным развлечением была своего рода «каменная рыбалка» - сбор коллекции ископаемых костных остатков панцирных рыб в красноцветных песчано-аргиллитовых породах девона. Улов был столь богат и значим, что вслед за нами потом по

нашей наводке приехали сюда (в такую даль, заметьте!) первейшие знатоки девонских рыб - палеонтологи из Прибалтики. И были счастливы!

Наши бытовые условия на второй год североземельских полевых работ заметно улучшились. Хотя нас всё так же мучили в маршруте круглосуточные пронзительные ветры при температуре воздуха не более +5°C, мы остальное время проводили в знаменитой палатке КАПШ (Каркасная арктическая палатка Шапошникова): это самое совершенное жильё в Арктике, один из её символов (фото10). А имели мы эту чудо-палатку благодаря тому, что *А.В.Дитмар* сделал КАПШ настолько компактным в разобранном виде, что каркас палатки удобно помещался в самолёт и вертолёт. Только в новой модификации стало возможным доставить КАПШ из Ленинграда к месту работ со многими перевалками груза в пути. Изобретательный Алан Владимирович усовершенствовал для КАПШа также и печку на жидком топливе (ПЖТ), снабдив горелку карбюратором автомобильного типа. Печка стала совершенно безопасной в силу равномерной регулируемой подачи по каплям керосина в горелку. Обычная ПЖТ работает неравномерно, недаром её в «народе» прозвали «хоттабычем» за пыхтение (как там в книге - «трах-тибидох-тох-тох ...!») и опасную склонность к малым (подскакивает труба!) и большим (!!!) взрывам.

Завершающими в эпопее тематических полевых экспедиций на острова в Карском море были работы 1976 г на о. Самойловича. С названием острова – особая история. Этот маленький островок случайно открыл известный полярный капитан *В.И.Воронин* во время экспедиции к Северной Земле на ледоколе «Георгий Седов» в 1930 г.. Он дал ему имя стоявшего рядом с ним на капитанском мостике начальника экспедиции профессора *Р.Л.Самойловича* (мой однофамилец и совсем не родственник), якобы «в отместку» за то, что последний накануне в такой же ситуации назвал попутный островок именем Воронина. Это, видимо, байка, но она рассказана была мне серьёзным свидетелем. Однако вскоре остров лишился своего имени, так как Рудольф Лазаревич был репрессирован как «враг народа» Появилось взамен другое название - остров Длинный. Правда, на морских зарубежных картах продолжало существовать старое название. Почти через 30 лет, понятно, после реабилитации Рудольфа Лазаревича, было восстановлено первоначальное название острова. Остров этот необитаем и сюда не ступала нога геолога. Моей ноге первопроходца пришлось не столько ходить по острову (он весьма мал), сколько висеть на веревочной лестнице. Дело в том, весь берег является сплошным вертикальным обрывом (фото 11). Недаром под берегом мы нашли мёртвого медведя, который, видимо, убили, не сумев запрыгнуть на этот обрыв. В результате стратиграфических наблюдений были послойно описаны силурийско-девонские отложения. Впоследствии они получили название самойловичской свиты. Кроме того, были найдены нефтепроявления в виде битумных прожилков в породе.

Если при посещении других островов мы не встречали никакой живности, то здесь она была. В береговых обрывах – птичьи базары, на припайном льду – тюлени (нерпы) с детёнышами («бельками»). Естественно, что они привлекают белых медведей. Страшно, но куда деваться (фото 12)! Формально мы защищены оружием: есть карабин и ракетница. С ракетницей же по-первости вышел курьёз. Ракета, выпущенная в сторону медведя, перелетела через него и он в испуге побежал не от нас, а в нашу сторону. Но мимо, к счастью. Скоро мы поняли, что пока мишки пресыщены своей привычной тюленьей пищей, они не склонны нас посещать, тем более, что мы и наше жилище пропитались неприятным запахом керосина. Следует попутно рассказать, как успешно сосуществовали в ту пору люди и медведи на о. Среднем, нашем неизменном перевалочном пункте (фото13). Когда медведь приходил к людям (обычно на свалку с остатками пищи), его встречала свора собак во главе с отважным вожаком по кличке Черныш. Уморительно было видеть, как огромный зверь крутится на месте (и на заднем месте!) и не может настичуть ни одну из собак,

нападающих по преимуществу сзади. Когда собаки уже обессилены и некоторые ранены, медведю удаётся убежать. Так и происходит обычно, поскольку убивать белого медведя, кроме случаев прямого нападения на людей, запрещено. Ещё пару слов о собаках. На Таймыре и на некоторых полярных метеостанциях водились в ту пору особые лайки – большие, широкогрудые, одетые в необыкновенно густую шерсть – рука в ней тонет полностью. Но будучи в свободном сосуществовании с собаками других пород, эти чистопородные северосибирские лайки, скорее всего, сейчас уже выродились. Вывозить их на «материк» бесполезно: арктические собаки, привыкшие жить в стерильном воздухе, зачумляются и погибают.

В поздние 70-е годы автор проводил экспедиционные работы на островах в Баренцевом море (о. Долгий, арх. Земля Франца-Иосифа). Были новые встречи с белыми медведями и иные неизбежные в полевых условиях приключения, но всё уже стало казаться обычным. А с 1980 года мои экспедиции были исключительно морскими, и в них совершенно, на мой взгляд, отсутствовала какая-либо романтика. «Вода, вода, одна вода...». Вспоминается эта унылая песня. И остальное тоже в миноре: монотонный пейзаж, одинаково повторяющиеся вахты во время рейса, надоедающие за месяц-полтора одни и те же лица в тесной кают-компани, изматывающая качка. Какое-то преимущество перед сушей - это постоянный комфорт и своеобразный уют. Главное же хоть в морской, хоть в сухопутной жизни было и остаётся всегда: поиск и открытия. Помно, как интересно работалось в коллективе Морской арктической геолого-геофизической экспедиции (МАГЭ), осуществлявшей первые опыты по геологическому картированию шельфа Баренцева и Карского морей. готовившей научные основы для разведки здесь месторождений нефти и газа. Морская тематика не оставляет меня и сейчас во ВНИИОкеангеологии, где геологическая съёмка как метод является основополагающей. Сейчас, в духе времени – с геоэкологическим уклоном.

Фото 1. База Корякской экспедиции НИИ геологии Арктики в посёлке Апука на берегу Тихого океана в 1958 году. Фото *А.В. Дитмара*.

Фото 2. Долина реки Ваеги в Корякском нагорье – основной объект геологической съёмки партии *А.В.Дитмара* в 1958 году. Фото *А.В. Дитмара*

Фото 3. Младшие техники-геологи (коллекторы) Корякской экспедиции в п. Апука, 1958 г. Фото *А.В. Дитмара*.

Фото 4. Геолог *Ю.Половников* в маршруте на геологической съёмке в Корякском нагорье в 1958 г. Фото *А.В. Дитмара*.

Фото 5. Вьючные олени в Корякском нагорье в 1958 г. Фото *А.В. Дитмара*

Фото 6. Встреча геологов съёмочного и тематического отрядов. Остров Пионер архипелага Северная Земля, 1974 год. Фото Ю.Г. Самойловича.

Фото 7. Вид долины р. Матусевича на острове Октябрьской Революции архипелага Северная Земля, 1975 год. Фото Ю.Г. Самойловича.

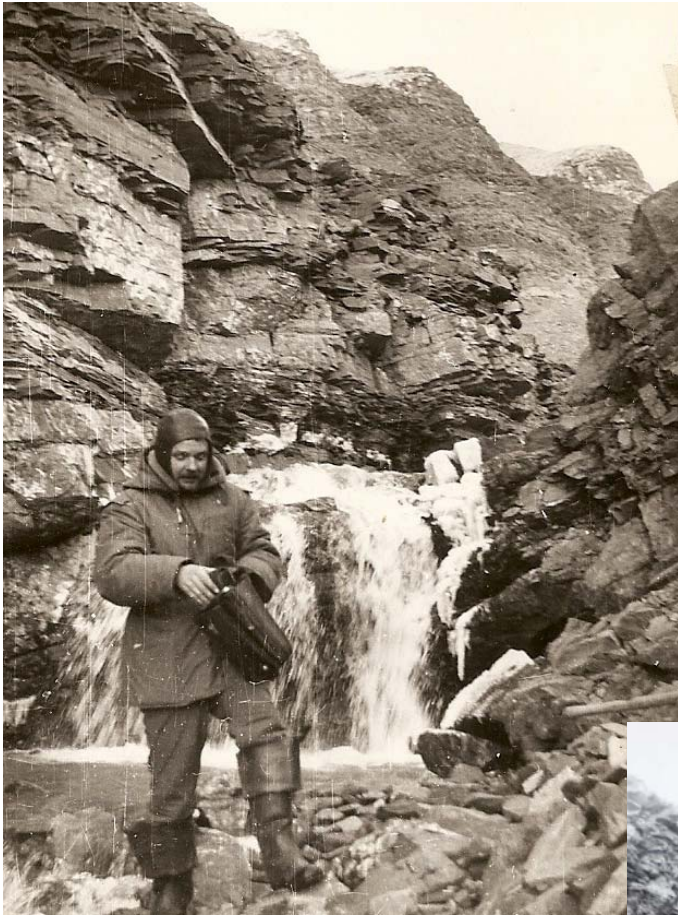

Фото 8. Геолог
Ю.Г. Самойлович в
маршруте по р.
Матусевича у истоков
20-ти метрового
водопада. Остров
Октябрьской
Революции, архипелаг
Северная Земля, 1975
год.. Фото
Л.Н.Петрунина.

Фото 9. Вид ущелья под
водопадом в среднем
течении р. Матусевича.
Остров Октябрьской
Революции архипелага
Северная Земля, 1975 год.
Фото *Ю.Г. Самойловича.*

Фото 10. Палатки КАПШ и «краб» в лагере геологов. Остров Октябрьской Революции архипелага Северная Земля, 1975 год. Фото Ю.Г. Самойловича.

Фото 11. Береговой обрыв острова Самойловича в Карском море, 1976 год.

Фото 12. Белый медведь в гостях у геологов. Северная Земля, 1974 год. Фото *В.Н.Сальникова*

Фото 13. База Норильской экспедиции (щитовой дом крайний слева) на о. Средний архипелага Северная Земля, 1976 год. Фото *Ю.Г.Самойловича*.

Шпицбергенская бывальщина

За много лет работы на Шпицбергене услышал много разных историй из категории «и смех, и грех». И, конечно, много раз их пересказывал в самых разных компаниях. Сейчас и вам пару историй представлю, из тех, что могли случиться только на Шпицбергене. Правда, за давностью лет многие подробности этих баек стёрлись из памяти, и поэтому в некоторых деталях я могу и приврать. Но в целом, как на духу, всё так и было. Хотите – верьте, хотите – нет.

С легким паром!

Два наших геолога работали к северу от Пирамиды. Район этот достаточно посещаемый: здесь и геологи из разных стран работают, а ещё больше туристов туда-сюда шастают. Наши ребята занимались разрезами карбона, а их лагерь стоял напротив стенок этих пород в узкой долине, прямо на туристической тропе. Вот они отработали две-три недели, и тут им приходит РД: мол, будет вертолёт из Баренцбурга и вместе с приветами привезёт вам всякие вкусности, в том числе и месячную норму. А месячная норма, да будет вам известно, это коробки и ящики с пивом, водкой и коньяком. В лагере после РД сразу наметился эмоциональный подъём, всплеск и выброс физической и интеллектуальной энергии, и, как результат этого, родилась совершенно неубойная идея. Вертолёт из Баренцбурга должен лететь через Пирамиду, где обязательно сделает посадку. А это значит, что можно сходить в Пирамиду в баню, хорошо провести там вечер, а на следующий день на вертолёте, со своим пивом, водкой и коньяком вернуться в лагерь и сказать самим себе: «С лёгким паром!». Решили – сделали. По радио всех предупредили, сапожки одели, рюкзаки взяли – и в баню. Даром, что до Пирамиды три десятка вёрст. Но ради бани и крик в сорок вёрст не страшен.

И вот в расчётное время прибегают они в посёлок. А там и столовая шикарная, и баня на руднике отменная, и есть где остановиться, и друзей хватает. В общем, всё чин-чинарём и по плану. А наутро в Пирамиду прилетает вертолёт. Точнее, прилетают два вертолёта. Это сейчас на Шпицбергене один русский вертолёт, да и тот через раз летает, а в советское время их было шесть и летали по всему архипелагу. Ну, наши ребята подходят к командиру, так, мол, и так. А тот, знаю, дескать, знаю, идите, садитесь. Они и сели, куда механик показал. Вертолёт взлетел и пошёл на юг, в противоположную от их лагеря сторону. А другой, где были ящики и коробки с их пивом, водкой и коньяком, полетел на север, к их лагерю. Лётчикам сказали, что будут то ли сопровождающие, то ли встречающие груз, но так как ни тех, ни других не было, они приземлились в указанной точке, выгрузили ящики и полетели дальше по своим делам. И остались ящики с пивом, водкой и коньяком прямо на туристической тропе.

А наши орлы в это время слетали на юг, на юго-запад, а потом прилетели в Баренцбург. Ну, начальство на базе сильно обрадовалось, увидев их чистыми и помытыми, и даже послало их куда-то, а потом ещё и дальше. Но затем, всё трезво взвесив (месячная норма у них уже давно кончилась), решили оставить их на базе до попутного вертолёта. А то пешком с базы до лагеря идти уж очень долго.

Вот просидели они на базе семь дней, а может и десять, а тут и попутный вертолёт. Они в него, какой-то час полёта и уже летят над лагерем. Нет, вертолёт, конечно, быстрее, чем пешком! Высадили их вертолётчики на ту же тропу да и полетели по своим делам. А ребята посмотрели по сторонам, глядь – их коробки и ящики стоят, только без

пива, без водки и без коньяка. Зато на всех языках мира исписаны они словами самой искренней благодарности: «Mange takk! Danke schon! Thank you very match! Grand merci!».

Это туристы всего мира решили, что щедрые советские геологи выставили на тропу угощение для уставших путников. И, хлебнув из горлышка или кружки, оставляли на ящике свой автограф, как знак признательности. Вот только на русском языке там не было ни слова. А можно ведь было написать, например: «С лёгким паром, ребята!».

1985 г., Шпицберген. На весновке.
Слева направо: *Сироткин А.Н., Хайлов В.В., Старицын В.Ф.*

Данке шён!

А вот другая история. Трое наших мужиков работали в другом районе архипелага. Работа у них была серьёзная, дело спорилось, всё было нормально. И вдруг – раз! и погода испортилась! Дождь, снег, ветер, холодно и неудобно. Такое у нас бывает, и даже чаще, чем вы думаете. Но наших разве таким возьмёшь? Залезли в КАПШ, печку растопили, чаёк горячий да свежий всегда под рукой – лежат на раскладушках да языки чешут. Тут видят в окошко – на море какой-то чудик вёслами машет и даже издали видно, что уже доходит. Ну, понятное дело, законы гостеприимства, сострадание к ближнему, помощь терпящему бедствие – подхватились из палатки, побежали к морю. Видят: на море байдара, а в ней немец-турист. Сам уже синий, из носа течёт, зуб на зуб у него не попадает. Наши его под белые руки да в палатку. Влили в гостя стаканчик водки, потом борща горячего, а за ним чайку свежего – немец и ожил. Порозовел, обсох, приободрился. По-русски ни бельмеса, только «Данке шён» да «Данке шён». Наши его и спать в КАПШе положили, нашли местечко у печки.

Ну, я не знаю, сколько эта непогодь стояла: может день, а может и три. Только как-то утром просыпаются, а в природе – чудо-перемена: солнце, штиль и тепло. Немец в сотый

раз «Данке шён» сказал, в лайбу свою сел и давай вёслами махать, только его и видели. А наши стали в маршрут собираться. Они, кстати, структурные карты делали и занимались инструментальной привязкой выходов маркёров на поверхность. И по этой причине таскали с собой и теодолит с треногой, и рейку, а самое главное – огромную кипу здоровенных кольев. Собрали они всё это и вышли в маршрут. Отмахали положенные километры, пришли на нужное место. Передохнули, сложили на берегу рюкзаки, теодолит да колья и стали делать рекогносцировку. Без этого в нашем деле никак нельзя – надо осмотреться. Сходили туда, сходили сюда – хорошее место! Подошва маркёра во многих местах выходит, видно всё хорошо, можно работать. И вернулись они на берег, на то место, где рюкзаки оставили. А рюкзаков то и нет! И теодолита нет, и рейки нет, и даже кольев нет. Брёвен на берегу навалом валяется, а кольев нет. Искали они барахло своё, искали, да так и не нашли. А геологи-то хорошие! Посмотрели они друг на друга, поматерились, да и поплелись в лагерь.

А в лагере смотрят – немец тот самый сидит. Рожа довольная, улыбка до ушей. А рядом с ним и рюкзак с теодолитом, и рейка с кольями, и всё прочее. Это он на берегу увидел и решил русским помочь: загрузил всё в свою байдару и отвёз в лагерь. *Das ist meine Hilfe für russisch Geologen!* И всё благодарит, так искренне, с чувством: «Данке шён! Данке шён!». Ну, наши подошли, тоже ему много разных слов сказали, всё больше тёплых. Потом посадили немца в его корыто и проводили куда подальше. А сами в этот день никуда не пошли: решили подождать, пока немец из их района подальше отгребёт!

Ответ Ю.Я.Лившицу на его послание к 35-летней годовщине Шпицбергенской партии

Юрий Яковлевич Лившиц!
В юбилейный светлый день
От лица сограждан бывших
Ваш зачитан бюллетень.

Душу Вы в него вложили,
Но на лившицкий манер:
Вы горды, что пережили
Мой родной СССР.

Ваш сарказм умён и колок!
Но добавлю мысль свою:
Вы пережили (как геолог)
И Милославского М.Ю.

И пока Чубайс в работе
И вершит свой «славный» путь,
Вы и меня переживёте,
И ещё кого-нибудь!

Мы трясёмся как в телеге.
В коммунизме нам не быть.
Но я желаю вам, коллеги,
«Демократов» пережить.

А себе желаю, чтобы
(Мазохистам не в пример)
Быть геологом до гроба
И в новом жить СССР!

23 февраля 1997 года

В осаде

Мы знаем из истории, что осады бывают разные: эпохальные, героические, как Троя или Козельск, либо шутовские, как оборона линии Мажино. Но мой рассказ о другой осаде, примеров которой в истории, пожалуй, и не встретишь.

Было это сравнительно недавно. Мы работали на севере Шпицбергена, в глубине Вуд-фьорда и занимались картированием девонского комплекса. Работы велись совместно с геологами Норвежского Полярного института. Норвежцы прибыли в условленное место раньше нас и разбили свой лагерь на единственной здесь пригодной площадке в южной

части террасы. Наша группа припозднилась, и нам достался пологий конус выноса метрах в 300-400 от норвежского лагеря, за небольшой речкой. Место было сырое; небольшие площадки сухого гравийника перемежались с влажными глинистыми участками, и поэтому наши палатки встали на большом удалении друг от друга. Между крайними строениями нашего лагеря было 150 метров.

В то лето в Вуд-фьорде жизнь была фонтаном: постоянно летали вертолёт, сновали моторные лодки, между двумя лагерями всё время перемещались люди с деловыми и дружественными визитами. Наша группа – 15 человек – состояла из геологов и студентов Шпицбергенской партии и москвичей-археологов. Соседи-норвежцы были представлены четвёркой немцев, двумя шведами, двумя американцами, турчанкой и *Эденом Волохонским*. Эден был полиглотом: в совершенстве знал русский, английский, немецкий, иврит, - и поэтому был душой компании. Он носил тельняшку, солдатскую ушанку и спал в верблюжьем спальнике, который ему одолжили благодарные слушатели. Два-три раза в неделю в лагере топили баню, построенную нашими умельцами, и в неё всегда была очередь. Немецкие коллеги иногда засиживались в ней до поздней ночи. И на нашей кухне в это время велись бесконечные разговоры и опустошались бесчисленные чайники. Работали мы много, и отдыхали весело. Жизнь была прекрасной и интересной. А первый медведь появился близ наших лагерей только в начале августа.

Большое белое пятно, которое неспешно двигалось в нашу сторону вдоль береговых террас, заметили под вечер. Все засуетились. Норвежцы подняли свой вертолёт, базировавшийся у них в лагере, и встретили милого друга на подходе. В бинокли мы с интересом наблюдали сей поединок, который, впрочем, закончился вничью. Медведю не понравилась назойливая птица, он даже немного отступал, когда вертушка опускалась непроизвольно низко, но курса своего не менял. Вертолётчики, поняв бесполезность сжигания керосина, вернулись ни с чем. А через пару часов медведь лежал на терраске в виду нашего лагеря и с любопытством нас разглядывал.

Меня, как начальника отряда, и опытных геологов это соседство сильно беспокоило и заставило подтянуться. Зато студентов оно взбудоражило и взволновало, придало новый оттенок и без того интересному сезону. Весь вечер медведь был в центре внимания, все разговоры были только о нём; слышались предложения подойти поближе, чтобы получить хороший снимок. Жёсткое заявление, что герою, решившемуся на это, будут оторваны все конечности, а его фотоаппарат будет разбит о его дубовую голову, сняло эту идею с повестки дня, но сам интерес к медведю не ослаб. Народ толпился у крайней палатки (эта была кухня) и рассматривал зверя. А тот лежал недвижно в двух сотнях шагов от нас и временами казался неживым. Так прошла первая ночь, а утром медведь пребывал на том же месте.

Ритм рабочего дня переключил внимание людей, и о медведе начали забывать. Только дежурный по кухне посматривал в иллюминатор палатки на террасу, чтобы удостовериться в неизменности поведения нового соседа. И он нас не огорчал, оставаясь на прежнем месте и не меняя позы. Так прошло двое-трое суток.

А потом был банный день. С утра несколько пар ушли в маршруты, а рабочая группа занялась баней. После обеда это чудо полевой жизни было готово, и первым паром уважили меня. Я разделся, поддал парку и растаял. Не буду рассказывать, что я чувствовал – сами знаете, какое это блаженство. Иногда, совсем обессилев, я выползал в предбанник и хватал ртом свежий морской воздух, а потом вновь залезал в баньку и начинал всё сызнова. Наконец, напарившись, я занялся собственно помывкой. В тот момент, когда моя голова была покрыта мыльной пеной, рядом грохнул выстрел, за ним второй. Я подпрыгнул: не люблю, когда балуются с оружием, да ещё в лагере. «Какого дьявола, – закричал я, - кому

делать нечего?». В ответ издали раздался голос *Андрея Бирюкова*: «Шура, не выходи наружу! У тебя в предбаннике медведь! Сейчас мы его выгоним!». Опять грохнули выстрелы, послышались громкие голоса. Позже, уже на кухне, когда я потягивал горячий чай, мне наперебой рассказывали, как медведь незаметно обошёл лагерь с севера и попытался проникнуть в баню. Зачем? Посыпались версии, одна глупее другой, но все смешные. А уже утром дежурный сообщил, что медведей трое: возле норвежского лагеря объявилась парочка.

Вновь прибывшие ребята оказались предприимчивыми: они организовали штурм норвегов в тот же день и наделали много шума, разгромив соседям туалет и подорвав несколько сигнальных мин. Наши коллеги мужественно защищались и заставили противника ретироваться. Вечером наш дежурный студент, который наблюдал эту баталию со стороны, весело рассказывал о всех перипетиях этого события. Зато на следующий день медведей стало уже четверо. И после этого они пошли буквально валом. Это был какой-то миграционный поток: иногда они подходили по двое и даже по трое, другие, наоборот, отходили, но те, кто оставался, занимали позиции вблизи лагерей, охватывая нас как бы полукольцом со стороны гор. Порой некоторые мишки заходили и со стороны моря, обнюхивая и осматривая наши лодки. В некоторые дни мы видели одновременно до семи-восьми взрослых особей, которые, в свою очередь, наблюдали за нами. Началась планомерная осада, главным призом которой была кухня и яма с пищевыми отходами.

Жизнь в лагере поначалу стала несколько суетливой: постоянно грохали выстрелы, шипели ракеты, тревожные крики днём и ночью рвали тишину. Но люди ко всему привыкают; стали привыкать к новой ситуации и наши сотрудники. Народ постепенно перестал озиаться, опять начались перемещения между лагерями, иногда прямо на виду у медведей, но самым главным оказался другой эффект: население обоих лагерей разлюбовало тишину. Если на улице тихо, если за палаткой никто не стреляет и не кричит, значит, никто не видит, как к лагерю крадётся медведь, а может быть, даже и уже сидит возле моей палатки. И напротив, если идёт пальба, взрываются петарды всех калибров, значит, всё в норме, кто-то ведёт наблюдение и в порядке собственной инициативы, без всякого, заметьте, принуждения демонстрирует изумительную отвагу при защите кухонной палатки. И, судя по всему, этот кто-то справится сам, в крайнем случае, ему поможет ещё кто-то из соседней палатки, а я пока подремлю. И такой взгляд на нашу реальность приводил к замечательным сюжетам. Судите сами.

Я проснулся рано утром от хлопка ракетницы. Быстро одевшись и схватив оружие, выскочил из палатки. И сразу увидел нашу студентку *Аню*, которая целилась куда-то из ракетницы. Посмотрел налево: со стороны норвежцев к нашему лагерю неторопливо, в развалку шёл крупный медведь с неопрятной, с грязными серыми пятнами шкурой. Снова грохнула ракетница, и красная ракета с шипением прошла в стороне от мишки. Он проводил её спокойным поворотом головы, а потом не торопясь продолжил свой путь. Девушка стала заряжать ракетницу. Как юная Жанна, защитившая прекрасную Францию, наша Анна встала на защиту сна и покоя дюжины небритых мужиков. Я вместе со своим арсеналом присоединился к ней. Выяснилось, что она сегодня дежурит на кухне, и во время приготовления завтрака для наших оглоедов заметила попытку вторжения.

Тем временем медведь понял, что наши силы и огневая мощь удвоились, и решил сменить тактику. Если до этого он ломился напролом, то теперь сделал обходной маневр и стал заслоняться от нас палатками, заставляя нас перемещаться и крепко надеясь, что наша жидкая цепь порвётся, а сквозь образовавшуюся брешь он прорвётся к заветной яме. Мы храбро пресекали все его наглые попытки, хотя это было нелегко, так как Аня ещё бегала на кухню, чтобы посмотреть дошла ли каша, не подгорела ли тушёнка, вскипел ли чайник. А

лагерь безмолвствовал. Иногда между выстрелами, когда гулкое эхо затихало в недалёких распадах, я явственно слышал в ближних палатках спокойное разнотональное похрапывание. А медведь наседавал: похоже, ароматы приготавливаемого завтрака настроили его на бескомпромиссную борьбу, и голодным он уходить не собирался. За речкой, в норвежском лагере толпились люди, рассматривая нас в бинокли, и, что вполне вероятно, делая ставки: кто на нас, а кто и на медведя. Наш же лагерь по-прежнему оставался образцом самообладания.

Наконец, Аня сообщила, что завтрак готов и столы накрыты, можно будить народ. Я согласился. Девушка взяла черпак и стала стучать им в крышку от ручной мойки. Высокие, пронзительные звуки поплыли над террасой, над берегом моря. Из палаток, как тараканы, посыпались студенты, геологи, археологи, мгновенно наполнив лагерь шумом и гамом. Медведь, который уже стоял почти у кухонной палатки, застыл, удивлённый и поражённый такой резкой сменой обстановки, а потом, осознав всю бесперспективность своего предприятия, повернулся и медленно побрёл на террасу, к месту своего лежбища.

Другой эпизод произошёл через пару дней после описанного, но теперь уже я стал главным действующим лицом. Однажды сквозь сон раздался слабый крик нашего картографа *Нины Красновой*: «Ребята, медведь на кухне!». Выскочив, как ошпаренный, из спальника, я приник к иллюминатору. Сквозь густой утренний туман чернели две палатки: женская, где жили Нина и Аня, и стоящая недалеко кухонная. Из дверей кухни торчала огромная медвежья задница. Первая мысль, ударившая в голову, объяснила ситуацию: Нина утром пошла готовить завтрак, и медведь напал на неё в кухонной палатке. Прыгнув в ботинки и схватив стоявший у раскладушки карабин, в одних трусах я выскочил наружу.

В магазине карабина «Лось» помещается пять патронов. Я помнил об этом, когда, на ходу передёрнув затвор, с бедра выстрелил в воздух. Медвежий зад у кухни даже не дернулся. Ужаснула мысль – неужели этот гад уже жрёт нашего картографа? Тридцать-сорок метров, разделявших кухню и мою палатку, я преодолел как в бреду, сделав на бегу второй выстрел вверх. Резко остановившись возле кухни, я увидел следующую картину. Крупный медведь, стоявший задом ко мне и мордой вплотную к дверям наглухо задраенной палатки, разбирал и облизывал в большом тазу банки из-под тушёнки-сгущёнки, видимо, забытые дежурными с вечера. Нас разделяло буквально два-три шага, но он не обращал на меня никакого внимания. «Ах, ты, гад!» - крикнул я и выстрелил в землю у его ног. Сноп песка и мелкой дресвы ударил в разные стороны. Медведь оглянулся; в его маленьких глазах явно светилось недоумение. «Ну всё, ты меня достал!» - сказал я и снова передёрнул затвор. Пустая гильза болванчиком выскочила из патронника и отлетела в сторону, но из глубины магазина на смену ей не выполз новый патрон. Мой карабин был пуст! Видимо, накануне кто-то из моих соседей пугнул медведей и поставил полупустой карабин на его обычное место. И вот теперь я с пустым карабином и в одних трусах стоял в двух-трёх шагах от медведя и переминался с ноги на ногу. Идиотская ситуация! Было прохладно; сырой туман и свежий ветерок с моря усугубляли моё положение. Медведь смотрел на меня через плечо, слегка наклонив голову. Его глаза как бы спрашивали: «Ну кто тебе дал право таким злобным способом прерывать мой завтрак?». Наш лагерь спал, и мне стало грустно.

И в этот момент из женской палатки раздался голос Нины: «Саша, я зарядила карабин! Мне самой стрельнуть в медведя?». Мне сразу стало жарко, горячий пот прошиб меня насквозь. Я стоял как раз между Ниной и медведем: не знаю, как чётко был виден в сером тумане наш белый визитёр, но мои яркие цивильные трусы представляли отличную мишень. Промычав ей в ответ что-то нечленораздельное, я стал спиной пятиться к женской палатке, не спуская при этом глаз с медведя и неловко приседая. Мишка по-прежнему смотрел на меня через плечо, не проявляя никакой агрессивности. Добравшись до палатки, я

протянул назад руку и почувствовал, как в неё вложили карабин. Бросив свой пустой на землю, я поднял ствол нового вверх и нажал спуск. Грохнул выстрел! Я сразу взбодрился и вновь почувствовал себя хозяином лагеря. Не особенно выбирая выражения, я громко приказал своим коллегам выбраться из палаток. И когда десяток заспанных и небритых мужиков полукольцом окружили нашего гостя, он вздохнул, с тоской и сожалением посмотрел на таз с банками, потом на меня и не торопясь отступил на свою неизменную террасу. Вдогонку ему неслись залпы разноцветных ракет.

А я побежал к себе, чтобы одеться. В углу палатки надрывалась связная УКВ-станция. Наши соседи голосом Эдена тревожно интересовались, в чём дело. Мол, выстрелы слышим, а в лагере никого не видим. «Всё в порядке, - ответил я, - просто медведь зашёл к нам в столовую позавтракать!».

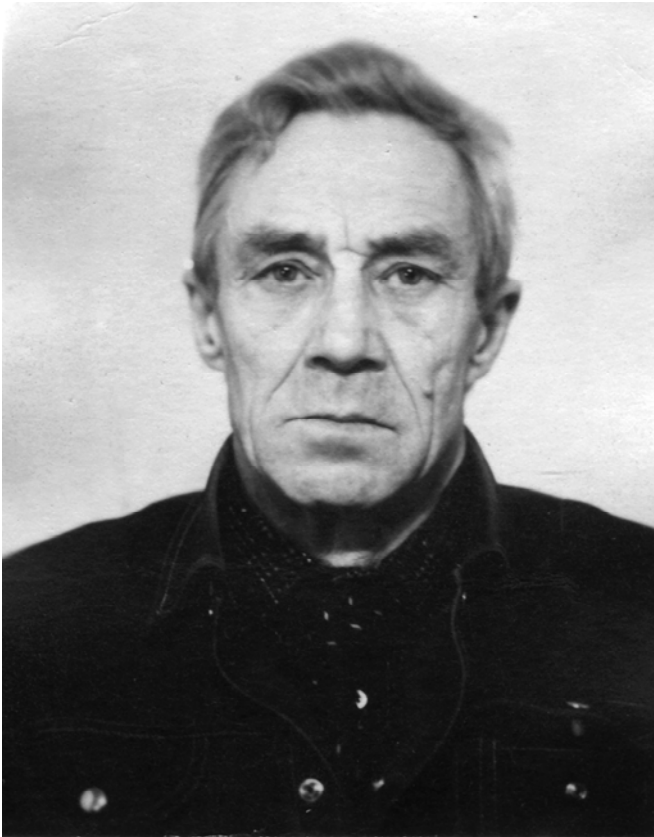
В последний день августа вертолёт уносил нас в Баренцбург. С высоты птичьего полёта было видно место нашего лагеря, хорошо вытопанное за полтора месяца десятками ног. Чуть в стороне, на пляже, среди брёвен плавника сидел, задрав голову, медведь. Это был победитель - ведь именно ему оставалась яма с кухонными отходами.

1985 г. *Евдокимов А.Н.* и *Сироткин А.Н.* на полевых работах. Шпицберген

Абакумовские байки

С *С.А.Абакумовым* (на фото), старшим геологом Шпицбергенской партии, я впервые встретился, ещё будучи студентом Ленинградского Горного. А потом (вот превратность судьбы) я стал сотрудником этой партии и был определён к нему в помощники. Сергей Александрович – прекрасный геолог, талантливый петрограф, много сделавший для изучения геологии древних комплексов Шпицбергена, и одновременно незаурядный человек, большой путешественник, полиглот и неутомимый рассказчик. Его воспоминания о жизни в Самарканде или работе на Шпицбергене и Кубе, в Антарктиде и на Урале достойны отдельного издания, но особый колорит им всегда создавала неповторимая абакумовская артикуляция и его взрывная экспрессия. К сожалению, передать это на листе бумаги не представляется возможным, зато можно и нужно вспомнить Сергея Александровича и тех, кто с ним работал, в связи с различными эпизодами нашей полевой жизни, в первую

очередь, конечно, смешными и весёлыми.

Сковородка

Наш первый совместный сезон на Шпицбергене затянулся. Уже был конец сентября, выпал снег, день стремительно укорачивался, а мы всё ещё ходили в маршруты, подтягивая километры к планке геологического задания. Обычно возвращались в лагерь уже в сумерках, мокрые и замёрзшие. Вот и в тот вечер, ввалившись в холодную палатку, стали быстро готовить ужин. Так как сетки, стоявшие в соседнем озере, исправно поставляли нам свежих гольцов, ужин был по-холостяцки прост: жареная рыба с овощными консервами и крепкий чай. Пока Сергей Александрович растапливал печку, мы с радистом Женей занялись рыбой. Достали огромную чугунную сковородку – гордость Абакумова и постоянный атрибут его полевого снаряжения, - и стали укладывать туда крупные куски заранее почищенной рыбы. Размеры сковороды могли обеспечить рацион целому взводу, поэтому три изголодавшихся полевики были настроены на долгую и плотную трапезу. И вскоре, под весёлый треск поленьев в печи, начался ужин при свечах.

После сытного ужина в тёплой палатке нас разморило, клонило в сон, делать ничего не хотелось. Абакумов дал команду вынести грязную посуду на улицу с тем, чтобы помыть утром. Мол, утром вечера мудренее. В палатке задули свечи, и мы упали в объятия Морфея.

Утро и в самом деле выдалось задумчивым. Холодный промозглый туман висел над морем, сыпал слабый снежок, было безветренно. День явно был немаршрутный, поэтому из мешков мы выползать не торопились. Наконец, шеф загремел печкой, а когда она заработала, дал команду вставать и готовить завтрак. Я вылез из спальника, оделся и вышел из палатки. Было прохладно и сыро; палатка и все окрестности были покрыты свежим

снежком. Закончив утренние процедуры, я пошёл за сковородкой. На обычном месте – большом деревянном поддоне возле входа, – её не было. Поковыряв ногой снег вокруг этого места, я тоже ничего не обнаружил. Миски и кружки после вчерашнего ужина стояли на поддоне, а сковорода отсутствовала. Вскоре мы втроём искали эту чугунину, при этом каждый думал про других, что это они бросили где-то сковородку и забыли. Наконец Абакумов не выдержал, его вспыльчивый характер дал о себе знать, и на наши с Женей головы посыпались всевозможные эпитеты, самыми мягкими из которых были «ротозеи» и «раздолбай». Мы молчали, ибо сказать было нечего. День был испорчен: не было погоды и не было сковородки. Но куда она делась, не знал никто!

Вечером, когда началось смеркаться, я выполз из натопленной палатки подышать свежим воздухом. Туман к этому времени поднялся, снегопад закончился. Быстро темнело, поэтому белая тундра и белые горы сливались вместе, резко контрастируя с тёмным морем. Вдруг я заметил какое-то шевеление в сотне шагов от нашей палатки. Тщательно присмотревшись, я увидел ещё не успевшего побелеть песка. Серая спинка зверька угадывалась на фоне белого снега, а сам он что-то старательно то ли царапал, то ли тянул. Я позвал Абакумова; он вышел с биноклем и стал смотреть. И тут раздался вопль: «Эта скотина спёрла нашу сковородку! Держите его!». Преодолев разделявшее нас расстояние, мы увидели крупного песка, который, вцепившись зубами в обшитую деревом ручку и упираясь в снег всеми лапами, тянул нашу сковородку. Схватка была короткой, справедливость восторжествовала! Когда мы втроём тащили сковородку к палатке, песец бежал сзади и обиженно тьявкал, требуя, видимо, компенсации либо честного раздела добычи. Разбор полётов показал, что этот зверюга всю ночь волок нашу сковородку с

остатками рыбного ужина прочь от палатки, а под утро закопал её в свежем снегу. Теперь под вечер он решил либо подкрепиться, либо перепрятать добычу, но был настигнут нами. Сергей Александрович торжествовал: «Вот вам урок, ротозеи! И ни один бродяга не может посягать на наше имущество!»

1986 г. Шпицберген.

После урагана на развалинах полевого лагеря. *Абакумов, Сироткин*

Кувалда

В поле мы выехали вчетвером: два геолога и два курсанта-радиота из Ленинградского Арктического училища: *Алексей* – подвижный, смыслённый и общительный парень из Красноярска, и *Роман* – флегматичный и неразговорчивый крепыш из Туапсе. А ещё в нашем отряде была огромная кувалда.

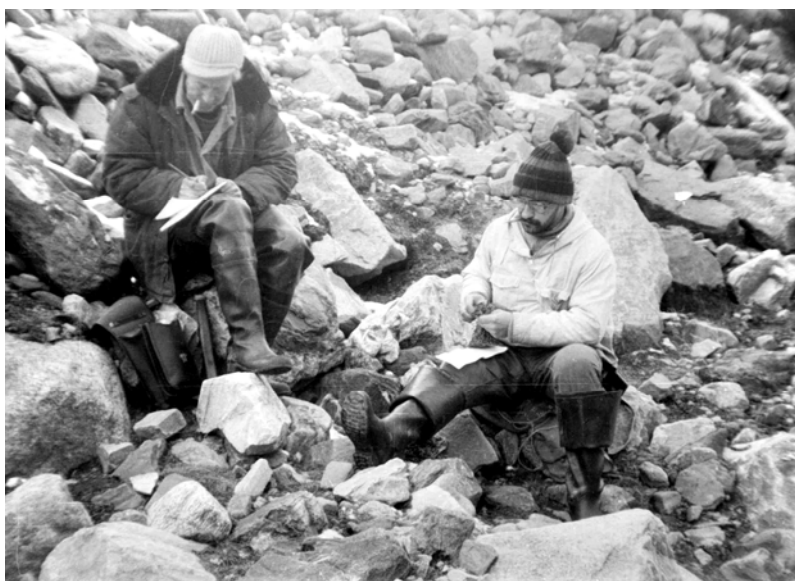

История кувалды была напрямую связана с телами гипербазитов, описанных Абакумовым на полуострове Моссель. Цепочка этих тел, в виде мощных линз длиной до 1 км каждая, протягивалась с юга на север, маркируя зону глубинного разлома. На этих плотных и тяжёлых породах было сломано очень много молотков, поэтому Сергей Александрович, наученный горьким опытом, заранее приготовился к встрече с ними и заказал этот уникальный инструмент. Саму кувалду ковали в механическом цехе Баренцбурга, а ручку – толстый рябиновый ствол – специально привезли из Ленинграда. Готовая кувалда выглядела устрашающе: весом около 15 кг, она, казалось, могла проломить насквозь и земную кору, и верхнюю мантию в придачу. На базе, когда мы собирали свой бутор, шпицбергенский народ с уважением смотрел на это чудо кузнечного искусства, цокал языками и заранее жалел того, кто будет ходить с ней в маршруты.

А ходить с ней в маршруты собирался сам Абакумов. Точнее, он собирался вести эти маршруты, а носить кувалду должен был его помощник. Поэтому, закончив дела с организацией лагеря, шеф занялся организацией маршрутных пар.

- Парни, - сказал он, - у нас есть кувалда и радиометр. Кто будет ходить со мной, будет носить кувалду, а кто с Сашей – радиометр. Чтобы всё было честно, бросим жребий.

Бросили жребий. Радиометр достался Лёше; новоиспечённый радиометрист искренне радовался и громко рассказывал мне, как сильно он любит всякие электронные устройства. Молотобоец Рома молчал: на его флегматичной рожице я не видел никаких эмоций. А Сергей Александрович уже планировал первый маршрут.

1984 г. Абакумов С.А. и Сироткин А.Н. в маршруте. Шпицберген, Нью Фрисланд

И вот он, первый маршрут сезона! Что может быть приятнее: начало лета, отличная погода, свежие силы и всё ещё впереди! Мы с Лёшей собрались первыми, но стояли у палатки, ожидая наших товарищей. Хотелось посмотреть, как они пойдут, подбодрить Рому словами поддержки. Наконец, они пошли: впереди – Сергей Александрович, сзади, согнувшись под тяжестью кувалды, плёлся Роман.

Проводив их, мы двинулись в противоположном направлении.

Вечером в лагерь первыми вернулись мы. наших соратников ещё не было, и мы занялись приготовлением ужина. Когда этот волнующий процесс был близок к завершению, через окошко палатки я увидел возвращающуюся пару. Выйдя им навстречу, я остановился в недоумении. Впереди шёл Абакумов, и по его движениям и лицу было видно, что он взволнован и явно не в настроении. Чуть сзади вразвалку шлёпал Рома, и на лице его сияла улыбка. Кувалды у него не было!

- Ты представляешь, ты представляешь! – ещё издали кричал мне Абакумов. – Мы протопали семь километров, а он ударил кувалдой всего один раз! Всего один раз!!!

Как выяснилось из дальнейшего рассказа, на первом же обнажении ультрабазитов Сергей Александрович выбрал место для пробоотбора и велел Роману отбить образец. Парень размахнулся кувалдой, но не рассчитал ни тяжести инструмента, ни длины ручки: его повело в сторону, кувалда прошла мимо цели и основанием ручки ударилась в ребро каменной глыбы. Раздался треск, и кувалды не стало.

На следующий день в течение всего маршрута мой напарник Лёша доказывал мне необходимость проведения радиометрических наблюдений на площади, где работал Абакумов, и просил меня выйти с предложением передать радиометр их маршрутной паре.

В речке

Мы возвращались из большого совместного маршрута. Впереди шли мы с Абакумовым и обсуждали детали только что сделанной работы, а также перспективы лимнологического изучения дальнего озера. Сзади плелись Лёша и Рома, сгибаясь под тяжестью рюкзаков, щедро набитых пробами. Уже на подходе к лагерю нам предстояло форсировать вброд широкую бурную речку. Как и у всех водотоков, у неё было два разных берега: низкий, пологий, по которому мы сейчас подходили к воде, и крутой, высокий, на который мы должны выбраться. Первыми в поток, развернув голенища сапог, вошли мы с Абакумовым и, балансируя на скользких камнях, начали переправу. Чуть позже к речке подошли ребята, посмотрели, как мы переправляемся, и сами стали готовиться к форсированию. Лёша, как более шустрый малый, сделал всё быстрее и пошёл впереди. Когда мы с Абакумовым начали забираться на терраску, он был на стремнине. В этот момент его нога поскользнулась на гладком камне, он потерял равновесие и рухнул вниз лицом, успев выставить вперёд обе руки. Упёршись в дно руками, он пытался встать, но тяжёлый рюкзак, навалившись на шею, не давал ему этого сделать. Парень стоял посередине речки в очень интересной позе: он опирался на четыре точки, а лицо его было в воде. Казалось, ещё немного, и он начнёт захлёбываться. В это время Сергей Александрович, который не видел, что случилось с парнем, забрался на крутой берег и оглянулся. Узрев Лёшу в такой странной позе, он закричал ему:

- Лёша, такой-сякой! Нашёл место и время пить воду! До лагеря пять шагов осталось, там чайку попьём!!

Осенью на базе остряки, узнав про этот случай, сочинили частушку. Её, в числе других, вечерами горланили под гитару.

Лёша из маршрута нёс большой рюкзак.
В речке поскользнулся и не встать никак.
Остаётся только пузыри пустить!
А сверху раздаётся: «Нашёл где воду пить!»

Икра

Вечером в лагере каждый занимается своим делом. Завтра в маршрут, но спать ещё рано. Полярное солнце работает на всю мощь, и в палатке светло и хорошо. Абакумов работает с полевой картой, дорисовывает очередной участок. Я заполняю журнал образцов – это моя обязанность, веду журналы за себя и за шефа. Лёша лежит на раскладушке и читает книжку. Рома сидит у стола и столовой ложкой из литровой банки ест красную икру. Делает он это неспешно, сосредоточенно, с большими паузами. Зачерпнув пол-ложки икры, неторопливо отправляет её в рот, а потом медленно, со знанием дела пережёвывает, глядя куда-то поверх наших голов. Так продолжается некоторое время. Потом он опускает ложку

в банку, на несколько секунд задумывается и, тяжело вздохнув, не обращая ни к кому конкретно, медленно произносит:

- А ведь она, наверное, ещё и полезная...

Экибана

Мы находимся в совместном маршруте на севере полуострова Моссель. Место это представляет собой низкую приморскую равнину с небольшими округлыми холмиками. Это выходы коренных. Ими мы и занимаемся. Как раз заканчиваем работу на выходе гранитоидов. Наши курсанты уже упаковали все пробы и ждут, когда мы с Абакумовым закончим строчить в своих дневниках. Лёша сидит около меня в верхней части выхода. Светит солнце, безветрие, тепло, можно расслабиться. А Рома ходит внизу, у подножия

холмика, и собирает букетик полярных маков. Лёша некоторое время наблюдает за ним, потом громко спрашивает: «Ты что, экибану делаешь?». Рома поворачивается, смотрит на него и говорит историческую фразу:

- А зачем материться-то? Стыдно...

1986 г. Абакумов С.А. с сотрудниками в полевом лагере

Ящички

В тот сезон мы с Абакумовым работали на разных участках. В середине сезона нашу группу перебрасывали в другой район экспедиционным судном «Заря» (было такое на Шпицбергене). По дороге судно должно было подойти к лагерю Абакумова, забросить ему продукты и взять ящички для метеорологов. У этих ящичков – длинная история. Ещё на базе к нам пришли соседи с метеообсерватории и попросили набрать в поле хороших круглых камней для их новой сауны. Баренцбург, как известно, стоит на палеогеновых алевролитах и песчаниках, поэтому с валунами там проблема. Помочь им вызвался Абакумов, и они принесли ему ящички для упаковки этих камней. Это начало истории, а продолжение было следующим.

День клонился к вечеру. На море было заметное волнение. «Заря» стояла в паре километров от берега, а к лагерю пошёл катер, ведомый старпомом и несколькими молодыми матросами. Мы ждали их на палубе, рассматривая в бинокли неблизкий берег.

Когда катер подвалил к борту судна, то первое, что мы услышали, была длинная отборно-матерная тирада старпома, адресованная сразу всем и никому одновременно. Потом он потребовал к борту геологов принимать их такие-сякие ящички. Ближе всех оказались я и студент Саша, мой тёзка, повёрнутый на альпинизме. Мы перегнулись через борт судна, чтобы подхватить с катера ящички от Абакумова. Когда я увидел, как матросики из маленького трюма вытаскивают на палубу катера ящик, меня охватила дрожь. Это был не

ящик, а скорее контейнер для перевозки небольшого слонёнка. К тому же щедрый Сергей Александрович под завязку набил его крупной галькой кварцитов, и теперь четверо матросов, кряхтя и потя, подтаскивали его к борту. А когда я представил, как при сильном прибое они грузили ящик на катер, мне стала понятна необычная разговорчивость старпома. Мы с Сашей переглянулись; он тоже всё понял.

Молодые матросики пытались поднять ящик вверх, чтобы мы подхватили его за боковые ручки. Им это долго не удавалось. Тяжесть ящика усугублялось сильной волной: пока они тянули ящик вверх, катер вместе с волной уходил вниз, и всё приходилось начинать сначала под непрерывные комментарии старпома. Наблюдая сверху за ними, я со страхом думал о том, как мы вдвоём будем втягивать ящик через борт. Наконец волна, усилия ребят и наши вытянутые руки совпали по фазе, и мои пальцы впились в ребристую ручку ящика. В следующее мгновение катер провалился вниз, и мы почувствовали неземную тяжесть этого подарка. Сразу стало понятно, что вдвоём нам ящик не осилить. Оставалось только узнать, как долго мы продержим ящик навесу и полетит он вниз один или вместе с нами. Матросов внизу тоже, видимо, одолело сомнение в наших возможностях, поэтому они все одновременно сиганули с палубы и спрятались за рубкой. И в это время проревела очередная старпомовская речёвка, обращённая на этот раз к боцману: «Хватай этих ... за ... и тяни на палубу!». И в следующее мгновение нас схватили буквально за то, за что приказал схватить старпом, и рывком вместе с ящиком перекинули через борт.

Не успел я перевести дух, как с катера потребовали принимать второй ящик. Мы намекнули боцману насчёт палубной команды, но он очень убедительно нам доказал, что таких здоровущих мужиков, как мы, у него нет. Пришлось опять идти к борту. Второй ящик показался мне ещё более зловещим, но, как ни странно, дело пошло быстрее. То ли у матросов опыт появился, то ли старпом употребил наиболее доходчивые из своих выражений, но ящик был поднят с первого раза. Мы с Сашей подхватили его, а боцман со своими людьми уже втащили нас на палубу.

Я сидел на ящике и вытирал со лба испарину. Перед глазами всё плыло. Увидев улыбающегося боцмана, спросил его, почему не включили кран с лебёдкой. И услышал ответ, что из-за двух ящичков он не намерен технику туда-сюда гонять.

Ящичков... ? Это у вас на флоте ящички, а у нас в геологии и люди – во! Кремне-гранит! И щедрости непомерной! И ящички им под стать – неподъёмные!

Уроки русского языка

Было это в далеком 1951 году, когда я впервые после окончания Ленинградского Государственного Университета, поехала на геологическую съемку в Якутию. Главным геоморфологом экспедиции у нас был тогда *Сергей Феликсович Бискэ*, отличавшийся большим остроумием и «едкостью» языка.

По возвращении с полевых работ мне поручили писать в отчет физико-географический очерк и геоморфологию. Когда я в первый раз принесла Сергею Феликсовичу свой «труд», он спустя некоторое время вернул мне его со своими правками и комментариями, последние были сделаны красным карандашом на полях рукописи. Например, на мою фразу: «С точки зрения минерального состава пород...», Сергей Феликсович написал: «С точки зрения выбитого глаза», а на словах добавил: «Запомните, Римма, раз и навсегда, что точку зрения имеет только человек, а когда Вы встречаете такую фразу как: «С точки зрения экономического развития страны...», то это полнейшая безграмотность». Или на предложение: «Лагерь располагался в двух километрах вверх по течению реки...» он написал: «Разве можно так выражаться? Надо писать или вниз по реке, или вверх по реке, но не вверх по течению реки. Это полная безграмотность».

В главе «Геоморфология» я написала: «Истоки реки, судя по аэрофотоснимку, имеют форму развесистой кроны дерева». На это Сергей Феликсович отреагировал так: «Форму развесистой клюквы...». Я после этого взяла текст обратно и стала его переделывать, и раз за разом Сергей Феликсович правил его красным карандашом и при этом говорил: «Процент красного карандаша в Вашей рукописи прямо пропорционален покраснению Ваших щек». Когда же он прочел: «Отложения кембрия обнажены по берегам р. Котуй...», то сказал: «Запомните, Римма, что кембрий (или ордовик, или свита и т.д.) ничего не отлагал и так писать нельзя, а надо указывать, что раннекембрийские отложения обнажены... и т.д.».

При моем последнем визите к Сергею Феликсовичу он сказал: «Думаю то, что я Вам говорил, или делал заметки в Вашем тексте, Вам пригодится в дальнейшем. А вообще, я Вам советую почаще читать Тургенева – прекрасного знатока русского языка, а также писать письма для выработки своего стиля». Этому я и следую до сих пор и очень благодарна Сергею Феликсовичу за его уроки русского языка.

Моя рыбалка с Федором Григорьевичем Марковым и Николаем Николаевичем Урванцевым

Было это в далеких годах – 1957 и 1959. В 1957 году я впервые, после шестилетней работы в Якутии, приехала работать на Таймыр, где под руководством *Василия Петровича Орлова* проводила стратиграфические исследования докембрия и нижнего палеозоя. В середине сезона наш лагерь располагался на берегу реки Шренк, куда и прилетел на самолете АН-2 *Федор Григорьевич Марков* для проверки наших полевых материалов (раньше это практиковалось). К тому времени я уже была опытной рыбачкой, так как много ловила на спиннинг в сибирских реках. Мне хотелось угостить Федора Григорьевича свежешеловленным гольцом и я сказала: «Федор Григорьевич, я оставляю Вам свои пикетажки, Вы их посмотрите, если что-то будет непонятно, то спросите у Василия Петровича, который остается в лагере, а я пойду половлю рыбу». (АН-2 в это время полетел в другой лагерь, куда повез горючее для вездеходов). На это Федор Григорьевич сказал: «Я

тоже хочу половить и пойду с тобой, а по возвращении займусь материалами вашего отряда».

Оставив в лагере остальных сотрудников отряда, мы пошли к моему месту ловли, которое находилось в трех километрах выше по реке от лагеря – к перекату, под которым обычно рыба и ловилась. Пляжа там почти не было, а вокруг были скальные выходы рифейских доломитов. Я поймала 3 или 4 довольно крупных гольца и после этого Федор Григорьевич попросил у меня спиннинг и стал сам ловить. Гольцы были довольно крупные (по 3-4 кг) и для того, чтобы вытащить их на берег, нужна была определенная сноровка. Первые попытки Федора Григорьевича не увенчались успехом – рыбины срывались с крючка при вытаскивании их на берег. Надо сказать, что иногда меня на рыбалку сопровождал кто-нибудь из сотрудников отряда с малопулькой, и когда я подводила крупного гольца к берегу, мой сопровождающий стрелял, тем самым оглушая рыбину, и ее можно было спокойно вытаскивать на берег. Но в тот поход ружья у нас с собой не было и пришлось полагаться только на сноровку. Итак, после нескольких неудачных попыток, Федор Григорьевич стал более ловко вытаскивать гольцов на берег и вот тут-то его уже было не остановить – его охватил азарт. На мои попытки убедить его, что скоро должна вернуться «Аннушка» и что ему еще надо посмотреть наши материалы, он отмахивался, и окончилась наша рыбалка только тогда, когда мы услышали гул самолета. Мы быстро уложили рыбу в рюкзаки (часть пришлось оставить чайкам, которые летали над нами) и пошли в лагерь, придя в который стали все, кроме Федора Григорьевича, дружно разделять и жарить рыбу, а Василий Петрович быстро засолил икру. Тем и другим мы накормили Федора Григорьевича и экипаж самолета. На мой вопрос, а как же с просмотром наших материалов, Федор Григорьевич ответил: «Ну, я знаю, что вы с Василием Петровичем уже опытные исследователи (В.П. к тому времени уже проработал на Таймыре с *М.Н.Злобиным* 8 лет) и что материалы у вас хорошие, и я детально познакомлюсь с ними в Ленинграде во время приемки полевых материалов». Это он и выполнил, поставив нам оценку «отлично».

Вторая моя рыбалка была с *Николаем Николаевичем Урванцевым* в 1959 году на реке Нижняя Таймыра, вблизи пещер Миддендорфа, которые расположены к северу от озера Таймыр. В то лето Николай Николаевич прилетел на Таймыр, чтобы убедиться в существовании шарьяжа, о котором он писал ранее. Привез нас (Николая Николаевича и меня) *Юлиан Евгеньевич Погребицкий* на моторной лодке в лагерь *Валентина Ильича Бондарева*, который возглавлял партию, проводившую геологическую съемку в бассейне р. Нижняя Таймыра, к северу от озера Таймыр.

Убедившись в своей правоте, будучи в отряде Юлиана Евгеньевича, Николай Николаевич больше в маршруты не ходил, хотя и был к этому полностью экипирован. На брючном ремне в кожаных футлярах у него были следующие вещи: полевая книжка, горный компас, геологический молоток и бинокль. Я в маршруты в то время тоже не ходила, так как ждала переброски на другой участок и мы вдвоем днем коротали время. Как выяснилось, Николай Николаевич был большой любитель рыбной ловли, так что мы и занялись таковой. Так как вблизи лагеря, где мы стояли, вода была мутной и рыба на спиннинг не ловилась, то мы стали ловить ее сетью, которую нам предоставил Валентин Ильич вместе с резиновой лодкой. Я была подмастерьем – сидела на веслах, а Николай Николаевич ставил сеть. Сеть была длиной 20 метров, и когда Николай Николаевич заканчивал ее ставить, то уже пора было начинать вытаскивать рыбу – так много ее было.

После ловли я разделявала рыбу, варила на примусе «тройную» уху, жарила и даже делала заливное, пользуясь тем, что рыбы было в изобилии. Как оказалось, Николай Николаевич был не только большим любителем рыбной ловли, но и ее поедания. Накормив

его ухой, в перерывах между проверками сети, я спрашивала: «Николай Николаевич, а не поджарить ли рыбки?». На это он неизменно отвечал: «С большим удовольствием!». И так продолжалось весь день: то уха, то жареная рыба, то заливное. Практически больше ничего, кроме рыбы, Николай Николаевич не ел. Кстати, я знаю и второго такого же очень большого любителя поедания рыбы - *Николая Константиновича Шануренко*, в чем убедилась в 1975 году, когда он приехал к нам в отряд на р. Хутудабигай, где мы работали с *Эдуардом Михайловичем Красиковым*. В прошлом году на его 75-летие коллеги подарили ему свежую семгу весом около 5 кг, о чем он с удовольствием вспоминает до сих пор.

Между едой и проверкой сети Николай Николаевич читал книгу «12 стульев», которую он привез с собой. Иногда он целые страницы цитировал мне по памяти. Вспоминаю еще такой смешной случай. Николай Николаевич привез свои полевые вещи в порплед, который я (в шутку, конечно), называла порТпледом и всякий раз Николай Николаевич говорил: «Риммочка, не порТплед, а порплед». Вот таким мне помнится Николай Николаевич в его последний полевой сезон.

Уже в Ленинграде, в нашем институте, где Николай Николаевич сидел против нашей 43-ей комнаты, мы, как обычно, во время обеда пили чай, и первую чашку свежезаваренного чая всегда относили Николаю Николаевичу. Видимо, в благодарность за это, накануне Дня 8-е Марта он приносил нам – женщинам – бутылку хорошего вина и теплый пирог (обычно с рыбой), который пекла и привозила на своей машине Елизавета Ивановна – жена Николая Николаевича. Общение с Николаем Николаевичем всегда доставляло мне истинную радость, память об этом навсегда останется со мной.

Охота на гуся

Было это в далеком 1955 году. Я работала тогда с *Василием Яковлевичем Кабаньковым*. В отряд входили еще два сотрудника – коллектор *Борис Гаврилов* и радист *Алексей Малюков*. Нашим транспортом была моторная лодка, на которой мы спускались по реке Оленек, по берегам которой изучали кембрийские отложения. В середине сезона, когда гуси линяли, мы увидели, как стая их выбралась на берег реки и Василий Яковлевич вызвался поймать одного из них. Мы не возражали, решив, что это не займет у него много времени. Василий Яковлевич был тогда в прекрасной спортивной форме, и бег за гусем представлялся для него легкой разминкой. Итак, он побежал за гусем, а мы стали на костре готовить рядовой обед, предвкушая гусятину, которую надеялись приготовить вечером. Прошел час, потом второй, а Василия Яковлевича все не было, и мы стали беспокоиться – уж не случилось ли что-то непредвиденное.

Склоны долины были покрыты лесом, и мы, естественно, не могли видеть происходящего. Наконец, показался Василий Яковлевич, он был бледен, как полотно, держа под мышкой гуся, у которого голова болталась, как у мертвого. Когда Василий Яковлевич немного пришел в себя, то он нам поведал: « Я побежал за гусем, склон долины был пологий и я думал, что скоро его догоню. Но не тут-то было... Он бежал довольно быстро, помогая себе крыльями. Я выбился из сил, так как бежал-то вверх по склону! Гусь тоже стал терять силы и, когда я падал, он тоже ложился отдыхать, и так продолжалось довольно долго. Я уже решил бросить это занятие, но в последний момент гусь уже не смог подняться. И вот я взял его и теперь я перед вами». У нас быстро разгорался аппетит, и мы стали прикидывать и даже спорить, как бы получше приготовить гуся. Когда мы спросили Василия Яковлевича, об этом, то он, заметно смущаясь, сказал: «Давайте отпустим его, ведь он так боролся за свою жизнь!» Мы, скрепя сердце, согласились. Василий Яковлевич положил гуся на прибрежную гальку, он немного полежал, вытянув шею, а потом побрел от нас в лес. Вот так окончилась охота на линного гуся.

Надо сказать, что позднее, работая на Таймыре, где диких гусей было очень много, мы тоже пытались поймать их во время линьки, но все было безуспешно, и мы довольно быстро оставили эту затею. Догнать было невозможно не только взрослых гусей, но даже и подрастающих птенцов.

*Н.Н.Урванцев и
Р.Ф.Соболевская на берегу
р.Нижняя Таймыра, вблизи
пещер Миддендорфа.
Июль 1959 г.*

Таймырские вездеходы.
Слева – «вездеход»
Н.Н.Урванцева, справа –
современный (Центр.
Таймыр, лето 1978 г.)

Дорогой Рене Соболевской
от молодого (подобрю 1922 год)
человека Коли Урванцева
Н. Урванцев
23/х-78,
ЛМФ

Н.Н.Урванцев

Н.Н.Урванцев за рабочим столом

Н.Н.Урванцев с женой...

Диагноз – возрастное (или «как молоды мы были»)

Знакомо ли Вам щемящее чувство конца полевого сезона? Это раздвоенное состояние души, когда одна половина рвётся домой – к соблазнам большого города, любимым и близким людям, а другая не хочет расставаться с местами, по которым прошёл съёмочными маршрутами, где оставил частицу себя (нередко – в буквальном смысле), и куда, скорее всего, ты уже никогда не вернёшься. Вот именно последнее и заставляет с берущей за самые потроха ностальгией, с почти овеществлённой утратой навсегда потерянного, вспоминать ушедшее или уже уходящее, ускользающее бытие момента, бередит нутро, не даёт успокоиться в сумеречные осенние дни камералки на полевой базе. И ты долго ворочаешься в своём выдавшем виды спальнике на сколоченных из листвянки нарах, прежде чем тебе удастся заснуть. Забудутся тучи мошки, чавкающие мари, бесконечное множество речных перекатов, преодолеваемых в начале маршрута аккуратно – в болотниках с раскатанными голенищами, а к концу маршрутного дня – «на автомате», ограничиваясь лишь выливанием воды посредством поочередного задирания вверх ног вместе с надетыми на них сапогами. Растают в тумане воспоминаний подстерегающие за поворотами рек заломы, которые хорошо бы заметить раньше, прежде чем будет поздно выгрести к берегу на родимой трёхсотке. Большая вода, неожиданно скатившаяся с верховьев, где в горах прошли сильные ливни, заставляющая среди ночи перемещаться на «командную» высоту. Пот, застилающий глаза после нескольких перевалов с рюкзаком, в котором «всё своё ношу с собой», и наваливающаяся к концу многодневного маршрута опустошающая усталость. Зато в сухом остатке – друзья, с которыми можно в разведку (наверное, правильнее – геологоразведку), чувство хорошо сделанной работы и натренированность мышц, позволяющая к концу сезона проделывать маршруты любой сложности. И какой-то щенячий восторг от красоты гор и открывающейся с них твоему взору безбрежности тайги и где-то там далеко-далеко, у самой линии горизонта – еле видимой, или даже скорее угадываемой, тонкой полоски морского побережья. Сладкий вкус дыма от костерка на таборе и терпкость крепкого чая в помятой алюминиевой кружке. А иногда и чифира из чифирбачка, честно пущенного по кругу канавщиками. Ах, какие контакты (и не всегда – тектонические!) они тебе открывали, да еще и подметённые веничком из кедрового стланика перед сдачей. Залезай (бочком, бочком!) и документируй. Так, пачка глинистых пород на месте, песчаники здесь, а куда же делись известняки? Разбирайся, геолог, в хитросплетениях их взаимоотношений!

Будут, конечно будут, другие вершины, находки и открытия, но сюда, к этим обрывам на речке У., ты уже никогда не придёшь. Они останутся только в твоей памяти. И лишь в конце своего, теперь уже жизненного, сезона ты всё чаще в мыслях будешь возвращаться сюда. Вспоминать вкусные, хрустящие дальневосточные названия рек и речушек, падей и хребтов (Джагды, Шевли, Галам, Лагап, Урми, Джялми, Эльга, Амгунь, Баджал, Талиджак, Герби, Соджо, Куркальту). Корить себя, что не успел сделать «забегунчик» по ключику справа (с ласковым именем Хуженет, названным так твоими предшественниками). Вот на этом гольце тебя неожиданно и одномоментно застала зима, и ты, чуть не сорвавшись с вмиг обледенелой скалы, проклиная весь белый свет, чертыхаясь на погоду, на себя, на начальника, всё же отбил штуф кислой субвулканики и покрасневшими от холода руками внёс его номер в пикетажку. В этой яме в полнолуние ты «на мыша» вытащил пару ленков и таймешонка, а здесь на икромете, далеко за полночь, вместе с вышедшей к противоположному берегу реки медведицей с медвежатами, подбадривая себя восклицаниями ненормативной лексики, добывал пузатых, готовых отнереститься икрынок. И долго потом будут возвратившихся из маршрута ребят приглашать к столу – с «тазиком» красной икры на нём – фразой «поешь, может вырвет».

Вот с этого пупка, поросшего чахлой лиственницей, вдруг открылся нереально фантастический вид голубовато-сиреневого нагорья, простирающегося уже за рамкой листа. Его ещё только предстоит заходить в следующем сезоне. И маршруты твои и твоих товарищей приведут к открытию вулканокупольной структуры, перспективной в отношении оловорудной минерализации. Но это, как говорится, уже другая история.

Так знакомо ли Вам щемящее чувство конца полевого сезона?

Если да – «значит, мы одной крови». Двухсоттысячной группы, резус-фактор положительный.

Конец 70-х. Река Шевли, Хабаровский край.
Мы были молоды и жили в Советском Союзе.

СУПРУНЕНКО О.И.

На такси по Южной Норвегии

16-17 июня 2009 г. В Осло (Норвегия) должен был состояться очередной российско-норвежский семинар по научному сотрудничеству в изучении геологии, полезных ископаемых и экологии арктических морей. В связи с тяжелым финансовым положением ВНИИО, оплату гостиницы и транспортные расходы взяла на себя нефтяная компания StatoilHydro[‡], а заказом авиабилетов и гостиницы занялась моя давняя добрая знакомая *Антонина Васильевна Ступакова* – профессор геолфака МГУ и одновременно старший геолог представительства StatoilHydro.

Электронный авиабилет по маршруту Санкт-Петербург-Копенгаген-Осло-Копенгаген-Санкт-Петербург обошелся всего в 14965 руб. Из Петербурга в Копенгаген утром 15 июня летели вместе с доктором наук из ВСЕГЕИ *Т.Н.Корень* и ее молодым сотрудником *В.Васильевым*, тоже направлявшимися на семинар в Осло. Во время обеда в аэропорту Копенгагена я выяснил, что летим мы разными рейсами, причем рейс коллег из ВСЕГЕИ летит раньше моего. Для них это явилось неожиданностью, заставило скомкать трапезу, но позволило успеть на регистрацию. Оставшись один, я стал внимательно изучать свой билет и выяснил, что я лечу в Осло не в привычный аэропорт Гардермозн, а в какой-то Сандефьорд, где я не бывал ни разу. Ну, ладно, Сандефьорд так Сандефьорд, небось, что-нибудь типа нашей Ржевки, тем более Антонина Васильевна будет встречать. Прилетели. Аэропорт небольшой, я его быстро прошел насквозь, но Тони я не встретил. Звоню : «А.В., я здесь, а Вас что-то не вижу...» - «Ой, Олег Иванович, Вы ведь прибыли в другой аэропорт, а я Вас встречаю в Гардермозне... Берите такси, ехать около 2-х часов (!), я Вам оплачу...» Побродив по приаэропортовой площади и порасспросив местных жителей и таксистов, нашел микроавтобус-такси (на 13 мест) с водителем-пакистанцем *Ясиром Аббасом*, который согласился отвезти меня в Осло. Действительно, прекрасная, с множеством тоннелей, дорога до Осло заняла около 2-х часов и стоила около 3000 норвежских крон, которые у «Гранд-отеля» Антонина Васильевна выдала водителю, попутно договорившись, что он прибудет за мной в 3³⁰ 19 июня, чтобы доставить меня в аэропорт Осло-Сандефьорд на рейс в Копенгаген в 6²⁰. Все так и произошло. Обратная дорога по пустынному шоссе заняла чуть меньше времени, но стоила Антонине Васильевне (=StatoilHydro) 3100 норвежских крон.

Итого я проездил на такси 6100 крон. Курс норвежской кроны на 16.06.2009 г. составлял 4,8 рубля. $6100 \cdot 4,8 = 29280$ руб. при стоимости авиабилета в оба конца, напомним, 14965 руб. Хорошо, когда у тебя в друзьях есть StatoilHydro!

*9^й шлюз Беломоро-Балтийского канала
29.07.2009 г.*

[‡] Это был короткий период совместного существования двух крупнейших норвежских нефтяных компаний – Statoil и Norsk Hydro

ОФИЦИАЛЬНЫЕ КУРСЫ ВАЛЮТ К РУБЛЮ (ЦБ РФ)

		12.06.09	16.06.09
1 австралийский доллар	↑	24,9679	24,9799
1000 белорусских рублей	↑	10,9580	11,0400
10 датских крон	↓	58,1016	58,0510
1 доллар США	↑	30,9124	31,1548
1 евро	↓	43,3546	43,2958
100 казахстанских тенге	↑	20,5528	20,7470
1 канадский доллар	↓	27,9649	27,6735
10 китайских юаней — Жэньминьби	↑	45,2266	45,5500

		12.06.09	16.06.09
1 новая турецкая лира	↑	19,9783	20,1300
10 норвежских крон	↓	48,5441	48,4000
1 сингапурский доллар	↑	21,2720	21,3340
10 украинских гривен	↑	40,5941	40,8850
1 британский фунт стерлингов	↑	50,6098	50,8070
10 шведских крон	↓	40,1710	39,7930
1 швейцарский франк	↓	28,6173	28,5920
100 японских иен	↑	31,6288	31,7030

**Electronic Ticket
Passenger Itinerary Receipt**

Carlson Wagonlit Travel BTC2 Implant
Paveletskaya sq. 2/2
115054 Moscow
Telephone : 007 495 7257740
Fax : 007 495 7257739
E-Mail : btc2.moscow@carlsonwagonlit.ru

DATE 09JUNE09
BOOKING REF 2Z9486
SUPRUNENKO/OLEG MR

IATA : 92223375

Issuing Airline : 117 - SK - SCANDINAVIAN AIRLINES
Ticket Number : 4791227817
Form Of Identification : NONE

Booking Reference : Amadeus: 2Z9486 Airlines: SK/LY9TO

From/To	Flight	CL	Date	Dep	Fare Basis	BAG	ST
ST PETERSBURG RU PUL TERMINAL 2 COPENHAGEN DK COPENH TERMINAL 3	SK 737	T	16JUN	1425	TRURTM	20K	OK
Arrival Time:1425							
COPENHAGEN DK COPENH TERMINAL 3 OSLO NO SANDEFJORD	SK 3052	T	16JUN	1635	TRURTM	20K	OK
Flight operated by WF - WIDEROE Arrival Time:1755							
OSLO NO SANDEFJORD COPENHAGEN DK COPENH TERMINAL 3	SK 3169	U	19JUN	0620	URURTM	20K	OK
Flight operated by WF - WIDEROE Arrival Time:0735							
COPENHAGEN DK COPENH TERMINAL 3 ST PETERSBURG RU PUL TERMINAL 2	SK 736	U	19JUN	0935	URURTM	20K	OK
Arrival Time:1340							

AT CHECK-IN, PLEASE SHOW A PICTURE IDENTIFICATION AND THE DOCUMENT YOU GAVE FOR REFERENCE AT RESERVATION TIME

Endorsements : RESTRICTIONS APPLY PER FARECOMPONENT

Form of Payment : CASH

Fare Calculation : LED SK X/CPH SK OSL112.25SK X/CPH SK LED179.11NUC291.36END ROE0.792803

FARE F EUR 231.00
EQUIV RUB 10050 BSR 43.50
TOTAL TAX RUB 4915
TOTAL RUB 14965

NOTICE
CARRIAGE AND OTHER SERVICES PROVIDED BY THE CARRIER ARE SUBJECT TO CONDITIONS OF CARRIAGE, WHICH ARE HEREBY INCORPORATED BY REFERENCE. THESE CONDITIONS MAY BE OBTAINED FROM THE ISSUING CARRIER.

THE ITINERARY/RECEIPT CONSTITUTES THE 'PASSENGER TICKET' FOR THE PURPOSES OF ARTICLE 3 OF THE WARSAW CONVENTION, EXCEPT WHERE THE CARRIER DELIVERS TO THE PASSENGER ANOTHER DOCUMENT COMPLYING WITH THE REQUIREMENTS OF ARTICLE 3.

NOTICE
IF THE PASSENGER'S JOURNEY INVOLVES AN ULTIMATE DESTINATION OR STOP IN A COUNTRY OTHER THAN THE COUNTRY OF DEPARTURE THE WARSAW CONVENTION MAY BE APPLICABLE AND THE CONVENTION GOVERNS AND IN MOST CASES LIMITS THE LIABILITY OF CARRIERS FOR DEATH OR PERSONAL INJURY AND IN RESPECT OF LOSS OF OR DAMAGE TO BAGGAGE. SEE ALSO NOTICES HEADED 'ADVICE TO INTERNATIONAL PASSENGERS ON LIMITATION OF LIABILITY' AND 'NOTICE OF BAGGAGE LIABILITY LIMITATIONS'.

LØYVE NR: Z425
 REG.NR : I Y66405
 ORG.NR M0992316829MVA
 SJAFØR : 770425
 DATO : 19.06.2009
 KL START: 03:02
 KL SLUTT: 04:46

FRA: _____

TIL: _____

TOTAL KR: 3100,00
 INKL. MVA -----

HERAV MVA 8% KR: 0,07

HERAV KR: 3099,00

TOTAL KM: 134,3

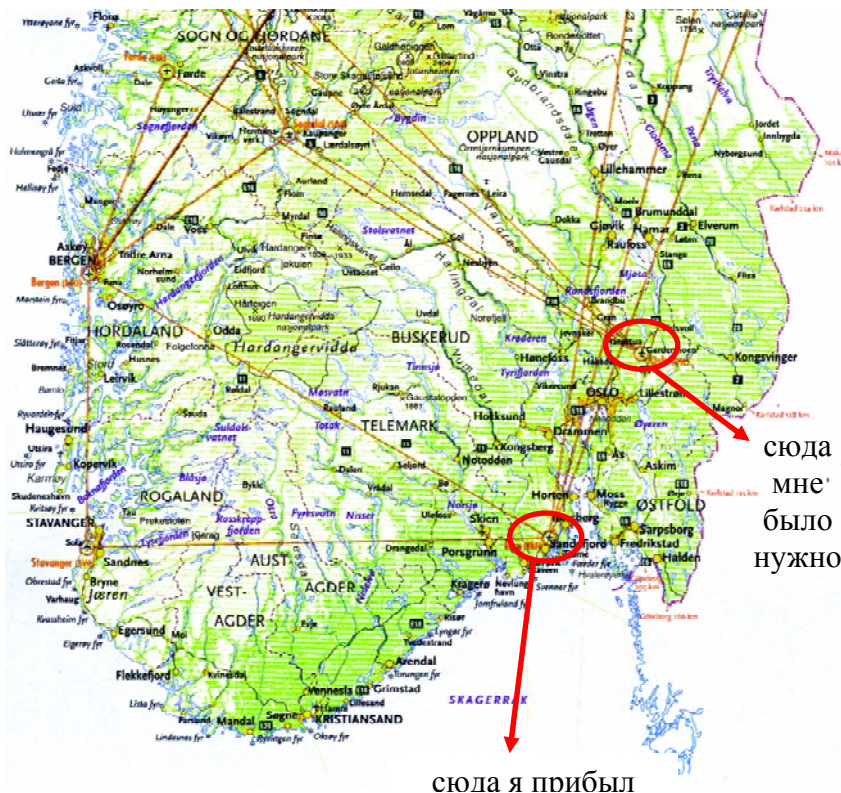
KVITT. NR: 856

PRIS-SPEKIFIKASJON:

STARTPRIS	KR:	1,00
VENT (6M)	KR:	0,00
TIME (6M)	KR:	0,00
KM	KR:	0,00

TAKST	KM	KR
NA FR 1	134,2	1,00

Takk for at du valgte
 VESTFOLD TAXI

О рангах и категориях в геологии

Сегодня уже немногие помнят, что еще в 50-е годы прошлого столетия геологи носили форму, им присваивались ранги, а наиболее выдающиеся из них, в основном, директора геологических управлений, главков и крупных НИИ, имели генеральский чин («генерал-директор»). За давностью лет трудно судить, какое влияние всё это оказывало на геологоразведочный процесс, но, судя по успехам геологии в тот и наследующий его периоды, отрицательно на работе это не сказывалось. Возможно, эффект был и положительный...

Учитывая изложенное и в связи с появлением с 2003 года во ВНИИОкеангеологии многочисленных заместителей директора по научной работе, возникла мысль на объективной основе провести разделение всех замов по категориям. После долгих раздумий, отказов от, казалось бы, идеальных показателей для сравнений, удалось составить краткий, но достаточно ёмкий перечень критериев, не допускающих различного истолкования. Вот он:

1. Рабочее место на Английском проспекте, 1.
2. Возможность посещать директорский буфет и пользоваться помощью секретаря.
3. Постоянное участие в оперативных совещаниях у директора.
4. Рабочий кабинет с евроремонтом.
5. Право подписи финансовых документов.
6. Длительные и/или частые зарубежные командировки.
7. Наличие автомобиля: а) представительского класса с водителем;
б) просто наличие автомобиля.

Каждый критерий дает обладателю 1 балл, а показатель 7а, ввиду его особой значимости, оценивается в 2 балла. Результаты ранжировки приведены в таблице:

Таблица ранжировки зам. директоров ВНИИОкеангеологии по объективным критериям

№ п/п	Ф.И.О.	Сфера ответственности	Критерии								Всего баллов	Категория
			1	2	3	4	5	6	7а	7б		
1	Овсянников А.Е.	Создание комплексной системы безопасности при морских ГРП	+	+	+	+	-	-	++	-	6	II
2	Посёлов В.А.	Морские геофизические исследования	-	-	-	+	-	+	-	+	3	III
3	Смирнов А.Н.	ТПИ шельфа	+	+	+	+	+	+	-	-	6	II
4	Супруненко О.И.	Нефть и газ шельфа	-	-	-	-	-	-	-	-	0	IV
5	Черкашёв Г.А.	ТПИ Мирового океана	+	+	+	+	+	+	-	+	7	I

Как мы видим, предложенный набор критериев, помимо объективности, обладает и достаточно хорошей дифференцирующей способностью, позволяет бескомпромиссно оценить собственные достижения, сбить неумеренную самооценку. Конечно, как и многие другие классификации, наша вводит какие-то искусственные границы в единый коллектив замов ВНИИО. Скорее всего, возможно и определенное совершенствование предложенного подхода. Главное – многочисленная команда замов должна работать не хуже, чем единственный многолетний научный заместитель И.С.Граumberга *Владимир Леонидович Иванов*.

*9^й шлюз Беломоро-Балтийского канала
29.07.2009 г.*

УСТРИЦКИЙ В.И.

Дороги военных лет

Дорога в блокаду

Июнь 1941 г. Я – коллектор геологической партии Нефтяного института на западном склоне Урала, куда поехал после окончания первого курса Горного института.

Известие о начале войны на наших планах никак не отразилось. Была полная уверенность, что к 1 сентября, т.е. к началу учебного года война кончится. Печальные сводки с фронта настораживали, но уверенность в том, что с 1 сентября занятия в институте начнутся, никуда не девалась. 27 августа получаем ещё с одним коллектором-ленинградцем расчет, справки о работе и направляемся на вокзал в городе Кунгуре. И тут нам сообщают, что поезда на Ленинград отменены; почему – неизвестно.

На вокзале встречаем группу таких же студентов, ленинградцев и москвичей, возвращающихся с летних каникул в свои институты. После короткого совещания студентов-ленинградцев решаем добираться на перекладных. Берем билеты до ст. Буй, а там близко до Вологды, а там на поезд Архангельск-Ленинград – и мы дома!

Билеты – свободно, влезает в вагон поезда, идущего на Москву, и едем до Буя. Ура!!

Стоит жара, в поезде духота. В Перми выхожу на перрон подышать (поезд здесь по расписанию стоит почти час) и вижу людей, несущих мороженое. Выясняю, что продают на площади у вокзала. Бегу туда, покупаю мороженое на всю студенческую компанию, выхожу на перрон – моего поезда нет. На пустом перроне только девушка с зеленым флажком – явно дежурный по станции.

Короткий диалог:

- А куда перевели московский поезд ?
- Никуда не перевели, он ушел на Москву.
- Как? Он же по расписанию час стоит !
- А он опаздывал и стоянку сократили.

Вместе с девушкой съедаем все мороженое и обсуждаем ситуацию. То ли мороженое было очень вкусным, то ли я произвел впечатление, но девушка-дежурный обещает посадить меня на поезд Свердловск-Москва, который будет через полчаса. Приходит поезд, девушка беседует с проводником, и я – в вагоне. (Ни билета, ни документов, ни денег никто не спрашивает).

Прибываем в Буй. Вылезаю и нос к носу сталкиваюсь со всей нашей студенческой компанией, влезавшей в поезд, из которого я вылезаю (один из них несет мой рюкзак).

- Куда вы ?

- Понимаешь, поезда на Вологду не ходят, но железнодорожники посоветовали доехать до Данилова, а там на поезде Москва-Архангельск до Вологды.

Вся компания (а нас собралось уже человек двенадцать ленинградцев) влезает в вагон. Ни билетов, ни документов никто не спрашивает, пропуском служат студенческие билеты ленинградских вузов, о деньгах и речи нет. То же происходит и в Данилове, где мы не пробыли и часа, как оказались в поезде Москва-Архангельск. От Данилова до Вологды путь недалекий, и к вечеру 28 августа мы уже в Вологде.

И вот тут-то выясняется, что поездов на Ленинград нет и не будет. У железнодорожников узнаем, что иногда идут воинские эшелоны. Бежим к военному коменданту, выяснять, не возьмут ли нас на какой-нибудь воинский эшелон.

То, что нам сказал комендант, дословно привести не могу, но вылетели мы от него через две минуты после того, как вошли. В смятении стоим у двери, размышляя, что же делать. Мимо нас к коменданту заходит какой-то командир и сквозь приоткрытую дверь мы слышим разговор:

- Возвращаюсь из госпиталя в свою часть в Ленинград. Как туда добраться ?

- На седьмом пути стоит эшелон. Ночью в него будет грузиться воинская часть, направляющаяся в Ленинград. Договоритесь с начальником эшелона.

Получаем информацию к размышлению. Если его возьмут, может, и нас тоже! Расспрашиваем железнодорожников, где седьмой путь. Находим. Стоит пустой эшелон, состоящий из товарных вагонов. В теплушках двухярусные нары, на них – солома. После длительного обсуждения, компания разделяется. Часть ребят, не ленинградцев, считает, что с них приключений хватит и надо возвращаться по домам. Пять человек, и я в том числе, залезаем в вагон и устраиваемся на нарах. Остающиеся закрывают дверь и кто-то, шутки ради, завязывает болтающуюся на двери пломбу. Намаявшись в непростой дороге, засыпаем моментально. Сквозь сон ночью слышим какой-то гвалт и шум, потом все стихает и поезд трогается. Куда-то едем, хорошо бы в Ленинград, а не в Москву.

На рассвете просыпаюсь. Смотрю в щель и вижу знакомые названия станций. Ура, в Ленинград едем! Даже не едем, а летим без остановок! Наконец, где-то на небольшой станции останавливаемся. Мы по необходимости вылезаем и сразу натываемся на начальника эшелона.

- А вы откуда ?

- Вот из этого вагона.

- Я то думаю, какая мне в середине состава запломбированный вагон подсунула! Документы!!

Посмотрел на наши студенческие билеты и, видимо, до него дошел юмор происходящего.

- Ну, ладно, черт с вами, поезжайте. Только уж больно Вы роскошно живете, я к Вам кого-нибудь подселю.

Действительно, в Тихвине, где стоим долго, к нам подсели два политрука, лечившиеся в госпитале и возвращающиеся в свои части. После Тихвина снова летим без остановок. Внезапно, поезд резко тормозит и останавливается прямо на перегоне. В наступившей тишине один из политруков прислушивается и вдруг говорит: «„Юнкерс” летит!» Слова встречаются дружным смехом (Ленинград же близко, какой тут может быть „Юнкерс”). Смех прерывается свистом бомб и грохотом близких разрывов. Выскакиваем из вагона и видим низко летящий самолет. Хорошо видны кресты на крыльях. Бомбы в эшелон не попали, самолет улетел, команда «По вагонам!» и мы мчимся дальше, но настроение заметно падает.

Улучшается оно лишь после того, как проезжаем мост через Волхов («Ну, теперь-то уже дома»). Уже в сумерках вползаем на станцию Назия и останавливаемся. На соседнем пути стоит санитарный поезд из Ленинграда. Один вагон разбит и догорает. По станции бродят раненые в одном белье. Раздаем все теплое, что у нас было, и ждем. Чего ждем ? Наступает ночь. Ребята спят в теплушке, а я брожу по станции. В наступившей темноте в

направлении следующей станции Мга над лесом разгорается зарево. Внезапно раздается крик: «По вагонам! Поезд идет на Волховстрой!» Не успеваю добежать до своей теплушки, поезд трогается и уходит, увозя и мой тощий рюкзачок. Несколько раньше ушел санитарный поезд, и я остаюсь один в кромешной тьме. Вскоре слышу громкие голоса и на полотне железной дороги со стороны Мги появляются толпы людей. Узнаю, что немцы взяли Мгу и, следовательно, прямого пути на Ленинград нет.

Вспоминаю, что севернее железной дороги Ленинград-Волховстрой есть шоссе. Нахожу дорожку, идущую из Назии на север, и к утру выхожу на него. По шоссе от Ленинграда к Волхову сплошным потоком идут машины, повозки, пешеходы, разрозненные группы красноармейцев; в сторону Ленинграда иду я один. К полудню встречный поток становится все реже и, наконец, он совсем иссякает и я иду по пустому шоссе. К вечеру силы кончаются и я уже не иду, а бреду. Неожиданно вижу машину – полуторку, стоящую радиатором к Ленинграду. Шофер просит помочь что-то поднять, часок возится с машиной, наконец, она заводится и мы едем. Едем!!

Выезжаем на берег Невы, рядом громада пятой ТЭЦ, наконец-то я дома!!!

Внезапно на дороге появляется какой-то начальник с наганом в руке.

- Куда вас черт несет ?
- Как куда ? В Ленинград!
- Какой ... Ленинград!! В Ивановском немцы!!

Лишь недавно я узнал, что именно в этот день, 30 августа, немцы вышли к Неве, захватив без боя Ивановское и Отрадное. Тогда-то я думал, что это обычная паника, но говорить это человеку с наганом поостерегся.

Стою на берегу, соображаю, что же делать, и вдруг вижу огромную надпись «Лодочная станция». Бегу туда, спрашиваю лодочника (станция работает !) перевезти на правый берег Невы. Когда нас набралось человек пять, лодочник сжалился и за очень скромную плату перевез прямо к станции «Невская Дубровка». На станции работал буфет. Я впервые за сутки поел, дождался подошедшего точно по расписанию поезда и прибыл в город Ленинград, в свой родной дом.

Первого сентября, в 9 часов утра, как и полагается, я явился в Горный институт и узнал, что совсем недавно батальон, сформированный из студентов Горного института, отправлен на Лужский рубеж. Больше я почти никого из своих довоенных друзей не встречал. Началась блокада.

Но это уже совсем другая история.

Дорога домой

Апрель 1944 г. После годичного (!) пребывания в разных госпиталях, наконец, меня выписывают и отправляют домой, в Ленинград. За две недели до этого была последняя операция на ноге, где после обморожения нет пальцев. Хожу еще неважно, но уж до дома-то доберусь!

На станции Щучинск меня буквально втискивают в переполненный поезд Караганда-Челябинск. Оглядываюсь. Поезд типа современных электричек без верхних полок набит битком – все, кто был в начале войны эвакуирован на восток, возвращаются на запад, домой. Людями и вещами забиты все проходы; не то что лечь, сесть негде ! Обнаруживаю кусочек свободного места на полу под нижней полкой. Залезаю туда, расстилаю шинель, тощий рюкзачишко под голову. Не очень комфортно, но можно ехать.

Утром прибываем в Челябинск. Вокзал и платформы забиты людьми, пробирающимися на запад. Есть и такие же, как я, в шинелях, явно из госпиталей.

Спрашиваю одного из них:

- Давно здесь сидишь ?

- Третий день. Вот военный комендант дал талон на завтра.

Перспектива не веселая. В этот момент слышу объявление: «До отхода поезда Челябинск-Москва осталось десять минут. Поезд находится на третьей платформе». Спрашиваю, где это третья платформа. Выясняется, что мы находимся на второй, третья рядом. Поезд стоит между нами, посадка с другой стороны. В раздумье бреду вдоль поезда и вдруг вижу – в туалете одного из вагонов нет стекла. Обращаюсь к соседям: «Ребята, помогите, подсадите!» Ребята помогают, и я в туалете поезда Челябинск-Москва!

Через пять минут, строго по расписанию поезд трогается. Благодать-то какая – у меня даже персональное место для сидения! Однако проходит час, за ним другой, а в тамбуре никакого движения не заметно; тамбур явно не рабочий. Наконец, слышу какое-то движение, стучу, кричу. Дверь открывается, передо мной два товарища в штатском, но явно с военной выправкой. Проверяют документы и, не задав ни одного вопроса (и так все ясно!), уходят в следующий вагон. В моем распоряжении не только туалет, но и тамбур!

Стучу в дверь вагона, но открывать никто не собирается. А прохладно, на склонах Уральских гор еще кое-где лежит снежок. Постукивая зубами от холода, заворачиваюсь в шинель и укладываюсь на пол.

Часа через два из соседнего вагона открывается дверь и появляются уже знакомые мне двое.

- Ты все еще здесь ?

- А где же мне быть. В вагон же не пускают.

Открывают дверь: «Заходи». Проводнику: «Этого парня не тронь, пусть едет!»

- Да у меня же мест нет!

- Он себе место найдет!

Осматриваюсь. Плацкартный вагон, с постелями на полках. Пройдя по вагону, обнаруживаю свободную от вещей третью полку, залезаю туда, вытягиваюсь. Тепло, благодать! На остановках не рискую выходить даже получить продукты по аттестату. (Кто теперь знает, что это такое ?), а вдруг не пустят обратно в вагон ! Соседи, понимая ситуацию, подкармливают, кто чем может, и до Москвы добираюсь без приключений.

На вокзале по аттестату получаю продукты, впервые за три дня наедаюсь досыта, сбриваю трехдневную щетину и иду к военному коменданту оформлять билет до Ленинграда. И тут только узнаю, что въезд в Ленинград возможен только по вызову, а у меня его, естественно, нет. Спрашиваю, можно ли в Новгородскую область, где живет мой дедушка. Можно! Но поезда Москва-Ленинград на нужной мне станции Лыкошино не останавливаются. Доезжаю до Бологое и снова к военному коменданту.

Тот уговаривает машиниста товарного поезда взять меня на паровоз и у Лыкошина замедлить ход, чтобы я мог соскочить. Вечером я в Лыкошине. До родной деревни 16 километров, но не ждать же до утра! Иду (вернее, шлепаю по грязи) всю ночь, по пути обгоняя застрявшие в грязи 2-3 машины, и на рассвете 1 мая я в родном доме.

За лето мне оформляют вызов в Ленинград и 1 сентября являюсь на занятия в родной Горный институт, к этому времени вернувшийся из эвакуации в Черемхово. Встречаю трех

девушек, с которыми вместе до войны учились на первом курсе, и ни одного из ребят. Никто из них не вернулся и позже.

Горный институт

1946 г. Кончаем второй курс Горного института, впереди лето и первая геологическая практика. Довольно много предложений поехать коллектором в разные концы СССР. Неожиданно нас, четверых друзей, вызывают в деканат и предлагают всем вместе поехать в северную Карелию на поиски слюдоносных жил прорабами, т.е. почти самостоятельными геологами. Четверо – *Игорь Грамберг* (впоследствии академик, директор НИИГА – Океангеологии), *Петя Строна* (впоследствии зав. кафедрой полезных ископаемых Горного института), *Володя Доливо-Добровольский* (будущий зав. кафедрой петрографии того же института) и я. Естественно, возражений не последовало. Условие – сдать всю сессию досрочно - нас не очень смущало, и мы его выполнили, хотя и не без приключений.

Предпоследним я сдавал палеонтологию, которую читал *В.И.Бодылевский*. Прихожу один. В.И. раскладывает передо мной штук 25 разных ископаемых ракушек и занимается своими делами. Довольно быстро определяю штук 20. После некоторого раздумья определяю остальные, кроме одной, совершенно мне непонятной. Демонстративно прикрываю ее локтем и докладываю, что готов отвечать. В.И. одобрительно кивает головой, пару раз замечая: «Ну это не совсем то, но очень близко. Ну, а что под локтем?» Отвечаю: «Не знаю, В.И., может быть какая-нибудь строматопора?» Выражение лица В.И. меняется, удовлетворение явно сменяется неудовольствием. «Строматопо-о-о-ра» - тянет он, «Уж лучше бы сказал, что не знаю, а то строматопо-о-ра. Я уже собирался пятерку ставить, а теперь что ставить?»

В этот момент открывается дверь и входит зав.кафедрой академик *Д.В.Наливкин*.
Диалог:

Д.В. – Чем занимаетесь, Виталий Иванович ?

В.И. – Да вот экзаменую студента. Пришел досрочно, видимо хочет пятерку, да не тянет.

Д.В. – А на чем сел-то?

Я – Да вот, Дмитрий Васильевич, что это такое ?

Д.В. – Надо же, дрянь какая. Наверное, какая-нибудь строматопора.

Я – Вот, Дмитрий Васильевич, и я то же самое сказал.

Д.В. – Виталий Иванович, а что же это такое?

В.И. – Это диктионема баварикус, мне из Германии прислал знакомый палеонтолог.

Д.В. – Ну, Виталий Иванович, пятьдесят лет палеонтологией занимаюсь, а такой диктионемы не видал!

Я – Ну вот, Виталий Иванович, Дмитрий Васильевич и тот не знает!

Д.В. – Что Дмитрий Васильевич! Академик это и знать не обязан, это студент на экзамене знать должен!

Смущенно улыбаясь, Д.В. удаляется в свой кабинет. В.И. перелистывает мою зачетку, задумчиво смотрит на пятерки за все предыдущие экзамены и произносит: «Вот что. Я сейчас ничего ставить не буду, придете ко мне послезавтра». Прихожу послезавтра. В.И. дает мне пяток самых простых ракушек и ставит пятерку.

После этого В.И. при встрече со мной года три неизменно смущенно улыбался, явно вспоминая описанный экзамен.

1947 год, третий курс Горного института. Сдаем физико-химические основы петрологии члену-корреспонденту АН СССР *В.А.Николаеву*. Одной из первых садится отвечать *Лена Лобанова* (впоследствии *Владимирская* – профессор кафедры исторической геологии). Отвечает, как обычно, великолепно. В.А. открывает зачетку и ... достает оттуда довольно крупную купюру – «зачачку» из недавно полученной стипендии. Держа ее за уголок, показывает всей аудитории и, широко улыбаясь, говорит: «А это уже совершенно лишнее, пятерку я и так поставлю». Общий хохот. (В те годы о взятках в институте мы не слышали).

На третьем курсе приходим вдвоем, предварительно договорившись с преподавателем, досрочно (надо ехать в экспедицию) сдавать теоретическую механику. Преподаватель славился на весь институт своими чудачествами. Преподавателя нет; ассистент передает нам его извинения и предлагает прийти через три дня.

Приходим и слышим: «У меня уж очень плохое настроение, я бы не советовал сегодня сдавать экзамен». Я благоразумно ретировался, а приятель попросил экзамен у него принять («надо же в экспедицию ехать»). Ответ: «Хорошо. Вот вам задача. Можете пользоваться учебником и советоваться с кем найдете нужным. Я буду через сорок минут». Естественно, задачу решить не удалось. Реакция преподавателя: «Ну вот, видите, я же говорил, что сегодня мне лучше экзамен не сдавать. Будем считать, что мы сегодня не встречались, ничего ставить не буду, приходите вместе с группой».

Мне оставалось сдать этот последний экзамен, а для группы, к счастью, он был первым. Прихожу вместе с группой на консультацию накануне экзамена. Консультация уже идет полчаса, как вдруг следует неожиданный вопрос: «Устрицкий, а вы зачем собственно пришли?» Изумленно отвечаю, что пришел готовиться к экзамену вместе с группой.

Консультация продолжается еще полчаса и снова неожиданный вопрос: «Устрицкий, а вам что, пятерка нужна?» Естественный ответ, что очень хотелось бы ее получить.

Консультация продолжается еще с полчаса и следует совсем уж неожиданное: «Устрицкий, давайте вашу зачетку, я вам пятерку поставлю! Староста, не забудьте его включить в общий список». Не очень понимая происходящее, протягиваю зачетку, не без удивления смотрю на пятерку в ней, благодарю и удаляюсь. После моего ухода, видя изумление и открытые рты всей группы, преподаватель произносит: «Ну что вы смотрите на меня, как некоторые животные на новые ворота! Я знаю, что Устрицкий не дурак и если идет третий раз сдавать экзамен, то должен же он знать предмет на пятерку!»

1949 г. Защищаем дипломы. Отзыв пишет член-корреспондент АН СССР *И.И.Горский*. Отзыв прекрасный; как и полагается, есть три-четыре замечания.

В день защиты в состав комиссии входит большинство зав. кафедрами. Докладываю, отвечаю на немногочисленные вопросы, зачитывают отзыв. Традиционно спрашивают, буду ли я отвечать. Столь же традиционно отвечаю, что с замечаниями согласен, кроме одного.

«*И.И.Горский* пишет, что я ошибочно считаю салаирскую складчатость не самостоятельной, а лишь фазой каледонской. Как Вы понимаете, у студента по этому глобальному вопросу своего мнения нет, поэтому я писал так, как нас учил *Д.В.Наливкин*.

Если И.И. не согласен с Д.В., то этот вопрос им следует согласовать между собой». (Очевидный подтекст: И.И. – член-корреспондент, а Д.В. - академик).

Комиссия, до этого привычно дремавшая, оживилась. Кто-то закрылся газетой, кто-то полез под стол поправлять шнурки у ботинка, кто-то смеялся совершенно открыто. Но откровенно открыто хохотал сам *И.И.Горский*. Пятерку поставили единогласно.

Полярная авиация

Далекий 1949 г. Закончили с *Е.Я.Радиным* полевой сезон на Пай-Хое. На оленьих упряжках, честно служивших нам весь сезон, прибыли в Усть-Кару, где есть аэропорт, и ждем самолета, который должен вывезти нас на базу экспедиции в Воркуту. Живем, т.е. ночуем на чердаке дома, а днем камералим в комнате, угощаясь печеным в русской печи знаменитым карским омулем.

Как-то приходит наша хозяйка и говорит, что скоро на Карскую губу должен сесть гидросамолет знаменитейшего Черевичного – лучшего летчика полярной авиации. Он везет в Москву по срочному вызову грозного Берия генерала Бравича. С большим интересом наблюдаем великолепную посадку на воду огромного, с высоко поднятым хвостом гидросамолета «Каталина» и возвращаемся к камералке.

Через некоторое время дверь открывается и на пороге появляется обросший щетиной, в грязной полевой куртке главный геолог Таймырской экспедиции *Михаил Григорьевич Равич* – будущий зам. директора. Оказывается, экспедиция на Таймыре нашла месторождение урана, о чем Равич и сообщил немедленно в институт. Это было время, когда в СССР создавалась первая атомная бомба. Руководил этим непосредственно Л.П.Берия. Урана было мало, и хватались немедленно за любые находки радиоактивных проявлений. В связи с этим за *М.Г.Равичем* из Москвы и был прислан специальный самолет.

Уже на следующий год на месторождении появился лагерь с заключенными из Норильска и была организована разведка, которая быстро установила, что ничего путного из месторождения не получится.

1958 г. Лечу из Хатанги в Ленинград на московском самолете; в Архангельске – пересадка. Маленький аэродром тогда еще был расположен на острове посреди города.

Подхожу к окошечку диспетчера, спрашиваю: «Когда будет самолет на Ленинград»? В ответ слышу неожиданное: «Где тебя черти носят! Бежим скорее, самолет уже на взлете!»

Выскакиваем на взлетную полосу и видим ЛИ-2 с заведенными моторами, готовый к взлету. Диспетчер скрещивает над головой руки («Взлет запрещаю»), бежим к самолету. Дверь открывается, меня вталкивают в самолет и он немедленно взлетает. Оглядываюсь. Самолет грузовой, без сидений, с каким-то грузом; пассажиров нет, я один.

Садимся в Петрозаводске. Пилот, проходя мимо, бросает: «Никуда не уходи. Сейчас заправимся и полетим». Через 20 минут взлетаем и через два часа садимся в Пулкове. Никаких вопросов от пилотов не последовало. До сих пор не знаю, за кого меня приняли.

1970 г. Северо-Восток СССР. Закончили сезон в небольшом поселке, надо выбираться в Магадан, но регулярных рейсов нет, нужно заказывать спецрейс АН-2.

Пытаюсь это сделать по радиации, но слышу только обещания прислать «когда-нибудь».

Палатка стоит у края взлетной полосы. Неожиданно на площадку садится АН-2. Радуюсь, но, оказывается зря. Самолет прилетел не за мной, а за золотом, которое доставили с ближайших приисков, где площадок для самолетов нет, и везут в Магадан. Иду к пилоту, спрашиваю, не возьмет ли хоть одного человека. В ответ слышу категорическое: «Нет. Инструкция запрещает брать на борт рейса с золотом пассажиров». Грустный возвращаюсь в свою палатку и наблюдаю, как самолет разворачивается на взлет.

Неожиданно самолет останавливается прямо у палатки, рев мотора смолкает и в окошечко пилот кричит: «Даю десять минут на сборы! Успеешь?» Конечно, успеваю и через десять минут мы в воздухе, а через два часа – в Магадане. После посадки получаю инструкцию: «Не треплись, что мы тебя привезли». Удастся быстро договориться о спецрейсе и уже на следующий день весь отряд в сборе и готов лететь в Ленинград.

1967 г. Летим с *И.С.Грамбергом* на ЛИ-2 на полевые работы на Таймыр. Позади Архангельск, Амдерма, следующая - Диксон. Неожиданно вместо Диксона садимся на мысе Каменном – запасном аэродроме на берегу Обской губы. Два двухэтажных домика и несколько одноэтажных – вот и весь поселок. Будем сидеть и ждать, когда откроется Диксон, закрытый из-за пурги.

А у нас яркое солнце, температура +20°C и даже не верится, что на Диксоне – пурга.

В ожидании бродим по берегу Обской губы и натываемся на небольшой неводок, валяющийся на песке, и лодку. Спрашиваю у проходящего мимо аборигена, нельзя ли завести тоню-другую. Ответ: «Умеешь, так заводи». Заводим дважды неводок... и глазам своим не верим: у нас полпуда рыбы! Да еще какой! Штук пять небольших стерлядок, два здоровых не то сига, не то омуля и т.п.

Несем на аэропортовскую кухню. Принимают с удовольствием, обещают сварить уху на всех пассажиров и экипаж самолета. В предвкушении удовольствия ждем обеда. Внезапно из репродуктора на весь аэропорт разносится: «Внимание, внимание! Открылся Диксон! Пассажирам срочно в самолет!» Бежим к самолету и взлетаем немедленно.

При воспоминании о несостоявшейся ухе до сих пор слюнки текут. Ведь стерляди с тех пор я так и не пробовал!

В первые послевоенные годы основным средством для заброски геологов в отдаленные регионы работ в Арктике были самолеты ПО-2, а затем АН-2. Полярная авиация в те годы была укомплектована, в основном, опытными летчиками, прошедшими войну и дело свое знавшими великолепно. Как правило, они имели право с воздуха подбирать подходящие для посадки площадки, обычно косы на реках или речные террасы.

Так было и в 1968 г. Очередной АН-2 взял на борт наш отряд (5 человек) со всем скарбом на базе на Таймырском озере и повез в район работ в 100-120 км западнее. Пометив на карте штурмана желательный район, я спокойно сидел в ожидании посадки, как вдруг меня позвали в кабину пилотов.

- Понимаешь, недавно прошли дожди и косы залиты. Хочешь, я тебя высажу на плоской вершине сопки, прямо в центре твоего региона ?

Я, конечно, захотел. Сели, основательно попрыгав по камням и ухабам. Вылез пилот из самолета, ахнул, посмотрев на торчащие повсюду острые камни, и сказал, что второй раз он сюда не сядет ни за какие деньги; лишь бы благополучно без груза взлететь. Договорились, что взлетит, подберет поблизости подходящую косу и сбросит нам вымпел с указанием, куда нам тащиться. Вымпел был сброшен; коса оказалась километрах в четырех от нашей горки. Три дня ушло на перетаскивание туда всего нашего хозяйства, включая бочонок с керосином для примусов (тундра, нет даже кустиков).

Дней за 10 сделали все, что было нужно: описали разрезы, отобрали образцы и дали на базу радиограмму: «Ждем самолет для переброски в следующий регион». (Это был первый год, когда в отряде появились радист и рация – чудище килограммов 40 весом).

Однако, погода испортилась совсем. Облака закрыли даже невысокие вершины горушек, да еще задул сильнейший ветер поперек нашей косы. Сообщив на базу, что погода нелетная, занялись привычным делом – ловлей хариусов. Речушка маленькая, вылезает на пережат, где воды ниже колена, и с руки спускаешь по течению тончайшую, 0,15 мм жилку с самым маленьким крючком. Насадка – два или три комара, которых снимаешь с собственной одежды. Часок – и у тебя штук 20 рыбин.

Это приятнейшее занятие было прервано звуком летящего самолета – уже знакомый нам АН-2 заходил на посадку на нашу косу. Выскакиваю на косу и, скрестив руки над головой (жест, понятный всем), показываю: «Садиться нельзя!» Самолет пронесется надо мной на высоте метров трех, и я успеваю разглядеть в окне кабины пилота здоровенный кулак. Ухожу с косы. Самолет идет на посадку. У начала косы порыв ветра бросает его вниз, он с высоты 2-3 метров падает, ударяется о песок, делает скачок вверх, пролетает еще метров 50 и лишь в конце косы останавливается («дает козла», на языке летчиков). Пилот вылезает из кабины, бледноватый, явно не в восторге от посадки. Короткий диалог:

- Давай, грузись быстро!
- А что возьмете?
- Все возьмем.
- А не много?
- Не твое дело!

Понимая, что спорить с пилотом не стоит, грузим весь наш скарб. Все укладывается грудой в передней части фюзеляжа, сразу за кабиной пилотов. На этой грудке, засунув голову в кабину, устроился техник, остальные расположились кто где. Я к тому времени летал уже на разных самолетах, но в этот раз на душе почему-то беспокойно и я ухватился за какой-то трос, проходящий от кабины пилотов к хвосту через весь фюзеляж.

Самолет катится к началу косы, разворачивается. Рев мотора на форсаже, галька косы в окне все быстрее летит назад.... Вдруг, вместо гальки за окном веер водяных брызг, все вертится, удар и ... тишина.

Оглядываюсь и обнаруживаю, что держусь за тот же трос, только ноги стоят не на полу, а на крыше. Перегруженному самолету не хватило косы, он на полном ходу влетел в речку и перевернулся. Не успел я еще понять, что произошло, как распахнулась дверь фюзеляжа и раздался крик: «Вылезай, горим!».

Начинаю соображать, что случилось. В воздухе какой-то не то дым, не то туман. Вроде, ничего не горит. (Оказалось, это мешок с остатками муки при перевороте самолета за что-то зацепился, разорвался и в воздухе висит мучная пыль). Позже выяснилось, что кричал второй пилот. После переворота самолета он выскочил в узкую щель между фюзеляжем и оторвавшимся мотором. (Когда прилетели спасатели, ему предложили показать, как он это сделал, но повторить номер на бис он так и не смог !)

Осмотрелись, разобрались и не без удивления обнаружили, что все живы и отделались, в основном, синяками и шишками. Лишь Лиза – девушка-техник - ударилась лбом об угол ящика и рассекла кожу до кости, но и та чувствует себя довольно бодро. У большинства проснулось даже чувство юмора, когда они увидели техника, который лежал на вещах, засунув голову в кабину пилотов. При перевороте самолета он, естественно, влетел в кабину, попал головой в вылившееся горючее, а сверху его присыпало мукой из распоровшегося мешка. Выглядел он весьма внушительно!

Сразу же выяснилось, что рация самолета разбита и связаться с Игаркой, где была база авиаотряда и вызвать помощь, невозможно. Выручил радист нашего отряда *Н.Е.Зотов* – в войну флагманский радист полка бомбардировщиков. На своей рации, рассчитанной лишь на ближайшую связь, он умудрился связаться с Игаркой и передать: «Потерпели катастрофу. Есть пострадавшие. Самолет восстановлению не подлежит».

Поставили палатки, поджарили хариусов и кто-то с грустью произнес: «Вот бы теперь стопочку за спасение!» И тут пилоты вспомнили, что в хвосте самолета лежало несколько бутылок спирта и шампанского. Немедленно к самолету! Обнаружили, что ни одной целой бутылки, естественно, не осталось, но на крыше хвостовой части фюзеляжа (а она теперь внизу) присутствует большая лужа с массой обломков стекла. Дегустация подтвердила, что лужа состоит из смеси спирта и шампанского. Немедленно из самолетной и нашей аптечек были извлечены все запасы бинтов, которые погружались в лужу и содержимое отжималось в приготовленную кастрюлю. Под хариусов оно было выпито, после чего все и уснули сном праведников.

Проснулся я утром от рева моторов, опускающихся на нашу косу вертолетов – диковинных машин, на которых я еще не летал. Они и доставили нас на базу экспедиции.

Пилота нашего самолета лишили прав на два года. А на следующий год на Таймыре при аварии, аналогичной нашей, самолет сгорел и погибли все в нем летевшие. После этого пилотам АН-2 запретили посадки на необорудованные площадки. А через несколько лет самолеты заменили вертолетами.

Судьбы людские

За долгие годы странствий приходилось встречаться с многими людьми необычной судьбы. О некоторых из них ниже и пойдет речь.

Два начальника экспедиции

1946 г. – первый год моей работы в НИОГГУ Главсевморпути – будущем институте Геологии Арктики. Работать предстояло на Пай-Хое. База экспедиции в Воркуте. Оттуда самолетиками ПО-2 (АН-2 еще не было) нас забрасывали в регионы работ, а осенью в определенном месте забирали и вывозили на базу. Транспорт в регионе работ – олени упряжки, нарты олени везли прямо по траве. Рации и, естественно, связи не было вообще.

В конце июня вся экспедиция приехала поездом в Воркуту. Все были приятно удивлены состоянием базы и ее подготовкой. В нашем распоряжении целый барак, расположенный прямо у края аэродрома, представлявшего ничем не огороженную полосу на краю города, Воркута состояла тогда из трех-четырех улиц и огромного количества лагерей. При этом в городе работал оперный театр с отличными голосами (дирижер из Одесского театра, первый тенор – из Минского театра и т.п.; естественно, все заключенные).

С комфортом, на раскладушках с чистым бельем переночевали, но на рассвете были разбужены истошным воплем охранников аэродрома: «Эй, геологи, идите – ловите своего начальника!»

Выскочили на улицу кто в чем был и застали картину: по аэродрому в нижнем белье бегают наш начальник экспедиции *Алимухамедов* и орет: «Дайте мне сейчас же клиппербот, я его съем!» Поймали начальника, срочно вызвали врача из ближайшего лагеря. Диагноз был установлен быстро – белая горячка.

Позже выяснилось, что Алимухамедов до и во время войны был начальником ряда круглогодичных полярных станций, где проявил себя великолепным организатором и горьким пьяницей. До войны в состав пайка на полярных станциях полагалось 50г коньяка. На последней из станций, где Алимухамедов был начальником, два сотрудника, накопивши коньяку к какому-то празднику, перепили и подрались. После этого Алимухамедов выдачу коньяка запретил. Но, когда на корабле пришла смена зимовщикам, выяснилось, что коньяка нет – начальник выпил все один!

После этого в стенной газете Арктического института появилась карикатура. Алимухамедов сидит на кровати. Одеяло откинута и видно, что под кроватью – склад пустых бутылок. Алимухамедов в тяжелом раздумьи: «Али я, али нет Алимухамедов?»

Уже через несколько дней на базу прибыл новый, никому не знакомый начальник экспедиции, *Роман Павлович Могендович*. При знакомстве с геологами держался очень скромно, словно стесняясь того, что он начальник ученых людей. При представлении нам состоялся любопытный разговор:

- А у Вас, простите, какое образование?
- Да образование-то высшее, но несколько специфическое.
- Это что же за специфическое такое?
- Высшая школа КГБ (Комитет государственной безопасности - в то время был настолько серьезной организацией, что дополнительных вопросов не последовало).

Относились мы к нему настороженно, но через два дня появились самолеты, через неделю все три партии были на месте работ, а по их окончании в обусловленные сроки все были доставлены на базу. При этом Р.П. никогда никуда не торопился и ни разу ни на кого не повысил голос. Через несколько лет он стал начальником отдела экспедиций НИИГА и оставался таковым до ухода на пенсию. Мы с ним сошлись довольно близко, и он рассказал свою необычную историю.

До Отечественной войны, после окончания десятилетки он работал на заводе. Будучи человеком активным и энергичным, стал секретарем комитета комсомола. Через пару лет получил неожиданно предложение – перейти в высшую школу КГБ. Окончил ее в 1939 г. и был направлен в только что присоединенную к СССР Западную Украину, во Львов. Занимался там своим прямым делом – выявлением и нейтрализацией (читай, отправкой в Сибирь) антисоветских элементов.

После начала Отечественной войны в Киеве занимался организацией подполья на случай захвата Киева немцами, что и произошло. Вместе с основной массой войск юго-западного фронта попал в окружение и немецкий плен, в лагерь.

Поскольку количество пленных, попавших к немцам в Киевском котле, исчислялось сотнями тысяч, немцы просто не знали, что делать с этой массой людей. Они были совершенно уверены в близком победоносном окончании войны и объявили в лагере: человек, который может доказать, что он до войны проживал на захваченной немцами территории и имеет здесь родственников, будет отпущен восвояси. С одним из таких

отпущенных Р.П. и сообщил в подполье о своей судьбе. Уже на следующий день у входа в лагерь появилась женщина, которая просила отпустить ее мужа Демьянюка (так в подполье именовался Могендович). Р.П. без всяких расспросов вывели к воротам, дали пинка под зад (в буквальном смысле слова) и он оказался на свободе.

Вскоре, однако, в Киеве начались облавы и массовые расстрелы евреев в получившем всемирную печальную известность Бабьем Яру. Стало ясно, что Р.П. с внешностью, не оставлявшей сомнений в его национальной принадлежности, оставаться в городе нельзя. Поскольку к этому времени подполье потеряло единственную радиостанцию и осталось без связи с Большой Землей, было решено направить двух человек через еще недалёкую линию фронта и Р.П. и еще один столь же типичный еврей отправились устанавливать связь.

Пока они шли на восток, все дальше от Киева отодвигалась линия фронта. В конце концов им удалось эту линию перейти уже восточнее Орла. За две недели два типичных еврея прошли по немецким тылам около 300 км!

История эта показалась высокому чекистскому начальству настолько невероятной, что начались долгие проверки. Ничего не выяснилось и после освобождения Киева, т.к. к этому времени погиб руководитель киевского подполья, отправлявший Р.П. на связь (позже он посмертно стал Героем СССР). В конце концов, после четырех лет безделья (а он к оперативной работе все это время не привлекался) ему посоветовали подать заявление об увольнении, что он немедленно и сделал. После этого он оказался начальником Пайхойской экспедиции, а затем и начальником отдела экспедиций института. На этом посту он и проработал много лет до ухода на пенсию. За много лет я не слышал в его адрес от сотрудников института ни одного худого слова.

Канадский геолог в Китае

В конце шестидесятых годов я работал в Геологическом институте Китая, обучая группу молодых геологов премудростям стратиграфии и палеонтологии (некто вроде нашей аспирантуры). Обстановка была чрезвычайно благоприятная и работалось отлично. Регулярно отмечались как советские (7 ноября и др.), так и китайские (1 октября и др.) праздники, и в эти дни Министерство геологии КНР устраивало приемы для всех геологов, находившихся в Пекине, и их семей.

На одном из таких приемов, проходивших за длинными столами, уставленными не только закусками, напротив меня оказался совершенно незнакомый человек лет 60, но очень энергичный и разговорчивый, явно не русский. Он обратился к соседям по-английски – никто ничего не понимает. Повторил то же по-немецки – результат тот же. По-французски – то же самое. Поскольку я был слегка навеселе, решил спасти честь нации и на его вопрос ответил на языке, который считал английским. Он обрадовался, как ребенок, и до конца вечера не отходил от меня. Как я смог понять, он был канадским геологом и теперь работает в Пекине. Оба мы под приличным градусом и бодро договорились, что в ближайшую субботу мы с женой приедем к нему в гости.

Жена, узнав об этом, выразила мне (мягко говоря!) свое неудовольствие, но деваться было некуда и в субботу, в назначенное время мы прибыли по указанному адресу.

Звоним в дверь. Дверь открывает хозяин в трусах, а за его спиной мы видим его жену, моющую пол. После короткого смятения выяснилось, что я перепутал субботу и воскресенье по-английски и нас ждут завтра и готовятся к приему. Недоразумение быстро разъяснилось, чувство юмора оказалось не чуждо ни гостям, ни хозяевам, и прием прошел, как сказали бы дипломаты, в дружеской непринужденной обстановке.

Жена канадского геолога преподавала английский язык китайцам и строила фразы так, что я понимал почти все. Помогали и школьные знания немецкого моей жены. В результате мы почти подружились. Они неоднократно бывали у нас в гостинице, особенно в дни бывавших там хороших концертов, и я узнал их историю.

Годфрей (такова была фамилия канадца) много лет работал геологом, в последнее время главным, в одной крупной компании и был членом коммунистической партии Канады. Жена была техническим секретарем этой же партии; там они и познакомились.

После знаменитого доклада Хрущева с разоблачением культа Сталина компартия Канады развалилась и практически исчезла с политического горизонта. Жена Годфрея осталась без работы, а через некоторое время под благовидным предлогом уволили и его самого. Как у нас называется, с «волчьим билетом».

В отчаянии Годфрей разослал письма с предложением своих услуг во все страны, которые назывались тогда странами народной демократии. Единственной страной, откуда он получил ответ с приглашением, оказался Китай. Сюда они, бросив родину, и приехали. Годфрей занимался тем, что из многочисленной англоязычной, немецкой и французской геологической литературы отбирал то, что по его мнению, стоило переводить на китайский язык. Жена преподавала английский язык в университете Пекина. Этим они и занимались до моего отъезда из Китая; дальнейшую судьбу их я не знаю.

Необычный оленевод

В период работы на северо-востоке СССР по договору с Сеймчанской геологической экспедицией нас из одного района работ в другой перебрасывали вертолетом. При подлете к очередной точке посадки с воздуха увидели стадо оленей и две палатки оленеводов. Часа через два после посадки к нашим палаткам пришел весьма пожилой человек, явно русский, с очень хорошим культурным русским языком. История, которую он рассказал, показалась мне настолько необычной, что я и решил довести ее до читателей.

Человек этот в тридцатые годы работал преподавателем русского языка и литературы в школе в одном из областных центров. В 1937 г. его арестовали, по-видимому, за какой-то анекдот. Припаяли печально знаменитую 58 статью уголовного кодекса (антисоветская деятельность), дали 10 лет и отправили на Колыму, на золотые прииски, где он и проработал весь срок. За это время родители умерли, жена вышла замуж и никто его не ждал.

Вблизи прииска, с которого его освободили, эвены (есть такая малая народность на Северо-Востоке) пасли стадо оленей. Поскольку денег не было, он решил лето поработать у них, чтобы вернуться на Большую Землю (так именовалась Россия за пределами Колымы) хоть с какими-то деньгами. Осенью добрался до Магадана, зашел в ресторан и... как он оттуда вышел, не помнит, но ни копейки денег у него не было.

Кое-как добрался до уже знакомых эвенов-олeneводоv и провел там год. После этого поехал в Магадан, чтобы вернуться на Большую Землю, но история с рестораном и потерей денег повторилась, и он снова вернулся к знакомому стаду. Привык к кочевой жизни, женился на дочери бригадира-олeneводоv и остался там. К моменту нашей встречи он пас оленей уже больше 20 лет и, по его словам, был вполне доволен жизнью.

Новая Земля

Хозяин Новой Земли

1962 г. Плыдем на арендованной барже на юго-западный Пай-Хой, где нужно досмотреть интересный разрез. Август, темнеет. На ночлег заходим в бухту Варнека на юге

о. Вайгач. Небольшой причал у воды и лестница, которая ведет наверх, на скалы, где и расположен сам поселок.

В наступившей темноте по лестнице вниз спускается огонек и слышен громкий голос: «Я *Тито Вылка!*»

Это имя мне было знакомо хорошо. Во время войны он был промысловиком на Новой Земле. В то время одинокие избышки промысловиков были разбросаны по всему побережью. Ловили рыбу, били морского зверя, оленей и белых медведей, собирали на птичьих базарах гагачий пух и тем жили.

Услышав о блокаде Ленинграда, осенью 1941 г. Вылка кликнул клич: «Поможем стране!» Промысловики собрали тонны две оленьего мяса, мороженой рыбы и отправили на материк. Вылка был доставлен в Кремль, где *М.И.Калинин* вручил ему орден Ленина, а его портрет появился во всех центральных газетах. Вот тогда Вылка и получил титул «Хозяин Новой Земли». После этого Вылка вернулся на Новую Землю к обычному образу жизни.

Когда на Новой Земле началась подготовка к испытанию атомных бомб, все промысловики были срочно переселены на о. Вайгач, где не было ни оленей, ни медведей и делать им было совершенно нечего. Результат очевиден – люди, лишённые привычного дела, начали спиваться. Не миновало это и Вылку.

По мере приближения к нашей барже, все более отчетливо звучал голос: «Я Тито Вылка! Водку давай!!» Он подошел вплотную к барже, и неожиданно раздался громкий плеск – Вылка свалился в воду между причалом и баржей. Я знал, что ненцы, как правило, не умеют плавать и напугался основательно. На счастье, на барже под рукой оказался багор, которым мы зацепили его за меховую малицу, в которую он был одет, и соединенными усилиями вытащили на баржу.

В машинном отделении высушили одежду. Сам Вылка в тепле уснул мгновенно и спал беспробудно. Утром доставили его домой. Так состоялось мое знакомство с хозяином Новой Земли.

Медведи Новой Земли

Белые медведи на Новой Земле немногочисленны, но встречаются нередко, т.к. они часто приходят к людям, привлекаемые запахом помоек.

В самом крупном поселке Белужья Губа, где есть целых четыре улицы, зимой можно было услышать объявление: «Внимание! По улице такой-то идут три медведя. Просьба к населению на улицу не выходить». Избавиться от непрошенных гостей оказалось непросто. Если вначале они панически боялись ракет, то довольно быстро привыкали к ним и пытались лапой выковырнуть из сугроба снега упавшую туда ракету.

На людей они, как правило, не нападали. За все годы работы на Новой Земле я слышал только об одном случае неспровоцированного нападения на человека со смертельным исходом.

Когда я в 1977 г. работал на северном острове Новой Земли, базируясь в существовавшей там тогда роте противовоздушной обороны, мне показывали весьма любопытный фотоснимок. На нем из очень длинного корыта ели комбикорм восемь свиней с одной стороны и медведица с двумя медвежатами с другой (свиньи и комбикорм были доставлены в роту осенью для людей во избежание цинги). Естественно, медведица ранее не встречалась со свиньями и не подозревала, что они вкуснее комбикорма!

Из своих встреч с медведями запомнились две.

Однажды в маршруте нам удалось убить оленя (малокалиберная винтовка всегда с собой). Поскольку до лагеря было довольно далеко, мы взяли с собой наиболее лакомые части, а основную тушу глубоко зарыли в большой, метра четыре высотой снежник у скального уступа.

Через пару дней я отправился за мясом. Поднялся на гору, на склоне которой был снежник, и увидел огромную стаю чаек, крутящихся над местом, где был зарыт олень. Мелькнула мысль: «Как же они до оленя добрались?» Подошел к верхнему краю обрыва со снежником внизу и обнаружил в 4-5 метрах от себя медведя, уплетающего тушу нашего оленя. Поджилки у меня дрогнули основательно – мелькнула мысль, что едва ли медведь отнесется благожелательно к появлению конкурента!

Секундой позже медведь увидел меня. Реакция его была совершенно неожиданной – он подскочил вверх, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, в воздухе развернулся на 180° и помчался прочь, время от времени оглядываясь, не гонюсь ли я за ним. И тут я понял, что это не взрослый медведь, а полуторогодовалый медвежонок, еще не понимающий, что он здесь главный. Забрав недоеденное медведем мясо, отправился в лагерь.

Вторая встреча произошла годом позже в соседнем районе, где я работал вместе с геолого-съемочной партией.

На берегу моря, на невысокой террасе стояли две палатки, в каждой из которых жили по четыре человека. Ночью (хотя солнце и не опускалось за горизонт), когда все спали, я услышал, что кто-то ходит между палатками. Ну, мало ли кому нужно ночью выйти, дело обычное. Внезапно на палатку с той стороны, где я спал, что-то навалилось. Послышался треск раздираемого полотна. Прямо надо мной в палатке образовалась дыра, и в ней появилась медвежья лапа. Прямо в спальном мешке с воплем: «Ребята, медведь!» я скатился с раскладушки на пол. Лапа исчезла. Проснувшиеся соседи заворчали: «Какой медведь! Приснится же Вам такое, Виталий Иванович». Поверили они, только увидев дыру в стенке палатки.

Схватив карабин, я высунулся из палатки и метрах в трех увидел опять не взрослого медведя, а молодого медвежонок, чуть крупнее того, с которым я встречался годом раньше (уж не тот ли самый?). Как и тот, медведь развернулся и удрал в тундру.

Все улеглись досыпать, но через полчаса рядом, у ямы, куда складывались пустые консервные банки, послышалось позвякивание – медведь вернулся. Что делать? Ждать, когда он снова полезет в палатку, не хотелось. Взял дробовик, зарядил его патронами с мелкой дробью, которой стреляли уток, вышел из палатки и, дождавшись, когда медвежонок повернулся ко мне кормой, метров с 10 всадил ему в мягкое место заряд дроби. Она, естественно, не пробила не только толстую медвежью шкуру, но даже густую шерсть. Но, видимо, удар дроби был чувствителен, так как больше медвежонок в лагерь не приходил, хотя в маршрутах, в нескольких километрах от лагеря его видели неоднократно.

Байки наших предков

Дед мой, *Устрицкий Виталий Иванович*, был сельским священником в деревне, в одном из самых глухих углов Новгородчины (до районного центра Демянск 40 верст) в 1890-1925 гг. Учитывая первозданную экологическую (по-современному) чистоту региона, несколько ранее в 2 км от деревни был основан старейший в России Николаевский рыбоводный завод, и летом сюда на практику регулярно приезжали студенты биологического факультета Санкт-Петербургского университета. В это же время возвращались в родной дом сыновья деда – ученики старших курсов Новгородской духовной семинарии.

Студенты регулярно приходили к ним в гости, и их любимым занятием было поддразнивание деда-священника: «Вот Вы, батюшка, учите, что человека создал Бог. А ведь Дарвин доказал, что человек произошел от обезьяны. Неужели Вы этого не знаете»?!

Теребя бороду, дед парировал: «Ну что же, если Вам нравится считать, что Вы произошли от обезьяны, так и считайте. А мне приятнее считать, что меня создал Бог»!

Не удовлетворенный студент продолжал: «Но, батюшка, ведь неба, где по-вашему, обитает Бог, тоже нет. Вокруг Солнца вращаются планеты Земля, Марс, Юпитер...». Паузу, возникшую, пока студент припоминал названия остальных планет, неожиданно прервал голос с печки, где лежала старая-престарая бабка, в свое время помогавшая деду растить его пятерых детей, а теперь доживавшая свой век у него же «на пенсии». Услышав знакомое слово, она промолвила: «Ау, в Питер! Все они там, гады, собравшись!» Какие именно «гады» там собрались, выяснить не удалось из-за общего хохота.

С этой же бабушкой связано и еще одно забавное воспоминание: с германской войны вернулся солдат и рассказывает собравшимся сельчанам:

- Идем мы в атаку, а пули так и свистят, так и свистят!
- О, Господи, страсти-то какие! Оборони Бог, которая в глаз!

На исповедь к деду-священнику пришла пожилая одинокая крестьянка.

- Грешна, батюшка, ой грешна!
- Ну, что совершила-то, Марфа, рассказывай.
- Да вот, батюшка, вчерась опять так надралась, так надралась!
- Ну, что же, ты не знаешь, что пить – великий грех?
- Да знаю, батюшка, знаю. Да ведь гораз уж и люблю!

К деду пришел сосед с просьбой: «Вот, батюшка, ты покос уже кончил. Хорошо тебе – три сына-семинариста приехали, а я один мучаюсь. Не поможете ли»? Отказать в просьбе в общине считалось делом позорным, и на следующий день дед с двумя старшими сыновьями отправились на покос. Косили целый день. В конце сосед посмотрел на выкошенный луг, поскреб затылок и задумчиво промолвил: «Да, а вчетвером-то спорчей косить, нежели одному!»

В первые годы двадцатого века население Новгородчины росло необычайно быстро. Старая деревянная церковь стала мала и было решено «миром», т.е. сообща, построить большую новую «каменную», т.е. кирпичную. По праздникам собирались сотни людей.

Поскольку две самых больших деревни давно враждовали между собой (причины не помнили даже старики), на клиросе пело два отдельных хора. По окончании службы одна деревня упрекает другую: «Ну вы и поете – в конце деревни и то не слышно. То ли дело наши – как гайнут, гайнут – за озером слышать!» (это молитвы то!).

В соседней деревне начали строить школу. Молоденькая учительница осматривает здание. Плотник, достраивающий туалет, приглашает: «Катерина Егоровна, я тут очко доделываю. Иди сюда, присядь, ладно ли будет».

1913 год. Отец кончает первым Новгородскую духовную семинарию. По существовавшему положению, первый ученик – единственный, кто имеет право без экзаменов поступать в духовную академию (а в то время конкурс туда был, как сейчас в МГИМО, да еще требовался «рабочий стаж»).

Отец пришел к ректору семинарии будущему патриарху Алексию I и сказал, что хочет поступать в университет на факультет русского языка (был такой в то время). Ответ был: «За все годы не было случая, чтобы первый ученик отказался поступать в духовную академию. Но считаю, что служение русскому языку такое же святое дело, как и служение Богу. Иди, благословляю».

1916 год – разгар первой мировой войны. В русской армии выбито больше половины младших офицеров. Для пополнения начинается мобилизация студентов. С третьего курса филологического факультета мобилизуют и отца. Воюет в германскую (так называлась первая мировая), воюет в гражданскую, и весной 1921 г демобилизуется и возвращается в родную деревню. Здесь почти голод, вызванный продразвёрсткой. Нет учителя (сбежал от голода), и отец начинает учить детей грамоте.

Денег у людей нет и оплата – едой.

По черед (по очереди) из дома в дом перемещаются учитель и пастух. Учителя кормят день за каждого ученика, пастуха – за каждую корову, которую он пасет. Стараются дать все лучшее, что есть в доме, иначе – позор на всю деревню. В одном из самых бедных домов перед отцом хозяин поставил лакомство – миску отваренных яиц со словами: «Я яйца буду лупить (чистить), а ты только ешь».

К счастью, осенью нашлось место преподавателя русского языка в районном центре Демянск и деревенская эпопея быстро закончилась.

1937 г. Идет процесс по делу *Бухарина, Зиновьева* и других «врагов народа». По всей стране проходят собрания с требованием расстрелять «врагов». Проходит такой митинг и в Ленинградском университете, где отец в то время был ассистентом на кафедре русского языка у академика *Щербы* – ученого, известного во всем мире.

Митинг проходит по шаблону. В президиуме секретарь райкома, секретарь партбюро университета и т.п. Список выступающих и порядок их выступлений утвержден, все вроде бы нормально. Так все спокойно и шло. После последнего выступления, как и положено, задается стандартный вопрос: «Больше нет желающих?»

И вдруг в первом ряду поднимается рука академика *Щербы*; просит слова. После некоторого замешательства в президиуме понимают, что значение митинга, где выступает сам *Щерба*, а, соответственно, и акции самих организаторов резко возрастут и слово дают. Выступает академик и держит краткую, но столь необычную речь, что отец запомнил ее почти всю.

«Вот, товарищи, гибнут люди. И какие люди гибнут! Ведь *Николай Иванович Бухарин*, я же лично его прекрасно знаю; обаятельный, умнейший человек! А почему гибнут? Да потому, что хотят жить своим умом, хотят заниматься политикой. А зачем нам заниматься политикой, если ею занимается товарищ Сталин!».

Через несколько дней *Щерба* рассказывал на кафедре: «Вызывали меня в какой-то не то партком, не то местком (он неясно представлял себе разницу между ними). Видимо, я что-то не так сказал».

Как ни удивительно, никаких последствий выступление *Щербы* не имело. Он умер в глубокой старости на своем посту.

Таймыр. Маршруты (1946 - 47 г.г.)

Демобилизовался я 8 декабря 1945 года. Сразу же поехал во Фряново Московской области за женой, *Любой*. Несколько дней собирались. Примерно в середине декабря на попутной машине выбрались на вокзал. Везли с собой всякий хлам. Какие-то ящики, поперечную пилу, два-три топора. Помню деревянный бочонок, кажется, с грибами. Тюков было много. В Ленинград приехали поздно ночью. Вещи оставили в камере хранения и пошли домой пешком. По Невскому вышли на Неву, потом по левому берегу до дома. Люба почему-то плакала.

Через несколько дней родилась *Ленка*. Родилась в больнице Шредера, на Петроградской. Приехали туда ночью, в санитарной машине. Как везли — из машины не было видно. Приехали, сдал Любу, получил вещи, узнал номер палаты, вышел на улицу и заблудился. Темная ночь, пустая улица, и совершенно неясно, где это? Решил идти наугад. Как-то внезапно вышел на большую реку. Понял, что это Нева. Долго определял, в какую сторону она течет. Сверху не видно, а спустишься вниз, вблизи не разобрать. Мелкие волны плещут во все стороны...

Если бы оформление документов на демобилизацию задержалось на несколько дней, вся жизнь пошла бы по другому руслу. Может быть, остался во Фряново. Поступил бы работать в лесхоз или на фабрику, и все было бы совсем не так, как сейчас.

После демобилизации давался месяц или два на устройство. Были пункты, куда надо было сдать документы и где предлагали работу. Предлагали только «Ленгаз», причем в категорической форме. Меня это, разумеется, не устраивало никак. В ту пору для меня имела смысл только геология. В это время в Горном институте открылись подготовительные курсы. Поступил на эти курсы. Приблизительно через месяц-полтора — экзамены. Кое-как сдал. Принимали только на геолого-разведочный факультет. Мне нужна была геолого-поисково-съёмочная специальность. На этом факультете занятия начинались осенью, и к началу моей учебы там закончился уже один семестр. Я написал обстоятельную записку на имя *М.М.Тетяева*^{1)§} (он тогда был деканом) с просьбой перевести на ГСПС (геологическая съёмка и поиски) и с обязательством сдать всё за первый семестр к весне. Елисеев поддержал. Конечно, это была авантюра, и ничего из этого не вышло.

Жить было голодно. К этому времени встретился с *Михаилом Григорьевичем Равичем*²⁾. Я знал его еще с детства: именно он приобщил меня и самых давних моих друзей к геологии. В геологическом кружке Дворца пионеров он учил нас определять минералы и разбираться в породах. Учил, надо сказать, очень хорошо, и умение определять минералы по внешнему виду осталось еще с тех пор.

Михаил Григорьевич и предложил экспедицию на Таймыр. Это был выход из положения. Приблизительно в марте или в апреле, в кабинете у Равича в здании Арктического института впервые встретился со старейшим геологом, профессором *Владимиром Анатольевичем Вакаром*³⁾. Сразу запомнилось Вакаровское приветствие. Обычно, когда представляют друг другу людей, акт приветствия выполняется механически и небрежно. Владимир Анатольевич это делал совсем не так, как все. Выпятив вперед бородку клинышком, он подошел ко мне, мальчишке, очень энергично, быстро, даже чуть подпрыгивая, и пожал руку так, как будто сделал для себя очень нужное дело и это дело

[§] Эти сноски сделаны *Галиной Анатольевной Генко* при подготовке рукописи к публикации. Составители сборника решили их оставить – ветеранам арктической геологии эти имена хорошо известны, в отношении более молодой части читателей полной уверенности в этом отношении нет (ред.)

было приятным. Потом я замечал — он всегда поступал именно так. Даже если в комнате много народу и всякий входящий человек обычно просто кивает всем, Вакар обязательно обойдет всех с рукопожатием и обязательно бородкой вперед.

II

Отправлялись в экспедицию летом в июне или июле. Экзамены в институте почти не сдавал, но разрешение на поездку получил. Приехали в Архангельск, разместились в гостинице «Интурист». По плану через несколько дней должны были грузиться на пароход. Однако, сразу же выяснилось, что он только что пришел со «зверобойки» и некоторое время будет ремонтироваться. Так началась беспримерная по длительности и оптимизму участников голодовка в Архангельске.

Начальником экспедиции был *Владимир Николаевич Кошкин*. Экспедиция была комплексной, преобладали геологи, но были и гидрологи (*Щербинин, Краснов*), ботаники (*Тихомиров*) и ихтиологи (*Михин*). Всего в экспедиции было около 70–100 человек. Все они собрались в Архангельске. Была карточная система, а у нас никаких карточек, конечно, не было. Каждый, уезжая, всю свою зарплату либо перевел на книжку, либо оставил семье, так как все были уверены, что с момента выезда, или, точнее, с момента погрузки на пароход для нас начнется бесплатное полярное питание. Конечно, так бы оно и было, если бы вовремя состоялась погрузка. Однако это случилось только в конце августа, то есть через 1,5–2 месяца после приезда в Архангельск.

Кошкин выдавал по 10 рублей в день. Без карточек — почти ничто. Покупали на рынке «тюльжир». Продавали с себя все, что можно...

В эту пору получил от Любы маленькую посылочку. Там была засушенная розочка в голубом конверте. С тех пор храню ее всю жизнь. В это же время я отправил ей серию маленьких фотографий видов Архангельска. Они тоже сохранились.

Из Архангельска выходили караваном из нескольких судов: «Дежнев» (я шел на нем), «Кара», ледоколы «Красин», «Ермак». Новую Землю обходили с севера, вокруг мыса Желания. Несколько часов стояли у мыса Стерлигова. Здесь разгрузили и поставили дом полярной станции, сожженной немцами. На берег высадили тот же состав зимовщиков, который зимовал на станции до прихода немцев. Немцы взяли их в плен, и они вернулись домой только после войны. Начальником станции был Григорий Бухтияров, единственный человек из состава зимовщиков, избежавший немецкого плена.

В Карском море шли во льдах. *Федя Огурцов*, охотник, прямо с борта убил белого медведя. Медведь бежал к пароходу. На борту его заметили издали. Когда он из любопытства подбежал к самому борту, по нему был открыт огонь из всех видов оружия. Медведь совсем не пугался выстрелов. Все стрелки мазали. Огурцов отнял карабин у штурмана и с первого выстрела уложил зверя.

III

К Усть-Таймыру подошли поздно вечером. Была чистая вода. Таймырская губа очень мелка и поэтому «Дежнев» бросил якорь километрах в 10–15 от берега. Утром проснулись от шума машины. Оказывается, ночью вахтенный не обратил внимания на то, что с севера слабым ветерком нагнало лед, и он своей массой сдвинул пароход на мель. К обеду льды окружили нас со всех сторон. Для того, чтобы пароход всплыл, нужно было сразу снять несколько сотен тонн. Капитан (кажется, *Штумпф*, один из немногих «наших» немцев,

сохранившихся в войну) запретил разгрузку, так как мы могли одновременно снимать не больше 10–15 тонн. В этом случае всякий раз пароход сносило бы льдинами еще дальше на мель.

Ждали южного ветра. Именно тогда отчетливо понял, что главное в профессии полярника — уметь ждать.

Около нас собралось все начальство Главного Управления Северного Морского пути — ГУСМП. Летали самолеты, гудели пароходы. Невдалеке в таком же положении находилась «Кара». На ней был груз горючего в бочках для всех полярных станций. Если на «полярки» не будет доставлено горючее, то останутся все движки, все рации и т. д.

Пытались завести тросы на ледоколы. Их около нас гудело несколько во главе с «Красиным» и «Ермаком». Сначала вручную перетаскивали по льду сравнительно тонкий трос. Потом лебедкой заводили несколько тросов диаметром 40–50 мм. Ледокол давал полный ход, и эти тросы лопались, как бечевки. Так продолжалось недели две. Двое наших рабочих от тоски и безделья решили отправиться на берег. Их догнали и посадили за самодеятельность в «тюрьму», в канатный ящик.

Наконец разгрузка была разрешена. Разгружались непрерывно, днем и ночью. С парохода грузы лебедками перегружались в кунгасы и металлические понтоны. Связку таких понтонов катер медленно тащил к берегу. Никакого причала не было. Нужно было по хлипким сходим, иногда вброд, вынести все грузы на берег, на несколько метров выше полосы прибоа.

IV

Однажды ночью я работал в береговой команде на такой разгрузке. Все личное оставалось на «Дежнев» в твиндеке, где жили. Еще не были разгружены стоявшие у берега большие кунгасы, а уже подходила очередная связка понтонов. Издали услышал крики. Звали меня. Оказывается, Кошкин решил идти на Таймырское озеро. Он думал успеть забросить туда дома-зимовки и геологическую партию во главе с главным геологом экспедиции *Владимиром Анатольевичем Вакаром* чтобы хоть в какой-то мере спасти план работ экспедиции. Я должен был работать с Вакаром и поэтому катер зашел за мной. Весь караван, не пришвартовываясь, проплыл мимо, и я, мокрый по пояс, как был в брезентухе и без шапки, перепрыгнул с причаленного к берегу кунгаса на катер.

На озеро отправлялось 15 человек. Цифра запомнилась точно по фразе, ставшей знаменитой, которую Кошкин неоднократно повторял несколько дней спустя. Плыли с нами два гидролога, *Щербинин* и *Краснов*, которые должны были изучать режим Таймырского озера и Нижней Таймыры. Мы с Вакаром представляли геологическую группу. В группу входили и двое архангельских парней, *Петя Шишкин* и *Миша Парыгин*. Дома должны были поставить *Прокопий Иванович Суздальский* и *Павел Васильевич Шабалин*, которых Кошкин очень уважал. Капитаном катера был *Миша Голодный* из Архангельска. Его сменял на вахте у руля Виктор Васильевич. До войны он работал на реке Пясине с *Н.Н. Мутафу*⁴⁾ и поэтому считался одним из немногих знатоков Таймыра. Основным грузом были два щитовых финских дома, погруженных на девять металлических понтонов, счаленных «утюгом». Восемь из них были счалены попарно, а девятый образовывал нос «утюга». Кроме домов, успели погрузить ящик картошки, мешок муки, пару ящиков рыбных консервов, ящик тушенки и еще кое-что малосущественное. Высадка на озеро была явно не подготовлена. Поговаривали, что о походе никто не знал до момента погрузки домов. Возможно, действительно, план похода возник у Кошкина только тогда, когда дома уже были погружены на понтоны. У нас не было ни продуктов, ни палаток, ни теплой одежды. Однако

все только что вернулись с войны, и приказы не обсуждались. Плыть так плыть. Только Вакар, не без основания, критиковал Кошкина. Особенно его беспокоило отсутствие еды, в частности, масла и сахара. Именно в этом походе он изобрел «Вакар-сдобу» (мука вкрутую замешивается на расплавленной тушенке, и эта масса печется в виде лепешки на единственной керосинке) и «Вакар-распекаи» (мука на рыбных консервах).

Через пару часов после выхода все потихоньку «утряслось». В кубрике было вонько, тесно и тепло. Все, кто не был на вахте, подремывали. Наш катер типа КМ (из числа военных торпедных катеров) трудился во всю мочь. У него был деревянный клееный корпус с красивыми обводами, изящная рубка, машинное отделение и вообще все, что полагается военному катеру. В машине — два двигателя «Крейцлер», кажется, по 50 или 70 сил. В экспедиции было два таких катера, но один остался в Усть-Таймыре на разгрузке. В Архангельске по Двине они бегали очень лихо. Видимо, в какой-то мере поэтому Кошкин и решил сделать бросок на озеро («300 километров, это, — говорил он, — десять-пятнадцать часов ходу»). Однако с грузом нелепых плоскодонных понтонов скорость резко упала. Винты нашего скоростного катера были не приспособлены к работе тягача. Поэтому плыли медленно, в две смены, днем и ночью, но все же плыли.

Ночью и пришла первая беда. Когда проходили пережат у Черных Яров, приблизительно на полпути от Усть-Таймыра, внезапно заглохли оба двигателя. Все, что было зацеплено за катер, на быстрине собралось в неуправляемую кучу и выбросило на отмель левого берега Нижней Таймыры. Сразу же выяснилось, что в баках ни капли горючего. Винить было некого. Механики не собирались на озеро. Они работали на разгрузке «Дежнева» и заправлялись понемногу, по мере надобности. Вот тогда-то Кошкин и произнес впервые свою знаменитую фразу: «Пятнадцать трупов».

Он почти не спал за время разгрузки. Сборы в Ленинграде, голодовка в Архангельске, когда каждый день надо было умирять нашу «вольницу», ледовый плен на «Дежневе», а когда, наконец, выбрались — сразу безобразно нелепая гибель.

Тусклый рассвет. Все, как мыши, забились в кубрик. Кошкин ходит по палубе, в зубах прямая трубка, шапка-ушанка с оторванным козырьком надвинута на глаза. Ходит и непрерывно бормочет: «Пятнадцать трупов, пятнадцать трупов...». У нас не было даже рации. Был сентябрь месяц. Температура воды около нуля. На снастях намерзает лед. Со дня на день река замерзнет. Шансов на то, что кто-нибудь из пятнадцати дойдет пешком до людей без дорог, без пищи и теплой одежды, никаких...

У нас был кто-то счастливый, потому что случилось чудо. Когда совсем рассвело, мы увидели бочки с горючим на той же косе, куда нас выбросило. Полные бочки, и до них было не больше пятидесяти метров! Как потом выяснилось, эти бочки оставила в 1943 году группа, которая забрасывала на Таймырское озеро грузы и дом полярной станции в бухте Ожидания. Их катер с трудом поднимался на Черноярский пережат, и они решили оставить часть горючего на берегу, благо, его было достаточно.

Если бы горючего в баках нашего КМ было хотя бы на одно ведро больше, мы бы прошли пережат, а если на одно ведро меньше — мы не дошли бы до этого места. Кошкину, скорее всего, не пришлось бы еще раз повторять свои «пятнадцать трупов...», и мы бы замерзли, не зная, что спасение рядом.

Очень может быть, что до этого дело и не дошло бы. Все же двадцатый век. В 150 километрах севернее были и самолеты, и катера. Беда в том, что о нас могли забыть в суматохе, как и мы забыли о необходимости вовремя заправиться. Там, в Усть-Таймыре, все внимание было направлено на «Кару». Ее нужно было во что бы то ни стало снять с мели и доставить горючее на полярные станции. В конце концов, ее, конечно, сняли, как сняли и

нашего «Дежнева», выбросив за борт весь уголь. Не сделали это сразу по двум причинам. Во-первых, сначала пытались ликвидировать аварию разными другими способами. А время шло. Во-вторых, для того, чтобы облегченные за счет потери угля суда вновь обрели ход и смогли пройти хотя бы до Тикси, где были угольные депо, пришлось специально направить какое-то судно в Диксон за углем, а для этого тоже потребовалось время.

Мы бы тоже дошли до людей своими силами, если бы сразу поняли опасность и отправились в путь немедленно. Однако вряд ли такое решение было бы принято. Скорее всего, мы сидели бы на катере и ждали спасения. Через неделю катер с понтонами занесло бы снегом. С воздуха эта куча беспорядочно расположенных мелких судов, груженных щитами, была бы неотличима от скальных обнажений, расположенных рядом.

Мы с Вакаром не принимали участия в аврале по погрузке бочек и снятии с мели нашего каравана. Владимир Анатольевич сильно обиделся на Кошкина. Тряся бородой, он демонстративно заявил, что мы отправляемся в геологический маршрут. Мы, действительно, просидели около часа на ближайшем обнажении. Мощные пласты каменного угля обрывались здесь прямо в реку. Их видел исследователь Сибири *А. Ф. Миддендорф*⁵⁾, назвавший в 1842 году это место Черным Яром, видели полярные геологи *Н. Н. Урванцев*⁶⁾ и *Ф. Г. Марков*⁷⁾. Эти пласты никто не тронул и до сих пор, хотя и поныне суда жгут свой уголь в проливе Бориса Вилькицкого, ожидая улучшения ледовой обстановки, а потом идут в Диксон на бункеровку.

Третья ночь после выхода из Усть-Таймыра тоже не прошла спокойно. К рассвету мы подошли к островам Гельмерсену и Бетлингу. За ними начинался широкий разлив истоков Нижней Таймыры, переходящих в Таймырское озеро. Катер вел Миша Голодный. Внезапно он почувствовал резкое торможение. Оглянувшись назад, увидел, что передние понтоны тонут. Сразу же отвернул к ближайшему, правому по течению, берегу, но было уже поздно. Пять передних понтонов затонули на глубине трех метров. Под воду ушел весь воз щитов. Четыре задних понтона остались на плаву.

Предвидеть это можно было. Грузные понтоны сидели глубоко. Высота бортов над водой — около полуметра. Пока шли рекой в горах, мешало сильное течение, но волны были мелкими. Как только вышли на простор из-за островов, высота волны немного увеличилась, хотя ветер был слабым, и никакого шторма не было. Случись шторм, это заметили бы и вспомнили об опасности. А так, как будто ничего не изменилось. Однако воду стало заплескивать. Больше всего воды принял первый понтон, образовавший нос «утюга». Потребовалось не больше часа для того, чтобы он был залит полностью. Как только он начал тонуть, резко увеличилась нагрузка на два следующих, ближайших к нему понтона. Если бы Миша Голодный не заметил, затонул бы весь караван...

Это не очень просто, вылезти спросонок из парно-теплого кубрика во влажной одежде на свежий ветер. На палубе катера собрались все. Кошкин опять забормотал свое: «Пятнадцать трупов...». Часто думаю об этом психологическом состоянии начальника. Он всегда больше всех душевно страдал. Мне было только просто зябко, а Кошкину казалось: «Пятнадцать трупов...».

Были бы дома погружены на понтонах в каком-то известном порядке, можно было бы точно знать, какие части домов сохранились и, исходя из этого, строить план действий. Вообще говоря, можно было бы заранее предусмотреть возможность подобной аварии и соответствующим образом разместить дома с тем, чтобы при гибели одного из них другой остался целым. В этом случае следовало бросить затонувший и немедленно отправиться с сохранившимися дальше для того, чтобы построить его и хоть как-то подготовить к зимовке. В нашем случае ничего этого не было. Дома были погружены в полном беспорядке и, если бросать, то бросать пришлось бы все. Оставить весь груз и бежать обратно в Усть-

Таймыр — это окончательный отказ от попытки проникнуть на озеро в этом году, а, может быть, и в ближайшие годы. В те времена отступление не поощрялось. У нас не было рации, и мы не могли звать на помощь.

Затонувшие понтоны лежали на грунте параллельно берегу. Те, что остались на плаву, поставили перпендикулярно ему. С другой стороны поставили катер носом к берегу так, чтобы хоть немного защититься от ветра, который, все усиливаясь, дул с озера, с юга. Снегу не было, но на снастях везде висели сосульки льда.

Кажется, Щербинин первым прыгнул на затонувший воз щитов. Его сразу же поддержали. Нужно было, нагибаясь и ныряя, разрезать пеньковые канаты, которыми деревянные щиты были привязаны к понтонам. Это удалось. Освобожденные щиты начали всплывать. С катера и плавающих понтонов их стали палками, баграми и чем попало проталкивать к берегу. Там, где глубина была по пояс и меньше, подхватывали руками и тащили на берег. Когда разобрали все, что всплыло, начали поднимать понтоны. Для этого нужно было под водой поймать концы перерезанных канатов, привязанных к понтонам во время погрузки. Они плавали в воде как толстые змеи. Ловили их баграми и просто так, вплавь. Было поймано несколько штук. На концах канатов закрепили петли и вагами из бревен через катер и плавающие понтоны стали все поднимать. Удалось. Когда борта затонувших понтонов приподнялись над водой, в них попрыгали все. Отчерпывали воду ведрами, мисками, просто руками, по-собачьи. Было неистово, как на войне...

Всплывшие понтоны загрузили вновь. Некоторые щиты, раньше других оказавшиеся на берегу, уже успели смерзнуться. Их пришлось расклинивать топорами. Все это было сделано без глотка еды, если не считать нескольких полусырых «Вакар-распекаев», оставшихся со вчерашнего дня.

К вечеру пошли дальше. Самым уютным местом было машинное отделение. Там, в тесноте, можно было хотя бы рукой прикоснуться к теплым бокам двигателей.

V

Когда вышли за мыс Гофмана, ветер усилился почти до шторма. Идти с грузом на буксире было невозможно. Пришлось оставить понтоны, причалив их к берегу, тем более что они были уже на Таймырском озере. Вот тогда наш катер, освобожденный от груза, показал, на что он способен! За кормой вырос белый бурун, мы вышли на редан и, ревя двигателями, вылетели в озеро, как на торпедную атаку. Издали увидели остров Савич, обогнули его, и сразу же за мыском на фоне черных трапповых останцов сверкнул огонек полярной станции. Мы подошли вплотную к берегу, и нас никто, кроме собак, не встретил. А северные собаки не знают чужих и потому никогда не лают. Закрепившись за какой-то камень, мы гурьбой вошли в дом полярки, совершенно неожиданно для хозяев.

Там справляли чей-то день рождения. Был праздничный пирог, горел яркий свет, и у всех было празднично-торжественное настроение. На станции жили *Петр Степанович Свирненко*, *Борис Розов*, *Леня Барков* и еще двое или трое ребят, чьих имен не помню. Они шли вместе с нами на «Дежнев» и почти одновременно высадились на полярной станции в Усть-Таймыре. Усть-Таймыр тогда стал столицей полярной авиации в связи с ЧП на «Дежнев» и «Кар». Там постоянно были самолеты, в основном «Каталины». На одной из лодок Розова с ребятами перебросили на озеро, а Свирненко отправил на пароход своего механика *Гришу Чернялевского*. До приезда ребят Свирненко жил на станции вдвоем с Чернялевским и, конечно, очень соскучился по людям. Потом он говорил, что слышал сквозь веселый гам застолья отдаленный шум наших двигателей, но думал, что это какой-нибудь самолет.

Конечно же, нас обогрели, накормили и напоили, но Кошкин был недалеко от истины. Трупы могли бы быть. Свирненко держал связь с Усть-Таймыром, а наша группа высадилась в семи километрах северо-западнее, на мысе Остен-Саккен. В Усть-Таймыре не знали о нашем неожиданном выходе. Никто из членов нашей экспедиции там не был, так как все были заняты разгрузкой. Если бы о нас помнили, самолет, который привез на озеро Розова с ребятами, непременно заглянул бы к нам, чтобы убедиться в том, что мы идем нормально.

На следующий день рано утром мы отправились за понтонами, оставленными у мыса Гофмана. Было тихо и тепло. Часам к 10 или 12 притащили их в бухту Ожидания и стали разгружать прямо рядом с «поляркой». Старожилы станции нам дружно помогали. Часа за четыре выгрузили и вытащили далеко от линии прибоя все щиты. Наскоро перекусили и сразу же пошли обратно, в Усть-Таймыр. На озере остались только плотники и еще два-три человека, нужные для того, чтобы поставить дома. Мы с Вакаром, оба гидролога и вообще все лишние снова отправились вниз по реке.

VI

Весь день стоял полнейший штиль. Солнышко даже припекало. Шли медленно, потому что в озере появилась шуга. За время предыдущих ненастных дней вода была переохлаждена и не замерзала только из-за волнения. Теперь было тихо, и кристаллики льда росли прямо на глазах. С борта катера было интересно наблюдать за их ростом. Маленькая иголочка-льдинка появлялась откуда-то из глубины. Как только она всплывала на поверхность, к ней сразу же подплывали такие же иголки. Они мгновенно смерзались, и образовывался маленький прозрачный островок. Постепенно такие островки росли, превращаясь в ровные широкие поля голубого льда. Когда наш катер входил в такое поле, острые осколки льдинок точно по ватерлинии срезали с его шлифованных деревянных бортов аккуратную белую стружку.

К вечеру пришлось стать на якорь прямо на озере, не подходя к берегу. Кошкин очень надеялся, что поднимется хоть маленький ветерок, который взломает молодой ледок и хоть немного оттянет замерзание. Нам нужно было проскочить хотя бы за мыс Гофмана. Там, на фарватере Нижней Таймыры, было сильное течение и, конечно, ледостав еще не начинался. Без груза мы добежали бы до Остен-Сакена очень быстро, а там, если сильно захотеть, можно было бы мгновенно, загрузившись продовольствием и всем необходимым, сделать попытку снова вернуться на озеро уже во всеоружии.

Мне пришлось стоять на вахте в ту великолепную ночь. Отчетливо помню все ее фантастические краски и шорохи. Было первое и, пожалуй, самое яркое сияние, виденное в жизни. Зеленоватым огнем неистово горело все небо. Иногда эти гигантские, волнующиеся занавеси внезапно скручивались в единую полосу, рассекавшую надвое небо, и в этой полосе, где-то у нее внутри, что-то яркое куда-то несло стремительно и неудержимо. Все небо было огромным, разным и неожиданным. Ничего не повторялось. А внизу и вокруг, в черной совершенной пустоте, поглотившей нас, что-то непрерывно шуршало, позвякивало и вздыхало, суетливо и неутомно. Потом стихло. Порозовел восток, и горы окрасились красным. А еще через час, когда стало совсем светло, к нам по льду прибежал песок.

Только к вечеру с большим трудом пробились мы обратно в бухту Ожидания. За островом Савич, над глубоководной частью озера была еще чистая вода. А против того обрыва, который впоследствии был назван «Вакар-углем», лед уже держал человека.

В бухте Ожидания мы были, по сути дела, на положении робинзонов, потерпевших кораблекрушение. У нас не было ничего, кроме домов, а скудные запасы Свирненко были рассчитаны только на его небольшой коллектив.

Петр Степанович не отказывал нам ни в чем. Я уехал из Ленинграда без шапки. В Усть-Таймыре на разгрузке «Дежнева» работал в обыкновенном мешке, сложенном углом. Этим углом, как капюшоном, закрывал и голову, и плечи. В мешке и прибыл на Озеро. Петр Степанович, как только увидел этот наряд, сразу же, ни о чем, не спрашивая и ничего не говоря, подарил мне великолепную пыжиковую шапку с длинными висячими ушами, как у Фритьофа Нансена на фотографиях. В этой шапке я проходил всю зимовку и привез ее домой.

VII

Сразу же по прибытии в бухту Ожидания мы с Вакаром стали готовиться в маршрут, во всем полагаясь на Петра Степановича. Он в изобилии снабдил нас оленьими шкурами для спальных мешков и без колебаний отдал свою единственную палатку. Палатка была маленькой, двухместной, а жить в ней надлежало четверым. В поход отправлялись *Вакар, я, Петя Шишкин и Миша Парыгин*. Пришлось разрезать у палатки углы и вшить клинья, вырезанные из моего мешка. Площадь пола увеличилась заметно, а объем едва-едва. Спали в палатке поперек оси. Поскольку полы были оттянуты за счет вшитых углов, зимой, когда выпадал снег, волосы примерзали к стенкам.

В эту же пору, еще до выхода в маршрут, была изобретена знаменитая «Вакар-мечта». Вначале это был просто ящик из-под галет. Этим ящиком накрывалась наша единственная керосинка, когда на ней чего-нибудь варилось. Поверх него укладывались портянки, мокрые ватники и всякое барахло. Название придумал Петя Шишкин. Он нежно обнимал это сооружение руками и ногами и приговаривал причмокивая: «Мечта... Мечта... Ну, Владимир Анатольевич!.. Мечта...». Наша керосинка, случайно попавшая на катер еще в Усть-Таймыре, была действительно единственным средством для обогрева. Ни паяльных ламп, ни керогазов, ни примусов не было ни у Свирненко, ни у нас. У нас вообще ничего не было, а Свирненко отапливался углем, благо месторождение угля было рядом, и в дальние походы он не собирался.

Работать мы должны были в восточной части озера. Вышли на катере к вечеру 17 сентября. Миновали по чистой воде тот мыс, который позже стали именовать «Кошкин нос», а у «Длинного носа» встретили сплошной лед. От мыса вдоль берега вернулись назад и у самого его основания, около высокой озерной террасы, выгрузились. Кошкин на катере сразу же ушел обратно, опасаясь вмерзнуть, а мы, благословясь, начали миллионную съемку северного побережья Таймырского озера. Поставили палатку, кое-как переночевали, а утром отправились с профессором в первый маршрут. Пошли на трапповый останец, видневшийся вдали. Потом назвали его «Горой Скалистой». Вакар считал шаги, а я просто брел сзади. С горы осмотрелись. К востоку, километрах в пяти-семи, виднелась долина реки. Дня два или три прожили на берегу озера, а потом перенесли лагерь на эту реку, назвав ее рекой «Оленьей». Это имя она получила в честь первого оленя, застреленного и съеденного здесь.

Случилось это на следующий день после переноса лагеря. Мы поселились километрах в двух выше обрывов, в основаниях разрезов которых выступали меловые отложения. Вакар отправился с Мишей Парыгиным на эти обрывы, а я должен был с Шишкиным идти вверх по реке. Мы немного замешкались в лагере, и, когда собрались выходить, увидели невдалеке оленей. Нами овладел охотничий азарт. Поскольку я был старший по «чину», Петьке пришлось уступить карабин мне. Это был мой первый олень. Я

скрадывал его часа три или четыре. Тогда мы еще не знали, что оленя убить проще, чем зайца, и поэтому я начал подползать к нему километра за два. Очень волновался, но все же убил. По неопытности мы долго возились с разделкой и только к вечеру пришли с мясом домой. Вакара с Мишей еще не было. Мы с Петькой, немного посоветовавшись, решили угостить их отварной печенью. Изрубили оленью печенку крупными кусками, залили ее водой и поставили на нашу керосинку.

Довольные удачной охотой, сидим, покуриваем. Вскоре появились и Вакар с Мишей. Еще издали они увидели на коньковой веревке оленью шкуру и прибавили шагу. Подойдя к палатке, Владимир Анатольевич первым делом осведомился: «А что варите?». Мы дружно ответили: «Печенку». И тогда Вакар расвирепел. Он выплеснул воду из кастрюли и заставил нас есть печенку сырой, крича на весь Таймыр, что настоящие полярники едят ее только так.

Запомнился еще один эпизод на этом же лагере. Мы тогда очень экономили керосин и время. Керосин, потому что его было мало, а время, потому, что уж очень медленно готовилась еда на керосинке. На керосинке, прикрытой «Вакар-мечтой», мясо варилось часа два-три. На улице от пяти до десяти градусов мороза. В палатке в тихий день чуть меньше, а в ветер столько же. Тепла от керосинки было очень мало, и пища на ней нагревалась так медленно, что, едва позавтракав, надо было заваривать ужин, тем более, что после мяса полагался еще и чай. Это тоже час-полтора. Светлого времени мало — конец сентября. Около лагеря по речке кое-где рос тальник и ерничек. Вакар придумал жечь из этих сырых прутиков костер и готовить пищу на костре. Разумеется, костер лишь чадил, тепла от него никакого не было. А есть всегда хотелось тем сильнее, чем медленнее готовилась пища. Миша Парыгин, которому была поручена забота о костре, тайком от Вакара плескал в чадающие ветки прямо из баночки драгоценный керосин. Белый дым сменялся на черный, и костер ярко вспыхивал. Вакар подходил и, потирая руки, торжествовал: «Я говорил, что ерничек прекрасно горит!». Устанавливается ритм. Вакар, сунув руки в карманы, делает несколько шагов от угасающего костра. Миша плескает керосин, Вакар оборачивается и идет к костру. Погрев руки, опять отходит, и все начинается с начала. Мы с Петькой сидим у костра и, как будто ничего не происходит, терпеливо ждем. Я и тогда, и много позже не мог понять, видел ли профессор, что его нагло обманывают, или искренне верил, что сырой ерничек прекрасно горит.

Погода стояла прекрасная. Мороз все время от пяти до десяти градусов, и полное бесснежье. Тундра сухая и звонкая. На берегу озера скопились несметные стада оленей. Видимо, на севере, в Бырранге и на морском побережье уже были пурги, гнавшие их к озеру. Озеро покрылось идеально ровным блестящим льдом. Олени не могли переходить его. Было смешно видеть, как спотыкались и падали самые смелые из них, выходявшие на лед. Только несколько шажков мог сделать такой храбрец и сразу же возвращался обратно на берег. Из нашей палатки можно было видеть тысячные стада оленей, подходившие к нам на сто-двести метров.

В один из таких дней мы с Вакаром отправились вверх по замерзшей реке, с ночевкой. Постепенно вошли в горы. Скалы были черные, а над ними и кое-где в ущельях висел розовый туман. У Вакара на бороде и усах намерзали белые сосульки, и он время от времени скусывал их и сосал, как леденец. Пить было нечего, есть тоже. Мы взяли с собой по банке консервов, еще не зная тогда, что мороженая оленина гораздо вкуснее. На ночевку остановились в самых верховьях реки. Съели эти мерзлые консервы. Стало еще холоднее. Легли спать без чая. Мы не брали палатки, и пришлось расстелить мешки прямо на льду. Вакар часто вставал и бегал кругами вокруг меня, громко при этом топая. А я надеялся

согреться, накрывшись с головой и пытаюсь прямо в мешке курить трубку. Было дьявольски душно, но казалось теплее.

Часто представляю себе эту картину как бы со стороны. Первозданная тишина, бесстрастные таймырские горы, голубовато-прозрачный, как стекло, лед реки и на нем два нелепых мешка, из одного время от времени идет дым...

В самом начале октября или в конце сентября выпал первый снег с двух-четырёх-дневной пургой. Мы тогда перенесли лагерь уже на реку Волчью. В начале пурги ветер рвал нашу палатку неистово и неугомонно. Потом она обмерзла, полы завалило снегом и стало тише и теснее. Палатка была очень маленькой. Четыре спальных мешка, расположенные вплотную, занимали все ее пространство. В нормальную погоду в центре палатки можно было одному человеку, согнувшись стоять на коленях. В пургу палатка, заваленная снегом, приземлялась почти до основания. Ее стенки густо заросли инеем. Когда пытались готовить еду и разжигали нашу коптящую керосинку, иней подтаивал, и нас поливало ручьями черной, омерзительно холодной жижи. Самой сложной задачей была прогулка по надобности. Мало того, что самому тошно, так еще товарищи сердятся, так как палатку с приоткрытым входом моментально забивало снегом. «Гуляли» по команде, все вместе, когда терпеть становилось невмоготу.

Во время пурги практически все олени перешли на южный берег озера, торопясь еще дальше на юг, в лесотундру. Следом за оленями шли волки. Мы насчитывали стаи по двадцать-тридцать голов. Волки ходили след в след, притаптывая снег до грунта. Какой-то любопытствующий волк каждую ночь приходил к береговому обрыву прямо над нашей палаткой, метрах в десяти, не более, и подолгу выл. Мы к нему привыкли и не обращали внимания.

Приблизительно в эту пору, в середине октября, мы с Вакаром наткнулись в обрывах реки Волчьей на сильно обохренные траппы с сульфидами. Тогда считалось, что в этой части Таймыра следует искать месторождения Норильского типа. Пришлось набрать довольно много образцов для анализа. Стало ясно, что на себе их не вынести. Вакар отправил меня и Мишу Парыгина на базу, в бухту Ожидания за подмогой.

Мы вышли, когда рассвело. Пути было около сорока километров по прямой. Шли быстро, не останавливаясь. На берегу озера очень часто встречали трупы оленей, зарезанных волками. Волки во время массового осеннего перехода оленей в лесотундру режут их явно про запас, прекрасно зная, что зимой мясо сохраняется неограниченно долго. Они ловили оленей на льду во время пурги, когда те пытались перейти озеро. Эта охота была для них как лихая, азартная игра с постоянным вкусом и запахом крови. Несколько раз встречали мы по пути и самих волков. Сытые и, видимо, только из любопытства, они подолгу лениво трусили рядом с нами параллельным курсом, не подпуская к себе ближе, чем на триста-пятьсот метров.

К бухте Ожидания мы подходили уже ночью. Лед на озере был покрыт снегом только местами. На большей же его части он оставался таким же блестящим, отполированным пургой, как на хорошем современном катке. Ночью он был совершенно черным и бездонным. Путь освещали только полярное сияние и звезды. Идти было очень трудно. Обмерзшие валенки-маломерки были неуправляемыми. Иногда мы пытались скользить на них. Это надо было делать бегом, и тогда не хватало дыхания. Когда пришли в бухту Ожидания, выяснилось, что у меня отморожен палец на ноге. Валенки были тесными, и я совершенно не чувствовал, когда это случилось.

В бухте Ожидания, рядом с «поляркой», были уже поставлены оба финских домика, которые мы привезли на катере. Один дом был определен под житье. Его разделили на две

части. В одной половине была кухня и столовая. Все это именовалось кают-компанией. Другая половина была кубриком. Перпендикулярно стенам здесь установили двухэтажные нары-койки. Посредине стояла железная печка, сделанная из бочек. Вокруг печки всегда висели портянки, унты, валенки и прочая рухлядь. Здесь же все собирались покурить. Печку топили углем, его возили на себе с месторождений, расположенных в семи километрах от дома.

Петр Степанович дал своих собак, и дня через два дядя Саша Трапезников в качестве каюра поехал к Вакару. Вместе с ним отправился Миша Парыгин, а я остался дома. Вакар сделал на собаках еще один короткий маршрут в сторону Яму-Байкуры, а через несколько дней все вернулись на базу. Началась наша зимовочная жизнь.

VIII

Во второй половине октября, когда окреп лед на Нижней Таймыре, к нам должны были выйти из Усть-Таймыра аэросани.

Получилось так, что по сути дела основная база экспедиции была построена на мысе Остен-Сакен, в 7 километрах от Усть-Таймыра. Кошкин же, начальник экспедиции, находился на Озере, где, кроме маленькой группы Вакара, никто никаких работ не вел и руководить было нечем. Связь с базой экспедиции шла только через «полярку». У Свирненко был длинноволновый передатчик, а наша рация на Остен-Сакене работала на коротких волнах. Кошкин подолгу сидел у Свирненко, переговариваясь со своим заместителем по хозяйственной части *Костей Михайловым*, который специально приезжал на связь в Усть-Таймыр.

Кошкин очень надеялся на аэросани, стремясь как можно быстрее попасть на Остен-Сакен и соединиться с основным коллективом экспедиции. Михайлов по радио сообщил с Усть-Таймыра, что аэросани на испытаниях показали скорость до 60 км в час и со дня на день выходят к нам.

Наконец, это случилось. Мы истопили баню и к вечеру ждали гостей. Расчет был прост. 300 километров — это пять-шесть часов хода. Однако ни к вечеру, ни на следующий день никто не приехал. Кошкин опять с трубкой в зубах ходил по лагерю и твердил свое заклинание...

Ребята застряли где-то в пути, и известий от них не было. Запаса продуктов они не имели, так как грузоподъемность саней была очень невелика. Морозы стояли за 30°, и все было на крайнем пределе. Через пять или семь дней Кошкин, изнервничавшись вконец, выпросил у Свирненко собак, и они вдвоем на слабой упряжке, почти без продуктов, выехали на поиски. Поездка была явно бессмысленной. Даже если бы они нашли замерзающих аэросанщиков, помочь ничем не смогли бы, так как сами выехали легкомысленно налегке.

Приблизительно часа через два или три после выезда Кошкина все ребята с аэросаней во главе с механиками Толей Денисовым и Исааком Хайкиным пришли пешком. У всех были изрядно поморожены щеки и носы, но все были веселы и жизнерадостны. Сани они бросили у мыса Гофмана, когда поняли, что пешком идти приятнее. Простым людям это понять легко, но в данном случае к такому решению пришли закаленные транспортники, не очень приспособленные к пешим переходам. Стало быть, случай был крайним. К вечеру того же дня вернулся и Кошкин. Он нашел пустые аэросани и понял, что ребята ушли к нам. Через несколько дней сани все же пригнали на базу, а еще через несколько дней я

отправился на этих санях в наш лагерь на реке Оленьей. Выехали вдвоем с Толей Денисовым. Поездка не удалась, но зато я понял, насколько никчемен этот транспорт.

Сани представляли собой фанерную будку-салон на больших металлических лыжах. Форма будки имела некоторую претензию на обтекаемость. Очень прожорливый авиационный двигатель, такой же, как на самолете ПО-2, установлен сзади, приблизительно на высоте человеческого роста. Вокруг винта легкое ограждение. В фанерной будке поразбойничьи свистел ветер, и было понятно, почему у аэросанщиков обморожены носы и щеки. Такое движение обычно продолжалось не более трех-пяти минут. Сани прыгали по снежным застругам и за это время обязательно находили заструг, перепрыгнуть который не удавалось. Передние лыжи утыкались в сугроб, и нужно было немедленно выскакать из саней. Сначала делалась попытка раскачать сани, держась за корпус или крепление двигателя и, орудуя при этом, в непосредственной близости от бешено вращавшегося пропеллера. Если это не удавалось сделать в течение нескольких секунд, лыжи примерзали к утрамбованному ветрами снегу. Тогда нужно было хватать огромную деревянную кувалду и бить ею поочередно по всем лыжам, бегая от одного борта саней к другому. Мотор при этом работал на полном газу для того, чтобы обеспечить отрыв лыж от снега. Когда это удавалось, сани рывком прыгали вперед и, нужно было за долю секунды бросить в «салон» кувалду и прыгнуть самому, рискуя попасть под винт или, если сорвешься, бежать километра два-три до следующего заструга. Мы проехали таким образом километров десять, я понял, чего стоил ребятам маршрут в 300 километров, и вернулся обратно. Это был последний рейс наших аэросаней. Потом из них сделали великолепный собачник.

Кошкин, который рвался на Остен-Сакен, тоже не рискнул ехать на этих санях. Решили ждать вездеходов. Хотя настроение у Кошкина было неважное, тем не менее, по случаю благополучного приезда ребят и, вообще, по случаю создания базы экспедиции на Таймырском озере и близящихся октябрьских праздников решили устроить праздник. Несколько дней шла подготовка. Гидрологу Петру Павловичу Краснову было поручено приготовить мороженое. Он выливал прямо в сугроб за домом банку сгущенки и долго мял тягучее месиво руками. Получался снежно-молочный ком довольно внушительных размеров. На каждого было отпущено по банке сгущенки, а с прибытием аэросанщиков нас стало двадцать, да еще «полярских» пять-шесть человек. Руки Краснова от этой работы были пурпурного цвета, даже мороженое становилось красноватым. Он нещадно мерз, но непрерывно улыбался. В тусклой серости буден очень хотелось праздника.

Праздник прошел на должном уровне. Наш домик гудел и стонал. В разгар праздника разыгралась пурга, из дому не высунуть носа, наша железная печка раскалилась докрасна, благо тяга в пургу всегда отменна. В кубрике было накурено до одури, и по всем этим причинам неразбавленный спирт безотказно валил одного за другим.

Мне пришлось выскочить из дому. Свежий ветер немного развеял хмель, и сквозь рев пурги послышался человеческий голос. Я покричал тоже и прислушался. Где-то недалеко действительно кричал человек. Перекликаясь, я пошел на голос. Совсем близко, у радиомачты, увидел Кошкина. Оказывается, он ходил провожать «полярских» и по дороге домой заблудился. Наткнувшись на оттяжки и противовесы антенны, вышел к мачте. Так и стоял у этой мачты, крепко обняв ее и почти непрерывно крича. От дома до радиомачты было не больше тридцати метров, но ночная пурга была столь непроглядной, что даже освещенная изнутри дверь дома, оставленная мной открытой, не просвечивала сквозь плотную массу ветра и снега. Об этом эпизоде я никому не рассказывал. Кошкин же после этого, как я замечал, ни разу не пригубил в течение всей долгой зимы даже глотка спиртного.

IX

В обычные дни жизнь на зимовке проходила размеренно и без особых событий. Время от времени гурьбой отправлялись за углем. Выход каменного угля, который начал разрабатывать Свирненко года три тому назад, находился в семи километрах от дома. Выходили из дома при свете полярного сияния. Шли почти вслепую, лишь кое-где под снежными надувами прослеживалась санная тропа. На месторождение приходили в полдень. Во второй половине ноября в это время немного светает. В слабых сумерках отыскиваем выход, разгребаем снег, рубим уголь и насыпаем в мешки. Нагрузив нарты, впрягаемся в ляжки и медленно бредем домой. Идти тяжело, снег еще недостаточно утрамбован ветрами, и нарта часто вязнет в сугробах. Запомнился эпизод: Коля Ферапонтов, парень с ленцой, едва-едва движется, спит на ходу. Веревка его ляжки провисла и волочится по снегу. Ребята потихоньку обрезают эту ляжку и останавливаются. Коля так же монотонно и понуро бредет дальше. Ушел метров на пятьдесят и, только услышав хохот, обернулся. Посмотрел на нас, махнул рукой и пошел дальше.

Регулярно подледными сетями ловили рыбу. В ноябре она ловилась сносно, поэтому сети нужно было проверять каждый день. Во льду были прорублены большие проруби, размером приблизительно 2×2 метра, по одной проруби на каждую сеть. Из проруби при помощи длинного шеста подо льдом в нужном направлении проталкивалась веревка. В этом же направлении на всю длину сети, 50 метров, прорубалась серия мелких лунок, через которые багром проталкивался шест с веревкой. На дальнем конце линии этот шест вместе с веревкой вытаскивался на поверхность льда. Ставили сеть втроем. Двое аккуратно, чтобы не запутать и не порвать сеть об лед, опускали ее в прорубь, а один тянул за противоположный конец веревки. В обратном порядке сеть вынимали. За сутки в проруби намерзал лед толщиной сантиметров двадцать, а общая толщина льда к концу ноября достигала двух метров. Всякий раз прорубь нужно было расчистить, тщательно выгрести все льдинки и постепенно выбирать сеть, одновременно вынимая рыбу. Все это делалось голыми руками при температуре минус тридцать–сорок градусов. Грели руки в ледяной воде. Рыба, вынутая из сети, мгновенно промерзала до звонкости. Потом, на кухне, она оттаивала и, как правило, оживала. Живозамороженная шла на строганину. Строганина поедалась сразу же после рыбалки. Более свежей пищи, наверное, не бывает. До сих пор не выветрился из глубины подсознательной, телесной памяти обжигающе морозный аромат этой абсолютной свежести.

X

Из двух финских домов, поставленных на озере, жилым был только один. Другой дом не отапливался, и в нем хранились мороженые олени туши. Тем ребятам, которые оставались на базе, когда мы с Вакаром уходили в маршруты, пришлось поработать изрядно. Оленей шло много, и настреляли их не меньше сотни. Времени было мало и поэтому замерзшие олени туши таскали в наспех построенный дом, не разделявая и даже не обдирая их. Из огромного штабеля во все стороны торчали ноги и рогатые головы.

Мы с Вакаром решили устроить в этом доме камералку. Кое-как растащили из одного угла олени туши, Павел Васильевич с Суздальским поставили легкую перегородку, а Миша Парыгин, мастер на все руки, соорудил из бочки печь. Смастерили стол и принялись за дело. Нужно было вычертить карту наших походов. Это было моей работой. Рисовал при свете самодельной коптилки, так как движок был только у Свирненко. Вакар заполнял пустые места в дневнике.

Время от времени мы прерывали работу и занимались оленями. Задача заключалась в том, чтобы извлечь из мерзлой оленьей головы язык, поскольку язык был лакомством, а все прочие члены экспедиции или этого не понимали, или не желали трудиться.

Мы выбирали из штабеля глядящего на нас оленя и первым делом пытались отделить голову. Вакар держал за рога, благо рога у оленя были, и давал указания, а я рубил топором. Поскольку все это делалось в полумраке, причем стоять, как правило, приходилось, балансируя на выступающих из штабеля частях туш других оленей, работа шла медленно. Из-под топора летели мелкие брызги мерзлого, как кость, мяса вперемешку с осколками самих костей. Часа через полтора-два жаркой работы голова все же отделялась. Однако это было не самым трудным делом. Отрубив ненужные рога, нужно было достать язык. Рубить топором по зубам не имело смысла, так как при этом искрошишь и самое лакомство. Вакар запикивал искромсанный обрубок головы в горящую печь и пытался ее разогреть до мягкости. Тогда к каменноугольному дыму примешивался запах паленой шерсти и горелого мяса. Мясо горело только с поверхности, а язык все равно был недоступен. Мы кипятили воду и поливали ею голову. Голова становилась склизкой с поверхности, но по-прежнему мерзлой. Обычно в это время нас приглашали обедать. Пообедав и отдохнув, мы принимались за дело снова. То ли от тепла наших рук, то ли от воздействия разных иных термических способов обработки, голова все же размягчалась, и драгоценный язык извлекался. Мы тут же варили его в консервной банке, поедали без хлеба и шли ужинать. Так проходили будничные дни.

XI

В первой половине декабря к нам вышли из Усть-Таймыра вездеходы. Это были автомобили марки ЗИС-5, прославившейся в войну. Вместо задних колес к ним были приделаны короткие гусеницы. Передние колеса конструктивно не менялись. Они вязли в снегу, и их пришлось поставить на самодельные лыжи. Лыжами служили окованные бочечным железом обрубки толстых бревен, на которых стальными тягами были закреплены колеса. Машина стала хоть и не везде, но ходить, правда, очень медленно, только на первой скорости. Одним вездеходом управлял Петя Гладков, другим Слава Ясинский. Вездеходчики дошли до нас без особых затруднений, если не считать того, что у Черных Яров, на том же перекате, где мы остались без бензина в первом катерном походе, они лишь случайно не провалились под лед. Стояла середина декабря, лед на озере достигал двух метров толщины, а у Черных Яров была полынья открытой воды. Видимо, она замерзает только во второй половине зимы. Тогда появляются наледи.

Несколько дней вездеходчики провели у нас, в бухте Ожидания. Я съездил за образцами на реку Оленью, а приблизительно через неделю Кошкин решил перебраться на основную базу экспедиции, на мыс Остен-Сакен. Вместе с ним отправлялись мы с Вакаром, Сергей Знаменский и еще несколько человек. Продуктов, которые привезли на вездеходах, было очень мало, и поэтому на озере оставался только очень небольшой коллектив, состоявший главным образом из гидрологов, которые должны были с приходом весны начать промеры.

Кузов вездехода был накрыт брезентовым тентом. В нем было темно и холодно. Ехали очень медленно. Для того, чтобы согреться, почти непрерывно шли пешком по вездеходной колее. Питались котлетками, загодя нажаренными из оленины. Мерзлую котлетку нужно было опустить на несколько минут в кружку с горячим чаем. От этого она становилась теплой и пышной. Чай же становился более похожим на суп, что было неплохо, но он очень быстро остывал, а поскольку котлетки жарились на оленьем жире, на

поверхности постоянно плавали лепешечки стылого жира. Для того, чтобы чай был по возможности теплым, приходилось больше пить и меньше есть.

В пути больше всего неприятностей причинял бензин: хотя его заливали в баки вездеходов, тщательно фильтруя, в нем все же оставались кристаллики льда. Эти кристаллики намерзали изнутри на медных трубках бензопровода, и мотор глох. Спирт для антифриза Кошкин не давал, разумно полагая, что его все равно выпьют, поэтому в радиаторах была обыкновенная вода. Морозы стояли около 40°. Воду приходилось немедленно сливать в ведра, как только мотор останавливался. Включались паяльные лампы, и вода непрерывно подогревалась. В этой воде отогревались трубки бензопровода, их продували, прочищали и ставили на место. Металл моментально остывал, а работать с ним нужно было голыми руками. От капли замороженного бензина, попавшего на руку, сразу же вспухали белые водянистые пузыри. Для того, чтобы завести двигатель, через радиатор и всю систему охлаждения непрерывно лили горячую воду до заметного разогрева мотора. Потом в течение нескольких минут нужно было бешено крутить заводную ручку двигателя. Если попытка не удавалась, воду сливали, и все начиналось сначала.

Ехали не меньше недели. Уже вблизи Усть-Таймыра вездеход Славы Ясинского окончательно сломался. Груз, который в нем был, частично перегрузили в Гладковский, сломанную машину оставили на льду Таймыра, а сами пошли пешком на полярную станцию. Гладков освещал своими фарами дорогу и кое-как добрались.

Полярную станцию построил своими руками ее начальник, дядя Федя Зуев. Он был личным приятелем Ивана Дмитриевича Папанина, и поэтому материалы для строительства использовались самые добротные. Для нас полярка была чудом. Там было тепло, светло и очень уютно. В кают-компании много книг, музыка и даже кино. Как только мы пришли, дядя Федя отправил нас в баню. Это было высшим блаженством, наслаждение благодатным жаром, исподволь проникающим во все клеточки перемерзшего тела.

В пути мы обогривались только паяльной лампой, а у нее был очень резкий градиент тепла. Около синего гудящего пламени нестерпимый жар, а на расстоянии метра уже мороз. В бане же тепловой градиент был равен нулю. Во всем ее закопченном пространстве одинаково парко и знойно. Паяльную лампу в дороге жгли редко, только на стоянках. В кузове вездехода, под тентом, было много груза, и тому, кто пытался сидеть, приходилось забираться под самую крышу. Если в таких условиях разжигалась лампа, то становилось нечем дышать. Иногда приглушали лампу до самого маленького пламени. Тепла от этого пламени почти не было, жгли лампу только для света, но тогда с кончика маленького язычка красноватого огня непрерывно стекала вверх струйка черной жирной копоти. Эта копоть хлопьями плавала в воздухе, проникая повсюду. В парной бани у дяди Феди она смешивалась с потом грязного тела, образуя черные резиноподобные катышки.

После бани нас пригласили на ужин. Пища готовилась из тех же продуктов, которые были и у нас и к которым мы привыкли. Тот же соленый голец, та же оленина во всех видах. Но эта пища подавалась на стол в белоснежных тарелках с голубым полярным флажком на донце, и от этого она становилась изысканной. Нам дали настоящие вилки, и самый вид этих вилок умилял и радовал. Еду приносили нарядные женщины, и они казались ангелами, а сама еда была пищей богов, никак не сравнимой с мерзлыми котлетками в кружке холодной бурды, именовавшейся в нашем походном быту чаем.

Нас уложили спать в сверкающей чистотой комнате летчиков. Полярная станция была рассчитана только на обслуживание гидросамолетов, и поэтому зимой эта великолепная комната пустовала. Впервые за полгода мы спали не в провонявших псиной спальных мешках, а на настоящих кроватях со свежим ароматным бельем и под роскошными верблюжьими одеялами, специально изготовленными для Крайнего Севера и в

знак этого украшенными изображениями якорей, голубых вымпелов и прочего полярного арсенала.

Блаженство, однако, длилось недолго и, видимо, только вследствие этого сохранилось в памяти как блаженство. Раем казалась обыкновенная станция с будничным однообразием полярной ночи, а ангелами были обыкновеннее сварливые тетki со своими мелкими обидами и склоками, столь типичными для зимовок на «полярках». Скорее всего, именно мы, грязные, обросшие и вживе пришедшие из таинственной и страшной для них ночной тундры, казались им героями, а потно-сажисто-бензиновая вонь нашей прокоптевшей одежды казалась божественным ароматом.

ХII

Через день или два мы отправились на базу. Она представляла собой большой деревянный дом, купленный еще в Архангельске. Во время авральной разгрузки «Дежнева» бревна, составляющие этот дом, были в беспорядке сброшены прямо на лед. После того, как мы с Вакаром отправились на Таймырское озеро, ребятам, оставшимся на Остен-Сакене, пришлось изрядно поработать. Лишь часть наиболее ценных грузов удалось переправить на берег катерами. Цемент, кирпич, доски и прочие стройматериалы остались на льду. Когда снятый с мели «Дежнев» ушел, жить пришлось на берегу в палатках. Зимовать в палатках было рискованно, и поэтому, как только море замерзло, начались пешие походы к месту разгрузки за бревнами. От берега это было довольно далеко — километров пятнадцать-двадцать. Ближе «Дежнев» не мог подойти из-за мелей. Для вездеходов лед был еще тонок, и поэтому весь дом перетаскали на себе.

Площадь дома была не больше, чем 8×9 метров. По длинной оси он был разделен на две половины, а каждая половина состояла из трех комнат размером 3×4 метра. Одна половина была привилегированной. Первая комната этой половины была столовой. К ней снаружи примыкала фанерная будка-кухня. Во второй комнате размещалась рация. Там жил только один человек — мрачноватый от вечного недосыпа радист Саша Меншуткин. Это был единственный человек в экспедиции, у которого действительно было очень много работы. Кроме оживленной официальной переписки, через него шли все наши личные телеграммы, и поэтому почти круглые сутки в его комнате попискивала морзянка. В случае надобности в этой же комнате устраивал операционную наш доктор Андрей Корнеич, лечивший преимущественно чирьи и ссадины; или тренировался в зубодерном искусстве кошкинский заместитель Костя Михайлов. В третьей комнате этой половины дома жило начальство. У них были двухэтажные нары. Все прочие жили во второй половине дома. Всего в экспедиции было около семидесяти человек, и если полагать, что начальства было человек десять, то на каждую комнату «плебейской» половины приходилось около двадцати человек. По всему периметру каждой комнаты были установлены трехэтажные нары. Даже над дверью кто-нибудь спал. В средней комнате посредине стояла железная печка, сделанная из бочки и всегда увешанная валенками или портянками. В ближней от входа в дом комнате никакой, кроме нар, мебели не было, поэтому там всегда было сыро и натоптано, а в угловой, дальней от входа, стоял стол, вечно занятый преферансистами.

Самым неудобным местом были нижние нары. На них пытались сидеть все жильцы и все гости, так что там было всегда так же тесно, как в трамвае в часы пик. Жили там или немощные и больные, которые не могли лазать по верхам, или, реже, сильные и способные растолкать многих. Средние нары были для здоровых и ленивых. Там можно было только лежать. Верхние нары были самыми удобными. Там можно было не только лежать, но и сидеть, свесив ноги над головами преферансистов. Однако и этот этаж имел свой

недостаток. Дело в том, что из-за дефицита времени и стройматериалов наш дом не имел крыши. Кое-как успели настелить только потолок, который сразу же завалило сугробом снега. Снег от внутреннего тепла жилища постоянно подтаивал, и поэтому с потолка всегда капало. На этом же потолке, поскольку он был холодным, конденсировались и капали вниз все людские пары и запахи, а их было немало. Именно поэтому верхние нары до нашего приезда оставались незанятыми. Я успел захватить самую крайнюю верхнюю нару в комнате с преферансистами на внутренней стенке дома. Тем, кто хлопал ушами, пришлось жить на внешней. Дом был практически неконопаченым (нечем и некогда), и они, жалкенькие, еженощно примерзали к этой стене. Очень быстро сообразив, как избавиться от капели, я прибил к потолку над собой лист фанеры с таким расчетом, чтобы потолочная вода стекала к центру комнаты, прямо на стол преферансистов. Вначале были бурные протесты, но потом большинство признало, что так поступать разумно. Преферансисты подставляли под струю разные шайки или просто так отмахивались от капель руками. Моему примеру вскоре последовали все жильцы-потолочники.

Все было бы хорошо, но лист фанеры имеет длину меньшую, чем нара, поэтому на швах все равно капало. Мы перекрывали каждый шов новым листом фанеры, постепенно превращая потолок в некое подобие капустного листа и очень быстро извели практически всю экспедиционную фанеру, которую Кошкин берег и которая действительно представляла собой большую ценность.

ХIII

Рядом со мной, голова к голове, жил *Вася Федухин*, молодой архангельский парень, работавший техником, кажется, у топографов. После зимовки он устроился работать в архангельском аэропорту на Кегострове. Года через два-три стал диспетчером и важным человеком. Прямо подо мной на нижних нарах жил писатель *Михаил Макарович Марьянков*. До зимовки он издал несколько книжек и был принят в Союз советских писателей. Его так и дразнили: «сосопи». В экспедицию Макарыч устроился техником, надеясь собрать материал для новой книги. Зимой у него обострилась язвенная болезнь, медицинской помощи не было практически никакой, и он часами сидел на корточках, забившись в угол своих нар и прижав к животу кирпич, нагретый на печке. Не знаю, написал ли он что-нибудь, вернувшись с зимовки, но писать пытался. Поздно ночью, когда стихал гвалт и гомон, у него горел свет, слышался шорох бумаги и тоскливые вздохи.

Ночью наше жилище преображалось. Общий свет выключался рано, часов в 9 или 10. Нашей маленькой электростанцией (движок Л-3 или Л-6) командовал один человек — механик *Паша Плечов*, и он, естественно, не мог работать больше 12 часов в сутки. Как только общий свет гас, все переходили на индивидуальное освещение. Разными способами добывали батарейки на несколько вольт напряжения и напайвали гирлянды лампочек, кто сколько мог. Такой светильничек, подвешенный где-нибудь в районе собственной головы, освещал очень небольшую область пространства. Тем не менее, читать с таким светом было вполне возможно. Делалось это «со всеми удобствами», лежа в мешке.

Слабенькие огоньки горели почти на всех койках, и эта иллюминация живописно выхватывала из мрака отдельные детали нашего быта, создавая странную и причудливую пестроту. Кроме голов, рембрандтовскими мазками контрастно высвечивались складки висящей одежды, где-то ярко блеснул бок консервной банки, прибитой в качестве пепельницы тоже у изголовья, в другой ячейке, прямо над головой читающего, висел на куске оленьего рога какой-нибудь очень нарядный нож рядом с биноклем и прочим навесным снаряжением, в третьей улыбалась яркая красotka, вырезанная из журнала, украденного на «полярке», сизыми струями тек махорочный дым, было покойно и тихо, а вся остальная вселенная представляла собой черную и непроглядную мглу.

Читали много. Книги брали на полярной станции, в великолепной тамошней библиотеке. Библиотекарем была Райка Выдрич, наша спутница по плаванию на «Дежнев». Однажды, уже ближе к весне, в светлое время эта Райка пришла к нам в гости. Однако в дом ей войти не удалось. За зиму вокруг дома намело огромный сугроб снега. Между домом и сугробом была довольно узкая щель, где снегу почти не было. У входа в дом в сугробе был прорыт туннель. Стенки этого туннеля на высоте до метра от основания так же, как и ближайшая к входу в дом часть снежного сугроба, были оранжево-желтого цвета и имели четко выраженную ноздревато-струйчатую поверхность. Поскольку, как было сказано, у строителей дома не хватило материала даже на крышу, то, тем более, его не хватило на устройство уборной, надобность в которой представлялась очень сомнительной. В силу этого снег и имел упомянутую окраску. Райка не смогла преодолеть эту преграду. Как только она дошла до туннеля, сразу же повернула обратно. Сначала пыталась попасть в дом, минуя туннель, прямо по сугробу. Однако спуск с этого сугроба ее остановил столь же определенно. Она забралась по сугробу на нашу плоскую крышу, погарцевала там немного и отправилась восвояси.

У нее в библиотеке я откопал чудесную книгу о Грине. Не помню ее автора, но называлась она «Волшебник из Гель-Гью». До войны Александр Грин считался упадническим писателем и был в запрете. О нем мало кто знал. Книжка же показалась удивительной. Она была о человеке, к которому прилетал ворон и приносил письма. Этот человек любил елочные украшения и фейерверки. Он курил дешевые папиросы и был влюблен в глухонемую женщину. Редкие встречи с глухонемой были всегда таинственными и странными. Иногда она являлась ему задорной и болтливой хохотушкой, хотя Грин-то знал, что она глухонемая. В другой раз она оказалась на манеже цирка и была блестящей артисткой, бесстрашно исполнявшей головокружительный номер. Она была сестрой милосердия, и Грин увидел однажды ее портрет среди фотографий других женщин, одетых в костюм сестер милосердия и погибших на германской войне. Он написал тогда под портретом белые стихи, и этими стихами кончается книга.

«Молодость и красоту нельзя убить.
Неисправимо добро.
Зло таланта не имеет».

Эту книгу читали звероподобные жители нашего логова со слезами на глазах. Ее читали по несколько раз, часто вслух и знали почти наизусть. Другой книжкой, пользовавшейся такой же популярностью, был «Юконский ворон» Сергея Маркова. Сейчас трудно отчетливо сформулировать, что же прельщало преимущественно в этой книге. То ли образ Загоскина, то ли образ его спутницы и подруги — индианки Ке-лу-лын. Между тем, ее все читали запоем и тоже по несколько раз, и не было никого, кто остался бы к ней равнодушен. Через несколько месяцев, уже дома, в Ленинграде, я с упоением рассказывал Любе об этой книге, специально разыскивал во всех магазинах и случайно обнаружил у одного старьевщика. Люба прочла ее, и, к моему удивлению и огорчению, эта книга ее отнюдь не взволновала. У нее тоже была какая-то любимая книга, которую она прочла за время нашей разлуки. Я ее тоже прочел, и она тоже показалась мне посредственной. Оказывается, что среди обыкновенных книг нет ни хороших, ни дурных. Они воспринимаются только на вполне определенном жизненном фоне, и только этим фоном определяется и наше отношение к книге, и ее воздействие на нас.

Кроме чтения, моим обязательно-привычным, как молитва, сумеречно-ночным действием было тоскливо-ожидательное слушанье морзянки, которая почти непрерывно попискивала совсем рядом, за стенкой. Постоянно не хватало вестей из дому, и поэтому

мучительно хотелось самому, как голос, услышать и понять свой позывной: та-та-та-ти, ти-та, ти-та-та-та, та-ти-та.

Эта болезнь была, наверное, очень распространенной, потому что многие увлекались изучением азбуки Морзе. Были построены самодельные зуммеры-пищалки и телеграфные ключи. Тренировались упорно, но достичь профессиональной скорости приема так и не удалось. В непрерывной торопливости звуков успевал различить только отдельные буквы, или, в лучшем случае, слова. «Свой позывной» так никогда и не удалось услышать, хотя радиограммы изредка все же приходили, причем всегда неожиданно и по-будничному просто.

На стенке, расположенной перпендикулярно моей, на нижней полке жил Димка Поспехов, десантник и герой войны, считавшийся самым сильным человеком на зимовке. Это был рослый малый и, как многие сильные люди, очень добродушный и приветливый. В отличие от большинства наших полярников, вечно обросших и грязных, Димка был всегда чисто выбрит, а стираная и перестиранный солдатская гимнастерка, которую он носил, сидела на нем ладно и прочно. Грудь у Димки была широкая и крутая, и он, как на фронте, постоянно носил на этой груди все свои многочисленные ордена и медали, никогда не снимая их и не пряча от людей. Когда он работал что-нибудь, весь этот металл мелодично и тихонько позванивал на его груди, и тогда на него было весело и радостно смотреть.

Димка очень любил петь. Самой любимой песней была песня про заветную грушу у колодца, про свою синеглазую и про счастье, которое надо обязательно вернуть ей, синеглазой, после Победы. Песня начиналась так:

«У колодца заветная Груша,
часто видишься ты мне во сне,
твое имя, любя, на полянке
я ножом вырезал на сосне».

Петь любили многие и пели часто. Собирались обычно в средней комнате, там, где печка. В центре комнаты, рядом с печкой, увешанной портянками и валенками, размещался с аккордеоном наш постоянный аккомпаниатор, бывший военный матрос Ваня Штерн, так же, как и Поспелов, никогда не снимавший со старой форменки своих боевых наград. На нарах вокруг, кто лежа, кто кое-как приткнувшись, устраивались постоянные певцы, робкие любители и просто так, люди. Послушать. Пели чаще всего задушевные фронтовые песни, причем обычно не те, которые всем известны и всегда исполняются по радио, а настоящие, народные. Земляночные и самодельные. Таких песен было очень много, и все они сродни тюремным своей тоскливо-раздумной певучестью, своеобразной мелодичностью и простодушно трогательным текстом. Иногда Ваня Штерн пел соло, причем все больше про Ленинград и ленинградцев:

«Не брани, что иногда украдкой
Буду я слезинку утирать.
Я зовусь недаром ленинградкой, мы умеем все переживать».

Когда к нам прилетел первый самолет и все убежали на полярку встречать его, этот *Ваня Штерн* забрался в экспедиционный склад. На зимовке, кроме него, оставался только наш доктор Андрей Корнеич. Доктору пришлось выйти из дому, и он увидел, что дверь склада распахнута нараспашку. Доктор решил проверить, в чем дело. Заглянув на склад, он увидел Ваню Штерна, закусывающего у бочки со спиртом. Ваня был немного пьян и побратски предложил Корнеичу позавтракать. Корнеич осторожно увел его домой. Ваня, конечно же, не собирался грабить склад. Просто стало очень грустно от того, что прилетел самолет, кто-то отправится на материк, кто-то получит письма, а он, Ваня, совсем-совсем

один со своей памятью о ленинградцах и погибших в Ленинграде. Вот и решил выпить. Кошкин же счел ситуацию недопустимой и, устроив грозное собрание, отчислил Ивана из экспедиции, передав дело о хищении в диксоновскую милицию. Я улетел вторым рейсом в начале мая 1947 г., и этим же рейсом на Диксон вывезли Ваню Штерна. На аэродроме его встретили двое парней с пистолетами у пояса и отвели в милицию. Минут через 20 он вернулся к нам. В милиции Ваню расспросили, он все по-честному рассказал, и его прогнали. Ваня устроился работать где-то на Диксоне, и следы его пропали.

А *Димка Поспехов* погиб здесь же, на Остен-Сакене, через несколько месяцев, когда меня уже не было. Он очень любил компот из ткемали. Пол-литровые банки этих кисленьких ягодок выдавались в счет зарплаты, и Димка брал их ящиками. Хорошо помню, с каким удовольствием он ел этот компот, сплевывая косточки. Видимо, одна из таких косточек проскочила в кишечник, и у Димки случился аппендицит. Санрейсом его вывезли на Диксон, сделали операцию, и он вскоре поправился. Однако зимовка сказалась; чувствовал он себя неважно, и в экспедиции ему работать не разрешили. Можно было бы сразу же ехать домой, но осенью через Диксон в Усть-Таймыр шел пароход, и Димка решил заехать в свою экспедицию, попрощаться с товарищами, забрать свой чемоданчик и вообще, просто так, прокатиться. На Остен-Сакене во время разгрузки парохода пошел на охоту и где-то совсем недалеко от дому заблудился.

В тундре заблудиться очень легко. Она только кажется ровной и плоской. На самом деле всегда есть небольшие неровности рельефа, и в этих пологих и очень похожих друг на друга неровностях все теряется. Кажется, что видно далеко-далеко, а дома все нет и нет...

В суматохе разгрузки о Димке забыли и хватились только тогда, когда ему надо было садиться на пароход. Начали искать, но так и не нашли. Известно только, что он выходил к триангуляционному знаку, вершина которого отлично видна из нашего дома. Он пытался настругать стружек от бревен этого знака и разжечь костер. Эти стружки вместе с полуобгорелой бумагой, которую нашли тут же, были вполне сухими и должны были бы непременно разгореться, однако, видимо, у него кончились спички и попытка не удалась. Вскоре пароход ушел, и поиски прекратились. Не нашли даже труп.

Кроме лиц, уже упомянутых, в нашей комнате жили *Волька Токарев*, *Степа Младших* и очень колоритная фигура — экспедиционный повар *Боря Мышкарев*. Поваром он стал только в экспедиции, сменив на этом посту крупного специалиста, нанятого Кошкиным и работавшего до этого в ресторане гостиницы «Астория». В ресторане он был специалистом по соусам, а в экспедиции пришлось переквалифицироваться на пшенку. Мало того, что из этого ничего не получилось. Еще на «Дежнев» он так зарос грязью и был таким неряхой, что после нескольких попыток сварить для всей нашей братии суп из своих собственных штанов, был с позором изгнан с кухни. Его место и занял Боря, парень из тех солдат, которые все могут и все умеют. Единственной Бориной бедой было безудержное пристрастие к выпивке. Выпивки же всегда не хватало. Кошкин устроил на зимовке сухой закон, что было вполне благоразумно. Любители иногда тайком заваривали брагу; но Боря, в соответствии со своим постом, был всегда на виду и поэтому выпивать мог преимущественно легально. Легально выпить можно было только в силу крайней необходимости. Даже легкая простуда не считалась основанием для получения спирта, а тяжелых форм у нас не бывало. Спирт мог служить лекарством только в случае острой зубной боли. Больной получал полную кружку неразведенного, а беспокоивший его зуб удалялся. Почему-то рвал зубы не доктор, а заместитель Кошкина по хозяйству Костя Михайлов. Конечно же, операция проводилась без всякой анестезии, но боль есть боль, и все это понимали. К весне следующего года Боря таким способом выдрал почти все зубы.

Летом его вывезли на «Каталине» на Диксон и сделали протезы за казенный счет. После этого зубы уже не болели.

По вечерам, откормив народ ужином, Боря любил поиграть в преферанс. Играя, часто мечтал вслух. Мечтать вслух о том, что будет после зимовки, не считалось заторным. При этом часто ожесточенно спорили, чья мечта лучше. В формуле таких дискуссий всегда стоял один и тот же вопрос: кто и зачем приехал зимовать на этот Самый Крайний Север. Большинство вернулось с войны в разоренный Ленинград, и поэтому почти у всех ничего не было. Вполне приличной считалась мечта купить красивый костюм и галстук. Это называлось «одеться». Некоторые мечтали солиднее: «куплю дом в Вырице и разведу кур». У Бори же была одна, но пламенная страсть: «вернусь на материк, куплю патефон и водки». Говорят, он так и сделал, когда вернулся. Водку ему привезли в каком-то крытом автомобиле-фургоне. Тем самым очень важный процесс перевозки был необдуманно скрыт от людей. Увидев это, Боря рассвирепел и потребовал вновь привезти ему эту водку на тачке.

В то время были в обиходе еще довоенные тачки с двумя очень большими колесами и горизонтальной деревянной платформой, укрепленной на рессорах над осью тачки на высоте около метра над землей. Тачку катили перед собой, держа рукоятку на уровне пояса. Такими тачками пользовались дворники, рабочие в магазинах и просто разный люд «на подхвате». Вот на такой-то тачке Боря и приказал привезти свой товар, требуя сделать это так, чтобы тачку непременно катил человек в белом фартуке и с медной бляхой на груди. Ящик водки на такой тачке выглядел внушительно, и всем было ясно, что эту водку везут человеку, вернувшемуся с Крайнего Севера, и этот человек — наш Боря.

Вставал он на зимовке раньше всех и готовил завтрак. Питались на Остен-Сакене значительно скромнее, чем у нас на озере. На озере было вволю мяса и рыбы, а жители Остен-Сакена, занятые полевыми работами, разгрузкой «Дежнева», строительством дома и прочими заботами, не успели ни наловить рыбы, ни заготовить оленей, которые еще осенью ушли с побережья на юг. Ели только то, что полагалось по норме, а полярная норма питания, сильно урезанная во время войны, была скудной, рассчитанной на сидячий образ жизни работников полярных станций.

На завтрак подавался чай, две-три ложки каких-нибудь консервов, чаще всего перемороженная рыба в томате или баклажанная икра на донышке миски, маленький кусочек масла и три или четыре кусочка сахара. Хлеб был без нормы. Хлеб Боря пек великолепный, и это была главная наша пища. На завтрак многие не ходили, продолжая досматривать сны и загодя передавая право на свою порцию баклажанной икры менее сонливым. Получивший такое право должен был принести спящему несколько кусков ненормированного хлеба, который появлялся на столе в кают-компании только в течение официально установленного распорядком дня времени завтрака. Кошкин регулярно проверял, убрал ли Боря со стола хлеб после завтрака, надеясь утвердить таким способом распорядок и укрепить дисциплину. Однако из этого ничего не получилось. Сахар и масло выдавались в счет зарплаты практически без ограничений, и поэтому в изобилии снабженные хлебом лентяи завтракали, когда им заблагорассудится, не вылезая из своих мешков. Неплохо себя чувствовали и те, которые ходили на завтрак, потому что удавалось получить за счет сонливых две, а то и три порции.

После завтрака начинался рабочий день, хотя никакой работы, если иметь ввиду общественно-полезную деятельность, не было. Занимались только самообслуживанием. Приблизительно раз в неделю нужно было отдежурить на кухне. В наряд назначалось 5–6 человек. Главная задача дежурных заключалась в том, чтобы натаскать льду и перемыть посуду. Лед рубили на заливе, метрах в трехстах от дома. Летом и осенью, когда

организовывали базу экспедиции, вода в заливе была пресной. На полярной станции, расположенной непосредственно в устье Нижней Таймыры, она сохранялась пресной или слабо солоноватой в течение всей зимы, а мы жили в семи километрах мористее, и поэтому после перемерзания Нижней Таймыры вода становилась соленой и непригодной не только в пищу, но и для умывания. Лед, замерзший еще осенью, был совершенно пресным. Рубили его большими глыбами и на нартах возили в дом, загружая в железные бочки из-под горячего, стоявшие в теплом тамбуре у входа на кухню. Там было очень тесно и поэтому размещалось всего две бочки, емкостью по 150 литров каждая.

Заготовка льда велась ежедневно, вне зависимости от погоды. В ясные дни, при прозрачном свете полярного сияния, было еще сносно, а в пургу эта работа граничила с героическим подвигом. Ее успех во многом определялся добросовестностью предыдущих дежурных. Если они заготавливали достаточно много льда и к утру в бочках оставалось хотя бы на треть воды, вся операция могла быть выполнена за один прием. Лед уминался в воду до тех пор, пока все пространство между отдельными глыбами не заполнялось водой. В этом случае объем смеси воды и льда заполнял бочку без промежутков, а накопленной водой тепла хватало для того, чтобы погруженный в нее лед с начальной температурой около 32–42° постепенно таял за счет конвекции. Если же воды в бочках оставалось мало, или совсем не оставалось, заполнявший их лед практически не таял. Вследствие этого вся «братия» рисковала остаться без обеда, а это было уже серьезно. Тогда начинался небольшой семейный скандал. Действующая смена ледовозов ругала предыдущую, те отыскивали виновных, и в возбуждение приходил весь дом. Принимались энергичные меры, при помощи паяльных ламп добывался необходимый минимум воды, но скандал не утихал, по крайней мере, до обеда. Во избежание этого в заготовке льда постоянно участвовало не менее 15 человек. Действующая смена возила лед, предыдущая отругивалась, а последующая следила за тем, чтобы льду было достаточно.

Мытье посуды представляло собой менее серьезную задачу. Экономя воду, посуду мыли кое-как. Во внешнем ободке зеленых эмалированных кружек, выгнутом наружу, постоянно накапливались мелкие кусочки пищи, сплошь заполнявшие этот выгиб и превращавшиеся после подсыхания в твердую рогоподобную массу. Ее иногда выковыривали, но редко. Равич, брезгуя, решил пометить личную кружку и пользоваться только ею, считая, что собственные высохшие жевки приятнее чужих. Он отбил на ручке одной из кружек эмаль и просил Борю подавать ему именно эту кружку. У Бори на полке стояло около сотни одинаковых зеленых кружек и отыскивать в этой массе единственную Равичеву ему казалось делом, по меньшей мере, легкомысленным. Боря наставил на множестве кружек такие же метки, и, когда Равич требовал свою, он доставал ее без особых затруднений, предварительно покопавшись для демонстрации на своей полке. По крайней мере, каждая пятая кружка имела Равичеву метку. Обедали в две или три смены, потому что одновременно места для всех не хватало. К обеду обычно просыпались все. Успехом пользовались щи из сушеной капусты, заправленные американской свиной тушенкой. На второе обычно была какая-нибудь каша с ложкой той же тушенки. После обеда все «работы» прекращались и начиналось «личное» время. Многие занимались рукоделем. Курящие вырезали трубки. Газеты на зимовку не доставлялись, а специальной курительной бумаги не было, поэтому трубка была нужна каждому. Чубуки делались из буковых ручек для кайл. Они обжигались, морились марганцовкой, полировались и, вообще, украшались, насколько это возможно. Некоторые достигали при этом виртуозности. Особенно славились трубки экспедиционного охотника *Феди Огурцова*. Он делал чубуки в виде головы Мефистофеля, граненые, с изящно-плавными переходами линий, инкрустировал мамонтовой костью, украшал резьбой, мундштуки набирались из разноцветных зубных щеток или из мамонтовой кости, а самый кончик мундштука, который берется в зубы, из

эбонита, единственным владельцем которого был *Саша Мениуткин*. Буковое дерево легко колется и поэтому не годится для трубок. Обычно такая трубка выдерживала всего несколько дней или, в лучшем случае, две-три недели курения. В чубуке появлялась трещина, и приходилось все начинать сначала.

Серьезной работой считалось изготовление ножа. В этом деле также не было равных *Феде Огурцову*. Для того, чтобы сделать нож, нужно было сначала добыть у вездеходчиков рессорный лист или обойму большого подшипника. Материал разогревался в печке и тут же, приспособившись на какой-нибудь кувалде, его предварительно отковывали. Все это делалось в тесноте и в полутьме кубрика, около той же печки, где пели, курили и вообще жили. Потом заготовка укреплялась гвоздиками на дощечке и долго опиливалась вручную напильником. После закаливания в той же печке изделие нужно было отшлифовать, сделать ручку, ножны и все как следует украсить. В такой работе проходили многие часы. «Бразильский нож на росомаху», не годный ни для чего, кроме украшения, сделанный мною еще в ту зиму, до сих пор висит у Лены над столом. «Бразильский» потому, что это Рио-де-Жанейро, с солнцем, морем и пальмами, а «на росомаху» — потому что росомаха считалась самым страшным зверем в тундре. Говорили, что, хотя она и маленькая, но хорошо прыгает, норовя попасть при этом своими лапами человеку в живот, и раздирает его на все четыре части, по одной части на каждую лапу. Рваная рана в живот, как известно, смертельна.

Кроме наряда на кухню, был еще наряд за дровами. В этот наряд обычно назначали нас, студентов и техников. По иерархии мы были на «полдороге» между «работягами» и «начальством», а поездка за дровами считалась квалифицированным делом по сравнению с мытьем посуды. В доме почти непрерывно топились две печки, кухня и раз в неделю баня. В день сжигали около полукубометра дров, а вездеход брал не более трех, так что ездили, по крайней мере, раз в неделю или в 10 дней. На нашем берегу в ближайшей окрестности плавника почти не было, поэтому ездили к Медвежьему Яру, на противоположный берег Таймырской губы, километров за 30. Поездка занимала не менее 15–20 часов и обставлялась со всей серьезностью. Одевались потеплее, брали с собой запас горючего, инструмент, просто еду и НЗ. Особенно тщательно готовили паяльные лампы, единственный источник тепла и «спаситель» жизни.

Ездили только на вездеходе *Гладкова*. Вездеход *Славы Ясинского* стоял еще на льду Нижней Таймыры. У него полетела чашка сателлитов, и эту чашку старик *Андреев* вместе со *Славой* и другими механиками точили на полярке из отрезка кислородного баллона. У дяди *Феди* в мастерской был токарный станок, но у него сгорел мотор и точить пришлось вручную. Для этого токари поочередно и почти непрерывно прокручивали всю систему шестеренок на шпинделе, дергая до изнеможения за приводной текстропный ремень. Станок стоял на самоходе, резец продвигался со скоростью не более десятой доли миллиметра в минуту, но все же к весне эту чашку выточили, и потом еще долго *Слава* ездил на своем вездеходе.

Ездить за дровами было хотя и скучно, но все же это было мало-мальски настоящим делом. Вездеход медленно на первой скорости гудел впереди, а мы гурьбой брели по колею. Можно было любоваться полярным сиянием, слушать величественную тишину ночи и молча мечтать о чем угодно. Чтобы немного отдохнуть, иногда забирались в кузов, но там было очень темно и холодно. Поочередно занимали кабину, правда, без особого энтузиазма, потому что там было так же холодно, как снаружи. *Гладков* тоже часто бросал управление и брел рядом. На акселератор укладывалась кувалда, и вездеход шел самостоятельно. Иногда кто-нибудь садился за управление, но таких желающих обычно было мало, потому что от металлической баранки очень мерзнут руки.

Прибыв на место, начинали искать плавник. Теперь мы шли впереди, а Гладков освещал фарами своего вездехода скрипучий снег перед нами. Разбредались в стороны, приглядываясь к сумеречным теням на снегу. Сначала нужно было найти такое место, где снег в наибольшей мере сдут ветрами. На таких участках вмерзшие в песчано-илистый грунт бревна обнаруживались вполне отчетливо. Старались найти бревно потолще, потому что возни с ним столько же, сколько и с тонким, а объем соответственно больше. Внимательно и разносторонне обсуждалась каждая находка. Пытались определить по звуку, сухое ли найденное бревно и насколько прочно вмерзло в грунт. Сухое лежит выше, и с ним легче справиться. Составлялся план атаки. Обычно выдалбливали ломами в твердом, как вязкая сталь, мерзлом грунте лунку у одного из торцов бревна, заводили через эту лунку под бревно трос и пытались подрезать бревно этим тросом, закрепленным за гак вездехода. Если выбор бревна был удачным, это иногда удавалось. Часто, провозившись час или два над бревном, его приходилось бросать с великим сожалением и досадой. Как божий дар воспринималась находка бревна, один конец которого лежал на другом бревне или на камне, а в грунт упирался только противоположный конец. Легко отрывались бревна с явно выраженной трещиной, параллельной болони (периферический слой древесины). Такое бревно, особенно если оно было сухим, с треском разрывалось вездеходом вдоль. Большая часть шла в дело, а примерзшая болонь оставалась в грунте. Поиски бревен, их выкорчевка и погрузка занимали по меньшей мере 5–6 часов. Загружали вездеход «по пробку» так, что между бревнами и крышей тента пустого пространства почти не оставалось. Какая-нибудь «халтура» даже в голову не приходила. Хорошо знали, что, как только сожжем собранные дрова, самим же придется ехать снова, поэтому старались привезти за один прием как можно больше топлива и самого лучшего качества. Загрузившись, так же медленно ехали по своему следу домой.

Однажды на обратном рейсе едва не угорели насмерть Волька Токарев, Степан Младших и еще кто-то из ехавших с нами ребят. Я тогда ехал в кабине с Гладковым, а все ребята забрались под крышу вездехода, кое-как вклинившись между бревнами. Изрядная усталость брала свое, и идти пешком за вездеходом уже не было сил.

В какой-то момент времени где-то на половине пути опять засорилась проклятая трубка бензопровода, и мотор заглох. Пришлось вылезать и, не мешкая, приниматься за дело, пока двигатель не остыл. В кузове вездехода было подозрительно тихо, хотя необходимость срочных действий была очевидной и все должны были немедленно выскакать. Мы покричали. Никто не отозвался. Жутковатое подозрение холодком заструилось по коже. Спать на морозе нельзя даже усталым.

Мы вытаскивали ребят как тяжелые мешки, почти сбрасывая их с высоты кузова и бревен на снег. Руки и ноги у них были как у ватных игрушек. Они никак не реагировали на наши действия и, слабо постанывая, почти без движения лежали на снегу. Мы моментально разожгли паяльные лампы и согрели чай. От свежего воздуха у некоторых началась рвота. Только через час или два, непрерывно подогреваемые свежим чаем изнутри и синим жаром гудящих паяльных ламп снаружи, ребята ожили.

Причина отравления заключалась в неблагоприятном стечении ряда обычных и мало тревожных факторов. В соответствии с конструкцией, тент на кузове вездехода, который, по идее, должен был работать в средних широтах в качестве тягача небольшой пушки, был полностью открыт у заднего борта. Это делалось для того, чтобы расчет пушки мог быстро выскочить в случае необходимости. Мы же для тепла закрывали эту часть тента большим брезентом, закрепив его на крыше. Брезент свешивался ниже заднего борта и был почти над выхлопной трубой глушителя. Случайно создались такие соотношения между скоростью движения вездехода и направлением слабого встречного ветерка, что точно над глушителем

в этом брезенте образовался пузырь в виде рукава, идущего внутрь. Наверное, такая ситуация возникала часто, потому что в кузове всегда пахло выхлопными газами, смешавшимися с запахом горящих паяльных ламп, но обычно мы располагались в нижней части кузова, где-то вблизи пола, а в этот раз вездеход был так загружен, что ребята лежали на мерзлых бревнах, упираясь боками в брезент крыши. Здесь-то и накапливался теплый угарный газ.

Гибель от угара в зимнее время вообще стоит по числу несчастных случаев на втором месте после замерзания. На следующий год, когда меня не было, здесь же, на Остен-Сакене, угорели насмерть наш бухгалтер Суворов и один из механиков. Они жили зимой в кубрике катера, вытасченного на берег и по самую рубку занесенного снегом. В кубрике стояла маленькая печка и было, несомненно, уютнее, чем в нашем доме с трехэтажными нарами. Однажды вечером механик решил подзарядить аккумуляторы для освещения и запустил двигатель катера. Выхлопная труба этого катера выходила на крышу рубки в фальш-трубу (катер большой, лоцманский, почти как пароход), которая снегом не заносилась. Казалось бы, опасности не было никакой. Однако ночью пошел тихий снежок, выхлопную трубу забило этим снежком, и через фальш-трубу угарный газ стал проникать внутрь катера. На следующий день утром к бухгалтеру кто-то пришел подписывать накладную (или еще что-то). В кубрике горел свет, и вся обстановка была очень мирной. Бухгалтер лежал в постели, а механик сидел за столом, уронив голову на руки, как будто очень устал. Оба были мертвы.

Позже я много раз был свидетелем различных несчастных случаев. В некоторые годы, например, в 1953, число таких ЧП исчислялось десятками, приближаясь к числу бойцов батальона в обороне. При этом трагедия всегда разыгрывалась на фоне обычной, будничной и очень мирной ситуации. Именно мир и покой были главными причинами подобных несчастий, потому что мир и покой притупляют внимание и ослабляют бдительность. В бурю и шторм человек всегда собран. Его действия целенаправленны, и он обычно выходит победителем.

XV

Так до нелепости просто погиб рыбацкий каюр *Женя Журавлев* незадолго до нового 1947 года.

Рыбаки были второй самостоятельной организацией, расквартировавшейся рядом с нами на мысе Остен-Сакен. Они пришли вместе с нами на «Дежнев», вместе с нами выгружались и строились. В отличие от нашей безалаберности, у них все было ладно и все случалось именно так, как было задумано еще в Архангельске. Дом у них был с крышей и добротнo проконопачен. Рядом с домом маленький склад и собачий котух. Они даже баню собрали и милостиво разрешили нам пользоваться ею, правда, с условием, что лед и дрова мы будем заготавливать сами, в том числе и для них. Стояло все это рыбацкое хозяйство немного ближе к берегу, чем наше сооружение, у самого обрыва невысокой морской террасы. Дом у них был в одно окошко, благо летом света на Севере больше чем достаточно, а зимой это окошко и совсем не нужно.

Работали они втроем по договору с какой-то архангельской торговой организацией и в основном намеревались заниматься заготовкой рыбы, преимущественно гольца, неплохо ловившегося в те годы на перемет. Старшего этой артели звали Семеном. Был он краснолиц, толстоват, нос картошкой и, в отличие от многих наших бородачей, всегда чисто выбрит, возможно, в связи с тем, что бороденка росла жиденькая и несерьезная. Ходил Семен быстро, почти бегом, и весь он был быстрым, чуть суетливым, с типичным архангельским говором-скороговоркой. Второго рыбака звали Мишей. Этот весь зарос густой черной бородицей, и даже глаз не было видно под такими же черными густыми бровями. В отличие от Семена, он вообще не говорил, и голоса его я не помню. Семен и Миша собирались

заниматься только рыбой. Поскольку кроме товарной рыбы, естественно, наживку на переметах хватал и налим, от которого и проку-то, что только микса, то для утилизации этого налима, а также для прочих мелких дел артельно содержалась упряжка наловленных в Архангельске собак. Рыбу предполагалось ловить преимущественно в светлое время, а зима предназначалась для песцового промысла, считавшегося не очень серьезным, так как все зависело от множества случайностей. Вот эту-то работу и должен был выполнять со своими собаками Женя Журавлев.

Журавлев не был новичком в Арктике. До Таймыра он промышлял на Новой Земле, а его родной дядя работал каюром в Североземельской экспедиции Николая Николаевича Урванцева еще в 1929 г., так что, по крайней мере, теория полярных путешествий, хотя бы по разговорам, ему безусловно была хорошо известна. И вот однажды, приблизительно после обеда собрался Женя Журавлев на «полярку» отдать несколько килограммов сахара, который пришлось взять в долг во время разгрузки. Я был в то время у рыбаков и видел его едва ли не последним. Он был обут в оленьи липты, ватные брюки и ватник, подпоясанный широким ремнем, и именно так, совсем налегке, отправился в путь.

Ночевать домой *Женя Журавлев* не вернулся. Это не особенно встревожило, так как разные гости часто оставались ночевать на «полярке», но все же утром Семен приходил к нам и при мне просил нашего радисту *Сашу Меншуткина* справиться о Журавлеве. Связь с «поляркой» была редкой, только утром и вечером. В утренний срок Меншуткин или забыл о просьбе, или не придавал ей значения в суতোлке более важных дел. Вечером же выяснилось, что Журавлев на «полярку» не приезжал, и ни его самого, ни его собак никто не видел. Тогда сразу же началась лихорадочная организация поисковой экспедиции. Завели вездеход, и несколько человек любителей, в том числе я, вскочили в кузов. Было это часов в 10 вечера, или приблизительно через 30 часов после того, как Журавлев отправился в путь. Часа через два мы приехали на «полярку». Еще раз окончательно убедились в том, что Журавлева здесь не было. Тогда было принято решение вернуться немного назад, уйти с дороги, где было очень много следов, и поискать свежие следы нарты за пределами этой дороги. Очень скоро это удалось, и стало ясно, что Журавлев «проскочил» мимо «полярки». Следы его нарты миновали тот мыс, на котором стояла станция, и, почти не меняя направления, вышли в круглую бухту, располагавшуюся к юго-востоку от этого мыса. След был ровный, собаки бежали ровно и размеренно. Впечатление было такое, будто Журавлев и не думал заезжать на «полярку», а ехал все прямо и прямо, практически совсем не меняя курса, как будто именно так и был задуман весь его маршрут.

Совершенно необъяснимы были его действия на этом участке пути. Он ездил на станцию бесчисленное число раз, и его собаками была проторена к ней наезженная дорога. Многие думали, что он задремал на ходу и только поэтому проскочил мимо. Но в этом случае хорошо знавшие дорогу собаки непременно вынесли бы его к дому. Да и задремать-то на пути в семь километров, отделявших нашу зимовку от полярной станции, почти невозможно, едучи на собаках. Сам по себе этот путь очень короток, а застоявшиеся собаки, запряженные в практически пустую нарту, проскакивают его не более чем за тридцать-сорок минут. Журавлев безусловно управлял своими собаками, и только поэтому они прошли мимо «полярки», строго выдерживая заданное направление.

Через некоторое время, двигаясь все время по следу его нарты, мы вдруг заметили, что параллельно этому следу тянется другой такой же след, и тогда общая картина несчастья обрисовалась вполне законченно и определенно. Двигаясь все время по прямой, он проскочил мимо полярной станции и уткнулся в следующий мыс, расположенный не в 7 км от нашей зимовки, а в 50. Правильно поняв, что заблудился, он также понял, что находится на левом, западном берегу Таймырской губы и для того, чтобы вернуться домой,

следует ехать так, чтобы берег был слева. Именно так он и поступил, двигаясь все время вдоль берега и огибая бухту по периметру. Достигнув мыса полярной станции, он по касательной выехал на свой же след и погнал собак по этому следу, намертво затянув тем самым свою петлю. Мы насчитали, по крайней мере, три субпараллельных следа, косо пересекающих друг друга. Диаметр этой злосчастной бухты около 15–20 км, стало быть, он проехал по собственному следу, по крайней мере, 150–200 км, будучи твердо уверенным, что свежий след его непременно куда-нибудь выведет.

Много, очень много раз мне приходилось убедиться, правда, всегда с опозданием, что единственный способ, заблудившись, вернуться домой состоит в том, чтобы повернуть своих собак вспять и двигаться строго по следу, нигде не спрямляя и только «в пяту». Журавлеву, нашедшему санный след, несомненно, казалось, что он вот-вот выедет к какому-нибудь гостеприимному дому. След нарты даже ночью отлично виден по характерному отблеску, отполированному полозьями. Да и ночь-то полярная никогда не бывает очень темной. Света луны, звезд и полярного сияния вполне достаточно для того, чтобы уверенно видеть этот след. Нет сомнения, что, когда он выехал в третий раз на собственный след, уверенность в близости дома и спасения у него резко возросла, поскольку теперь перед ним был уже не просто след, но наезженная дорога, он гнал и гнал своих собак по замкнутой петле. Надо полагать, что и его собаки, идущие по собственному следу, совсем не подозревали о том, что этот след смертельно замкнут.

Сила привычки и некритическое отношение к тривиальным решениям сделали свое дело. В силу этих же причин мы также поступили опрометчиво, двигаясь по следу и даже не затруднив себя прикинуть, что вследствие разности в скорости движения мы никогда не догоним Журавлева. Наш вездеход, передние колеса которого поставлены на тяжелые обрубки бревен, именовавшиеся лыжами, двигался только на первой скорости, и эта скорость не превышала 3–4 км в час. Мы всю дорогу шли пешком и, несмотря на многослойную полярную одежду, легко поспевали за ним или, точнее, всегда опережали его, веером разбредаясь в свете фар в разные стороны и непрерывно прослеживая путь. Что же касается собак, то даже усталые собаки практически не могут идти шагом, и их средняя скорость движения, по крайней мере, вдвое больше средней скорости движения пешехода. Каюр, спрыгнув с нарты, должен бежать, и у него хватает дыхания не больше, чем на три-пять минут такого бега.

Поняв, что Журавлев движется по замкнутому кругу и что он не в силах вырваться из этого круга, мы должны были бы повернуть вспять и двигаться по его следу навстречу, а не вслед ему. Ясно, что в таком случае шансы на встречу существенно возросли бы, но у нас не нашлось никого, кто уяснил бы себе и другим необходимость осуществления этого маневра.

Мы брели и брели все по следу и по следу. Не менее чем через 10–15 часов мы дошли до южной оконечности бухты и повернули вдоль берега к северу. Приблизительно на середине пути между южным и северным мысами мы нашли журавлевскую нарту и его собак, лежащих на снегу. Собаки были живы, но почти совершенно неподвижны. Лишь у некоторых из них хватило сил немного приподнять голову при нашем приближении. Журавлев загнал собак до полусмерти и покинул нарту. Его собаки прошли без пищи и без отдыха не меньше 200 км, и это их обморочное состояние было естественным. Он выпряг и взял с собой только двух собак — вожака Буяна, большую вислоухую серую дворнягу, и белую с черными пятнами суку Пальму, вероятно, самую послушную и любимую. Мешочек с сахаром, который Журавлев вез на «полярку», лежал на нарте нетронутым. Это еще раз подтвердило мысль о том, что он в течение всего этого тяжелого пути постоянно надеялся, что спасение где-то совсем рядом и что дом, отдых и горячая пища должны ему встретиться сию секунду.

Поразительно и жутковато было то, что его следы уходили от нарты не к берегу, как должен был бы поступить любой разумный человек, а вглубь бухты. Он оставил свою нарту около самого обрыва береговой террасы, и стоило бы ему подняться всего на несколько метров и немного пройти вглубь тундры, как он увидел бы самолетный прожектор станции, который непрерывно жег дядя Федя Зуев с самого начала поисков. Мы проверили это и убедились в этом и долго обсуждали, глядя на этот свет маяка, почему могло случиться так, что Журавлев и не попытался отыскать этот свет, а ушел от берега, навсегда покинув его. Ведь очевидно же, чтобы увидеть свет, нужно попытаться подняться как можно выше, так как сверху виднее, а он ушел в открытое море.

Как-то возникла гипотеза сумасшествия. Мы были сами на краю изнеможения от усталости, и эта гипотеза росла и росла, постепенно как бы освобождая нас от моральной ответственности. Кому-то показалось, что Журавлев поморозил ноги, разулся и шел по снегу босым. Я видел этот след, он и сейчас стоит перед моими глазами. Может быть, так стоптались его липты, подшитые оленьими лбами, но след действительно был очень похож на след босой ноги. На передувках, сложенных сравнительно рыхлым снегом, в ярком свете вездеходных фар контрастно высвечивалась округлая пятка ступни и даже пальцы, как будто бы каждый в отдельности. Это было видно совершенно отчетливо, и тонкие струйки очень слабой поземки тихо и бесстрастно танцевали в этих жутких углублениях.

Мы даже не пошли по этому следу. Я помню, что сделал такую попытку, но вездеход неподвижно стоял на одном и том же месте, и никто не решился покинуть освещенное им снежное пятно со следами. Мы потолкались вблизи этого пятна около часа и, не сговариваясь друг с другом, поехали по своему следу обратно. В кузове вездехода уже кто-то разжег паяльную лампу, обогревая перенесенных туда на руках журавлевских собак, туда же затолкали нарты и упряжь, и можно было ехать подремывая.

Только нашей крайней усталостью можно объяснить, но не извинить то, что мы оставили Журавлева на льду, возможно, еще живого. Мы прошли пешком перед вездеходом не менее 50–60 км без отдыха и без глотка пищи. Вся наша поисковая экспедиция была очень плохо организована, точнее сказать, она была совсем не организована. Мы собирались лихорадочно и как на прогулку, не взяв с собой ни пищи, ни спальных мешков. Мы все вместе брели перед вездеходом, хотя сейчас совершенно ясно, что следовало бы разбить нашу поисковую группу на две-три вахты с тем, чтобы только два-три человека шли перед вездеходом по следу, а все остальные отдыхали в крытом кузове, поддерживая там тепло.

В случае спонтанного, неуправляемого поиска это сделать невозможно, так как все находились в равном положении и никто не мог покинуть свой пост и залезть в кузов вездехода. Точнее сказать, залезть-то можно было, но он мерзлый, этот кузов, и там никто не задерживался надолго. Не было морального права разжечь паяльную лампу и отдохнуть хотя бы два-три часа, поскольку все остальные товарищи, столь же усталые, по-прежнему бредут впереди.

Мы все, так же как и Журавлев, постоянно надеялись на протяжении всего этого похода, что он вот-вот найдется. Именно это и не позволяло сделать хотя бы кратковременную остановку для отдыха. находка собак привела к психологической разрядке, что лишь усугубило физиологическую усталость, и мы уехали.

Журавлев, видимо, покинул своих собак тогда, когда увидел свет фар нашего вездехода, выехавшего в его бухту из-за мыса полярной станции. Его собаки неоднократно ложились и до этого, и он всякий раз их поднимал после короткого отдыха. Это было отчетливо видно по следам. Случилось так, что мы выехали из-за мыса именно тогда, когда его нарта двигалась вдоль берега к северо-западу, то есть почти навстречу нам. Он увидел свет наших фар правее линии своего следа и сразу же бросил смертельно усталых собак,

намереваясь дойти до этого света пешком. Нас разделяло в тот момент расстояние в 15–20 км, равное диаметру бухты, а на таком расстоянии невозможно быстро различить, движется ли свет или он неподвижен. Если бы Журавлев выждал хотя бы час, непременно выставив створы в направлении на свет, то по углу между этими направлениями в начале и в конце срока можно было бы определить и направление нашего движения и скорость. В этом случае он обязательно должен был повернуть собак вспять, и мы бы встретились где-то около юго-восточного мыса бухты. Этого не случилось потому, что Журавлев ожидал встретить неподвижный свет из окон дома и к этому свету шел. Если он действительно вышел в тот момент, когда фары нашего вездехода засветили ему из-за мыса полярной станции, то это значит, что до этого он ехал без пищи и без отдыха не менее тридцати часов. Мы брели по следу от этого мыса до места находки нарты не менее десяти часов, и, стало быть, Журавлев, если бы он был жив к этому времени, должен был бы идти без сна около сорока часов кряду. Может быть, это просто запоздалое утешение собственной совести, но, скорее всего, что преодолеть эту усталость он не мог. Он упал где-то на льду в центральной части бухты и больше не поднялся. Это теперь, через тридцать пять лет после случившегося, неопровержимо ясно, что мы могли и должны были найти его, если бы действовали благоразумно.

Говорят, Арктика считается сейчас освоенной, однако нет сомнения, что она остается все той же Арктикой, все той же страной белого безмолвия, и, к сожалению, время от времени в разных местах этой страны блуждают изнемогающие от усталости люди в призрачно-сумеречном сиянии ее полярной ночи. И если и теперь еще случается так, что поисковые группы не находят заблудившихся, то это значит только то, что группы действовали неблагоразумно.

Дня через два или три после нашего возвращения на полярку приплелся предельно измученный Буян, одна из тех двух собак, которых взял с собой Журавлев, покинув нарту. Дядя *Федор Зуев* поселил его в теплых сенях своего дома и ни о чем не спрашивал. А приблизительно через три месяца, уже в светлое время, когда отремонтировали вездеход *Славы Ясинского*, и большая группа наших ребят в сопровождении двух вездеходов отправилась вверх по Нижней Таймыре на Озеро и достигла траверза той самой бухты, где погиб Журавлев, к ним вышла Пальма. Она была здорова, жизнерадостна и ласкалась к людям. Злые языки говорили потом, что она питалась все это время Журавлевым. Поверить в это трудно, имея в виду общеизвестную собачью преданность, но голод не тетка, и, если допустить, что начал эту операцию какой-нибудь изголодавшийся песец, то полностью исключить ее тоже нельзя. Только на леммингах, которых мало, собака не может жить зимой на одном месте. Пальму хотели пристрелить, но «не пойманный не вор», и она благополучно добралась до Озера. На Озере она вскоре ошенилась, оказавшись тем самым прародительницей всей своры собак, принадлежавших нашей экспедиции. До этого там были только собаки *Петра Степановича Свирненко*, но они так и остались «полярскими собаками». Позже я много работал с этим пальминым потомством, возможно, вскормленным еще в чреве матери человечинной, и среди них были отличные псы. Особенно запомнились два кобеля, очень похожие на мать — Монгол и Куцый. Куцый — это потому, что еще щенком он приморозил хвост в собачнике, долго болел после этого и ходил как-то согнувшись.

XVI

После гибели Журавлева в домике у рыбаков освободилось одно спальное место, и это место сразу же занял Вакар, испросив на то разрешение у хозяев. Вакар был профессором, а рыбаки всегда уважительно относились к профессорам. В результате этого я тоже стал бывать у рыбаков почти ежедневно, так как мы с Вакаром пытались

камеральничать. Это было очень интересно, потому что именно там, у рыбаков, постоянно собирались очень хорошие люди. Они все обязательно что-нибудь делали, и в этой, в сущности, очень маленькой избушке, как и в каждом крестьянском жилище, как-то очень просто и естественно устраивались крохотные и сугубо локальные сферы деятельности каждого. Хотя было тесновато, никто никому не мешал, очень уважительно относясь к любому чужому труду.

Около входа, между одной из стен и огромной плитой, топившейся дровами, устраивался Семен со своими бочками. Место это естественно определялось тем, что в топку плиты проще всего убирать стружки. Работал он быстро, сноровисто, весь нужный инструмент был у него постоянно под руками, на круглом, неизменно улыбающемся лице поблескивали капельки пота, и на него было очень весело смотреть. Не знаю как для кого, вообще говоря, а для меня всегда было высшим удовольствием незаметно и неназойливо наблюдать за сноровистой работой мастера, постоянно любуясь им и постоянно пытаюсь постичь лаконичнейшую и изящнейшую логику последовательности его действий.

Противоположная от входа стена избушки была занята нарами. В левой половине, как раз напротив входа, нары были двойные, нижние и верхние. Внизу было место Семена, а над ним раньше спал Журавлев, а теперь Вакар. В правой половине было только одно нижнее спальное место, которое принадлежало Мише. Все пространство над ним в дальнем от входа углу стены занимали висящие сети, которые Миша постоянно надвизывал, ремонтировал или вязал заново. Миша сидел лицом к стене, и руки его с челноком и линейкой двигались удивительно ритмично, как в танце, и этот ритмичный танец рук, формировавшийся в течение многих веков, казался нескончаемым.

Длина стены, вдоль которой размещались нары, равнялась не более 4-х метров. Приблизительно такой же была и перпендикулярная стена, так что площадь избушки составляла не больше 16 м². Преобладающую часть этой площади занимали упомянутая выше плита и примерно такой же стол, стоящий посередине избушки. За столом почти всегда работал *Владимир Михайлович Травин*. Маленькие тисочки, маленькие молоточки, напильнички, щипчики, кусачки, отверточки, оправочки и прочий очень изящный ручной инструмент, почти весь полированный с полированными деревянными ручками, аккуратнейшим образом располагался на столе и по мере надобности применялся в деле. Не всегда сразу был ясен замысел Владимира Михайловича. Вначале из узких полосок тонкого листового алюминия изготавливались идеально прямые уголки, согнутые по длинной оси. Потом лакировались и полировались небольшие куски фанеры, и в результате получался ящичек, смонтированный на каркасе из этих уголков. Потом этот ящичек заполнялся содержанием из разных проволочек, сопротивлений, конденсаторов; на его внешней поверхности появлялись черные ручки управления, и все это превращалось в длинноволновый приемник, специально предназначенный для сигналов точного времени, необходимых нашим астрономам.

Иногда Владимир Михайлович в этой же избушке устраивал фотоателье. Паша Плечов, «директор» нашей электростанции, каковой именуется замасленный и универсальный в то время двигатель Л-12 с генератором, отключал некоторых не очень-то важных потребителей, а у рыбаков дополнительно включал две пятисотваттные лампы. На треноге устраивался «Фотокор», и Владимир Михайлович «делал портрет». Почти все наши зимовщики получили по такому портрету.

Почти всегда за тем же рыбацким столом работал Всеволод Владимирович Шурухин, один из первых отечественных геофизиков, занимавшихся радиоактивностью. В войну он попал в плен, был лишен допуска, и Кошкину пришлось приложить немало усилий к тому,

чтобы взять его с собой в экспедицию, нелегально поручив работу с хорошо известной этому Шурухину радиоактивностью.

Наиболее чувствительным в те годы прибором, предназначенным для исследования радиоактивности, был обыкновенный электроскоп, заряжавшийся статическим электричеством при помощи стеклянной палочки и трения. Электроскоп был вмонтирован в металлический колпак вроде небольшой кастрюли вверх дном, а к колпаку приделан микроскоп малого увеличения так, что лепестки электроскопа были хорошо видны в виде тонких линий на просвет. Оптическая система, снабженная отсчетным устройством, позволяла измерить угол между этими лепестками.

Всеволод Владимирович накрывал колпаком электроскопа исследуемый образец породы, лежащей на столе, и заряжал электроскоп до максимального угла между лепестками. После этого включал секундомер и наблюдал скорость изменения угла между этими лепестками. Величина этой скорости пропорциональна содержанию радиоактивных компонентов, вызывающих ионизацию воздуха и соответствующий разрез электроскопа. Всеволод Владимирович записывал эту величину, откладывая в сторону измеренный образец и брал следующий.

Время от времени в домике рыбаков поспевала брага. Тогда дневной ритм жизни существенно нарушался, но рыбаки считали, что такие периодические нарушения всякому живому организму абсолютно необходимы. У Кошкина на зимовке «сухой закон», однако, поскольку рыбаки являлись самостоятельной организацией, не подчиняющейся Кошкину, они могли гулять сколько угодно. Естественно, что они были вправе приглашать и любых гостей.

Нам с Вакаром отвели рабочее место в рыбацком домике за маленьким столиком у наглухо заколоченного снаружи единственного окна. Я продолжал заниматься той же картой, которую начал еще на озере. Делать-то, по существу, было нечего, так как маршрутов немного и записанные в дневнике азимуты уже нанесены, а все вакаровские сотни шагов уже пересчитаны в метры. Пытаюсь фантазировать по поводу окружающей ситуации, преимущественно по памяти изображая встречавшиеся по пути реки и горы. Эта карта, составленная черной тушью на голубой полотняной кальке, хранится в архиве нашего института до сих пор. Как-то однажды, пытаюсь отыскать в этом архиве нужный документ, я заглянул в папку с полевыми материалами тех очень давних теперь лет. Удивительно, но они сохранили даже специфический запах зимовки. По поводу подобных материалов принято говорить, что они имеют теперь лишь историческое значение. Все это, несомненно, так, но также несомненной представляется и несовместимость в этой фразе пренебрежительного словечка «лишь» с величественнейшим понятием «История».

Похоже на то, что вещи, как и люди, начинают приобретать особую ценность только в том случае, если волей судьбы им посчастливится заметно преодолеть некий естественный порог среднестатистической границы между жизнью и смертью. О полевых материалах *Эдуарда Васильевича Толля*⁸⁾ или, тем более, *Беринга*⁹⁾, например, сейчас никто не скажет, что они имеют «лишь историческое значение». Наши полевые материалы, лежащие в архиве института, отличаются от них по существу-то лишь тем, что они еще сравнительно молоды и еще только-только подошли к той самой проклятой границе, установленной разного рода инструкциями и административными указаниями, когда окажутся совсем ненужными для практических дел и даже без выхода на пенсию будут уничтожены. Может быть, какому-нибудь дневнику или какой-нибудь карте посчастливится проскочить сквозь эту границу, и тогда они станут «Историей» уже с большой буквы, и с них реставраторы будут сдувать пылинки. Хотелось бы, чтобы и та самая моя карта, составленная на голубой полотняной

кальке у заколоченного досками окошка в рыбацком домике на мысе Остен-Сакена, оказалась среди них.

XVII

У Вакара была дурная привычка подниматься с постели очень рано, часов в шесть утра, пить чай, чем-то греметь и вообще развивать в эти утренние часы самую бурную деятельность. Зато после обеда ему обязательно надо было полежать часа два-три с книжечкой на своем месте на верхних нарах в этом гостеприимном рыбацком домике. Однажды он читал какую-то полунаучную-полупопулярную книжку с картинками о разных доисторических животных, и все эти звери ему приснились. Он проснулся в каком-то радостном возбуждении и сразу же погнал меня на помойку собирать пустые консервные банки из-под американской свиной тушенки, в огромном количестве завезенной на Север в годы войны. Из этой золотистой жести он сразу же, в один присест, нарезал ножницами множество этих ужасных чудовищ и тут же придумал нарядить ими новогоднюю елку, о которой никто и не помышлял.

Елку эту пришлось сделать *Владимиру Михайловичу Травину*, и он это сделал с любовью. Он вырезал из плотной бумаги «еловые лапы» и раскрасил их ядовито-зеленой тушью. Множество этих «лап» монтировалось на проволочном каркасе, изготовленном в виде вытянутого конуса с диаметром основания около полутора и высотой до двух-трех метров. «Елка» была подвешена за вершину этого конуса к гвоздю на потолке в нашей кают-компании, о которой уже говорилось, и украшена гирляндами маленьких лампочек и жестяными вакаровскими зверями. Вообще-то она очень мало напоминала елку, потому что зеленые «лапы» могли восприниматься как еловые только в плане, а на проволочном каркасе они рассматривались с торца и выглядели просто как бумага, немного согнутая для жесткости и объемности по длинной оси. Но, удивительное дело, по вечерам у этой «елки» и до, и после Нового Года собирались люди и подолгу молча, в полной тишине, смотрели на нее. И если ненароком, как бы искоса скользнуть взором по их слабо освещенным этой новогодней иллюминацией лицам, то, прежде всего, ярко высвечивались блестящие бисеринки лампочек этих самодельных елочных гирлянд, многократно отражавшиеся в глазах.

Новый 1947 год встречали все вместе за длинным праздничным столом, сооруженным из разных подручных средств в нашей «плебейской» половине дома. Этот стол «протыкал» все комнаты насквозь, имея в виду и двери, соединявшие эти комнаты. В результате получилось, что все те, кто сидел в дальней от выхода комнате, оказались весьма прочно замурованными этим длинным столом, стоящим в дверях, и они могли осуществлять свой выход только по самой крайней нужде, и только поднырнув для этого в дверях под столом. Однако это никого не смущало, и праздничный ужин получился на славу. Кошкину как-то удалось сберечь двух или трех приличных гольцов, привезенных еще с Озера во время нашего вездеходного рейса. *Боря Мышкарев* соорудил какую-то немислимую запеканку из всех каш и консервов, какие у него были, и, конечно же, на эту единственную ночь в году был кардинально отменен «сухой закон», безраздельно господствовавший на Остен-Сакене во все остальное время. Танцев не было, поскольку не было дам, а песни были. Как-то получилось так, что я оказался за столом совсем рядом с *Михаилом Григорьевичем Равичем*, и вдруг выяснилось, что он отлично поет.

Во время учебы в кружке Равич был для нас недостижимым «белым богом», и никакого общения, кроме официальных занятий, конечно, не было. Практически не было никакого общения и на зимовке, потому что за дровами начальство не ездило, баню не топило, лед на камбуз не возило и вообще жило какой-то своей особой и не всегда понятной для нас жизнью. А за столом вдруг оказалось, что это такие же люди, как и все.

Любимой песней Равича была «Москва майская», и он запевал ее звонко и с чувством. Мы пели, обнявшись, вплоть до потери сознания.

После Нового Года и до самого конца зимовки никаких особых событий, кажется, не происходило. По-прежнему ездили за дровами и кололи лед на камбуз. Рядом с домом построили большой снежный гараж для вездеходов. Его прокопали до грунта в огромном снежном надуве, образовавшемся к середине зимы вокруг дома, и немного надстроили стены из снежных кирпичей. Снег был утрамбован ветрами до прочности кускового сахара, и его пилили ножовками. В качестве крыши использовали большой брезент. Во время работы механики жгли паяльные лампы, и в этом леднике было довольно тепло, хотя и небезопасно, так как почти все содержимое было взрывоопасным.

Постоянно ждали самолета. Самолет тогда был в диковинку, и никто не знал в точности, какие требования предъявляются авиацией к пассажирам. Некоторые считали, что будут взвешивать только груз и багаж, а другие утверждали, что взвесят также и каждого пассажира. Последнее было очень важно, так как почти у всех вылетавших на материк был какой-нибудь нелегальный или полунелегальный груз, предназначавшийся к вывозу. Кто-то выменял у рыбаков десяток-другой соленых омулей или чиров и хранил их завернутыми в тряпочку где-нибудь в укромном местечке. Кто-то еще во время разгрузки «добыл» для себя несколько банок сгущенки и берег их как зеницу ока, всю долгую зиму втайне мечтая о том, как он выложит эти банки на свой домашний стол и как восторженно встретят их все собравшиеся за этим столом. Наш главный электрик *Паши Плечов*, например, был абсолютно уверен в том, что людей-то взвешивать не будут, и поэтому пришел к внутренним полам своей шубы длиннейшие карманы, в каждый из которых вмещалось по пять-шесть литровых банок американской свиной тушенки, каким-то образом накопленной и сбереженной им.

У меня никаких консервов не было, но еще на Озере, когда мы камеральничали с Вакаром в нежилом финском домике, я натопил несколько мисок оленьего жира и запаковал эти белые, твердые как кость лепешки в ящики с образцами. Образцы пришли в Ленинград только через год, зимой 1947/48, когда мы вернулись с Любой из Средней Азии. В ту пору как раз была первая послевоенная денежная реформа, цены высокие, зарплата маленькая, и эти лепешки оленьего жира оченьгодились.

Первый самолет прилетел на Усть-Таймыр еще в начале марта, в сумерках. Это был знаменитый в те годы самолет ЛИ-2, а командовал им не менее знаменитый летчик *Володя Мальков*. В те годы вообще в Полярной авиации работали только знаменитые летчики, потому что других не было. С первым самолетом улетели на материк Кошкин, Равич и все другое начальство, а мы, студенты, должны были вылетать вторым рейсом. Мальков заверил нас, что, как только доберется до Диксона и высадит там первых пассажиров, так сразу же вернется за нами. Однако случилось так, что где-то совсем в другом конце Арктики, кажется, на Земле Франца-Иосифа, произошла настоящая дуэль из-за женщины, и один из дуэлянтов всадил другому «жакан» двенадцатого калибра в лоб. Мальков срочно вывез на Диксон всех троих — убийцу, покойника и женщину, а после этого был опять отправлен куда-то по не менее неотложному делу.

Мы сидели на своем опостылевшем уже Остен-Сакене буквально на чемоданах и ждали этого Малькова каждый день и каждый час. Он прилетел в самом конце апреля и именно тогда, когда мы все окончательно разуверились в авиации и когда окончательно устали ждать. Через три часа после вылета мы были уже на Диксоне. Мальков нас вытряхнул из самолета и отправился восвояси. Дальше, на Москву, нас должен был перебросить *Ваня Черевичный*. Он тогда летал на бывшем бомбардировщике, четырехмоторном ПЕ-8. Таких самолетов в Полярной авиации было всего два, и одним из

них командовал именно Черевичный, пожалуй, самый знаменитый летчик на Севере. Он незадолго перед тем, как нас привез Мальков, при посадке на лед Диксоновского аэродрома подломал шасси и ждал, когда ему привезут из Москвы нужные детали. В этом смысле нам безусловно подвезло, потому что после поломки он обязательно должен был попасть в Москву и, стало быть, какую-то долю шанса имели и мы.

Ждать пришлось не очень-то долго, но все же пришлось. Тогда никаких гостиниц для пассажиров еще не было, и жили мы вповалку на полу в кают-компаниях старого аэропорта. Когда летчики приходили на обед, нас выгоняли в коридор или вообще на улицу. Хорошо запомнилось, что именно во время этого ожидания первый раз увидел *Николая Николаевича Урванцева*. Он тогда был расконвоирован и зачем-то прилетал на Диксон на ПО-2 с Махоткиным. Их кормили в той же кают-компаниях, что и других летчиков, но отдельно и после всех. А мы искоса заглядывали на них сквозь дверь, и смотреть было очень интересно и немного жутковато, потому что это были настоящие живые «зеки».

Черевичный починил свой самолет в начале мая, и перед самым днем Победы мы оказались в Москве. Прилетели в шубах, в валенках, а в Москве было тепло и солнечно. Денег ни у кого не было, потому что как у нас, так и у всего начальства экспедиции все те живые деньги, которые были когда-то, оказались полностью растраченными еще год тому назад во время голодовки в Архангельске. Попав в Москву, кое-как добрались до Ленинградского вокзала и тут же перед вокзалом открыли торговлю тушенкой и прочими своими ценностями для того, чтобы наменять денег на билет.

Дома встретил родной уют, маленькая Ленка, удивленно таращившая глазенки на невесть откуда появившегося папу, и новые заботы. Из института, конечно, исключили за опоздание на год, делать было нечего, и мы всей семьей приблизительно через две недели после моего возвращения с Таймыра уехали в Среднюю Азию, устроившись на работу в одну из партий ВСЕГЕИ.

Из воспоминаний о службе в армии в 1940 г.

...Это было еще до войны по первому году службы в армии. В ту пору вводился лозунг «в учении, как в бою». Однажды зимней ночью нас подняли по тревоге, и мы куда-то пошли. Шли всю ночь и весь следующий день. Армейский поход отличается от всех прочих походов прежде всего тем, что ничего не знаешь. Не знаешь, куда идешь, зачем идешь, сколько еще идти. Время от времени раздаются команды: «танки слева», «конница справа», или иные, аналогичные. В любом случае нужно ползти по снегу, делать короткие перебежки, окапываться и так весь долгий день. Поздно ночью пришли в заснеженный еловый лес. Была подана команда — строить зимний лагерь. Малыми саперными лопатками при свете костров долбили мерзлую землю и строили землянки. Нужно было сделать землянку для каждого отделения. Сначала вырыли яму длиной метра три, шириной метра два и глубиной около метра. Потом по торцам ямы поставили по столбу, а на них вдоль оси ямы положили, никак не закрепляя, бревно. На это бревно в качестве каркаса крыши укладывали разные палки и жерди, а поверх всего этого еловый лапник. Думали, что все кончилось и можно спать в этой яме, устелив землю пахучим лапником.

Однако, едва улеглись, новая команда: заваливать землянки землей, поскольку, какие же землянки без земли? Заваливали лапник мерзлыми комьями, пытаясь замаскировать зелень. Начальство покрикивало: «Наваливай больше — бомбить будут». Наконец утомонились. Ночью сквозь сон чувствую, что кто-то тянет за ногу. Отчаянно сопротивляюсь, но вынужден проснуться. Оказывается, одна из землянок нашего взвода обвалилась. Мерзлая земля, которой был покрыт лапник, от дыхания спящих под этой землей людей подтаяла и начала оседать. Коньковое бревно не выдержало тяжести и сломалось примерно посередине. Сломанным концом этого бревна придавило грудью к

земле одного нашего солдата — *Петра Бандуру*, и он умер, даже не крикнув. Судорожно пытались откапывать землянку, но комья земли смешались с лапником, и ничем этот завал было не растащить. Тогда множество людей уцепились за крышу, и все ее немного приподняли. Из-под земли вытащили мертвого Бандуру и положили на лапник рядом с землянкой. Последовала новая команда — отрывать землю с крыш тех землянок, которые еще не развалились. Оставили только редкий лапник. Когда это было сделано, вновь улеглись спать, оставив, однако, на поверхности дневальных. Дневальным по нашему отделению выпало быть мне. Я ходил, повесив винтовку на спину, вокруг нашей землянки, жег костер. Топливом служил все тот же еловый лапник. Брошенный в костер, он долго чадил белым пахучим дымом, а когда ветки подсыхали, внезапно вспыхивал ярким пламенем с фейерверком летящих в небо искр. Тогда ночь сразу же сгущалась, и в свете костра причудливыми тенями вырисовывалась крыша нашей лохматой землянки, а рядом, совсем вблизи, красновато светились подошвы сапог мертвого Бандуры. Спать не очень хотелось. Ходил и жег костер, стараясь не смотреть в ту сторону...

...Еловая крыша той землянки, где погиб Бандура, зашевелилась. Ужас был от того, что в сознании мелькнула мысль — не схожу ли с ума. Там никого не могло быть, но кто-то там шевелится. Потом показалась рука и лицо с горящими при свете костра глазами. Человек уже вылез, когда я оправился от шока. Это был Сипко. Он так устал во время нашей игры в войну, что ничего не слышал. Он спал в углу и оказался незасыпанным. Над ним ходили, кричали, вытаскивали Бандуру, раскапывали землю, а он спал. Только когда сильно озяб, проснулся и стал потихоньку выбираться.

Об авторе

Леонид Андреевич Чайка (1922-1985г.г.) видный исследователь геологии Арктики. Один из славной плеяды старейших сотрудников НИИГА-Севморгео - ВНИИОкеангеология, участник многих, в т.ч. круглогодичных экспедиций. Особенно значителен вклад Леонида Андреевича в изучение Таймыра в конце 40-50 гг.

Геологией на всю жизнь увлекся в 7 классе школы, посещая занятия геологического кружка Ленинградского Дворца Пионеров, которым руководил *М.Г.Равич*.

В 1938–1940 гг. работал коллектором в экспедициях ВСЕГЕИ. В 1940 году после окончания школы был призван в армию. С сентября 1940 г. - курсант школы младших командиров в г.Белостоке, где и застала его Великая Отечественная война. Был награжден орденом Отечественной войны, медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией».

В 1947 г. поступил на работу в НИИГА. В 1953 г. окончил заочно геолфак ЛГУ. В полевые сезоны в качестве высокопрофессионального петрографа-геохимика проводил исследования в различных районах Таймыра. Его труды немало способствовали раскрытию минерально-сырьевого потенциала региона. Совместно с *В.А.Вакаром* является первооткрывателем 2-х полиметаллических месторождений.

Интерес Леонида Андреевича к расширению комплекса методов изучения горных пород привел к созданию в НИИГА петрофизической лаборатории, на базе которой был разработан ряд оригинальных методов исследования связи химизма и петрофизических свойств пород.

Результаты многоплановой профессиональной деятельности Леонида Андреевича отражены в отчетах (более 40) и в опубликованных трудах, отмечены медалью «За заслуги в разведке недр», знаком «Отличник разведки недр», грамотами Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) и Мингео СССР, редким и почетным званием «старший инженер-лейтенант» в системе ГУСМП.

Примечания:

1) *Тетяев Михаил Михайлович* (1882-1956)

Геолог-тектонист, доктор геолого-минералогических наук, профессор. В 1901 г. Поступил в ПГИ. В 1902 г. уволен из института и сдан в солдаты. В 1903 г вновь поступил и вновь исключен без права повторного поступления. В 1911 г закончил в Бельгии Льежский университет. С 1912 по 1937 гг. работал в Геолкоме – ЦНИГРИ, был зам. директора, преподавал в Географическом институте, ЛГУ, ЛГИ. В 1949 г арестован по «красноярскому делу», приговорен к 25 годам заключения в ИТЛ, где работал в геологическом отделе ОТБ-1, главным геологом «Енисейстроя», на рудном комбинате. В 1954 г реабилитирован, стал деканом геолого-разведочного факультета ЛГИ.

2) *Равич Михаил Гиршевич* (1912-78 г.г.)

Известный полярный геолог и административный деятель, доктор геолого-минералогических наук (1954), профессор, участник 5-ти Советских антарктических экспедиций, член многочисленных советских и международных комиссий и сообществ, связанных с разносторонними проблемами изучения Севера.

Выпускник ЛГИ (1936), сотрудник АНИИ (далее НИИГА) на должностях зав. лабораторией, зам. директора и зам. генерального директора по научной работе. Автор более 200 научных работ, в том числе 4-х монографий.

Лауреат Государственной премии СССР. Награжден «Орденом Трудового Красного Знамени», медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд», «Ветеран труда».

3) *Вакар Владимир Александрович* (1900-71 г.г.)

В 1929 г. окончил ЛГУ (геологическое отделение физико-математического ф-та). Работал геологом в Северо-восточной экспедиции Якутской горно-технической конторы. С 1923 г – ст. научный сотрудник и начальник Анюйско-Чукотской экспедиции АНИИ. За выполненные на северо-востоке работы в 1937 г ему без защиты присуждена степень кандидата геологических наук.

С 1939 г. – главный геолог Уральского геологического управления. С 1946 работал в АНИИ-НИИГА ст. научным сотрудником, главным геологом Таймырской экспедиции (1950-51), зав. петрографической лаборатории (1955-57). Является первооткрывателем двух полиметаллических месторождений на Таймыре (совместно с Чайкой Л.А.)

Награждён орденом «Трудового Красного Знамени» (1954), знаком «Почетному полярнику».

4) *Мутафи Николай Николаевич* (1910-41 г.г.)

Известный арктический геолог. Работал в АНИИ. В 1933 г. проводил исследования в р-не Норильского комбината. Умер в Ленинграде в период блокады.

5) *Миддендорф Александр Фёдорович* (1815-94 г.г.)

Естествоиспытатель и путешественник. В 1842-45 г.г. по поручению Петербургской АН исследовал ряд районов Сибири, в частности, Таймыр. Почётный член Петербургской АН (1865) и почетный член РГО, удостоившего его своей высшей награды – Константиновской медали.

6) *Урванцев Николай Николаевич* (1893-1985 г.г.)

Геолог, географ, полярный исследователь, доктор геолого-минералогических наук (1935), профессор (1961), почетный гражданин г. Норильска (1975), первооткрыватель

Норильских месторождений медно-никелевых руд (1920, 1926) и 2-х месторождений каменного угля (1919, 1948).

В 1937 г арестован и осужден на 8 лет ИТЛ. В 1945 г освобожден и оставлен в ссылке при Норильском комбинате, геологической службой которого руководил еще находясь в заключении. Реабилитирован в 1954 г. В 1958 г. вернулся в Ленинград, где работал в НИИГА ст. научным сотрудником и зав. отделом. Является автором около 150 научных трудов, в том числе 5-ти монографий и 4-х книг геолого-исторического характера. Удостоен звания «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР». За выдающиеся заслуги в освоении Крайнего Севера награждён 2-мя орденами Ленина, орденом «Трудового Красного знамени», Большой золотой медалью Географического общества СССР. За находку почты Амундсена получил от Правительства Норвегии золотые часы.

7) *Марков Фёдор Григорьевич* (1907-83 г.г.)

Выпускник ЛГИ (1937), доктор геолого-минералогических наук (1955), профессор (1955). С 1948 по 1982 г.г. работал в НИИГА ст. научным сотрудником, зав. сектором, зав. отделом. Автор 159 научных трудов. Награжден орденом «Трудового Красного Знамени», медалями «За Трудовую доблесть» и «За доблестный труд в ВОВ 1941-1945гг», знаком «Отличник разведки недр» и «Почетный полярник».

8) *Толль Эдуард Васильевич* (1858-1902 г.г.)

Участвовал в экспедиции Петербургской АН под руководством *Л.А.Бунге* на Новосибирские о-ва (1885-86), возглавлял геологическую экспедицию Петербургской АН в Якутию и на северные окраины Азиатского континента (1893), плывал к берегам Шпицбергена (1899). Также известен попытками найти Землю Санникова. Погиб с тремя спутниками в р-не о. Беннета, где были найдены коллекции и документы, но люди не обнаружены. Награждён РГО медалью Пржевальского.

9) *Беринг Витус (Николай Николаевич)* (1681-1741)

Офицер русского флота, выходец из Дании. Известен выдающимися экспедиционными плаваниями, приведшими к многочисленным географическим открытиям у северного и северо-восточного побережий Сибири.

При составлении примечаний использованы:

1. Сборник НИИГА-ВНИИОкеангеология «На пути к недрам Арктики, Антарктики и Мирового океана», вып. II, ч. I, Спб, 2006
2. Г.П. Аветисов – «Арктический мемориал, Спб, 2006
3. Сб. «Репрессированные геологи» под ред. В.П.Орлова, М-СПб, 1995
4. БСЭ №№ 5, 42

Список сокращений

АН – Академия наук

АНИИ – Арктический научно-исследовательский институт (ныне ААНИИ – Арктический и Антарктический НИИ)

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

ЛГИ – Ленинградский горный институт

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

НИИГА – научно-исследовательский институт геологии Арктики (далее, ВНИИОкеангеология)

РГО – Русское географическое общество

ЦНИГРИ – Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт

Л. А. Чайка, Таймыр, апрель 1947.

1. Хатанга, август 1950г.

2. Хатанга, август 1950г.

3. Л.А. Чайка с женой Любой, 1950.

4. В.А. Вакар и Л.А. Чайка, 1951.

5. Таймыр. В маршруте.

6. Таймыр. В маршруте. 1951.

8. Л.А. Чайка, Таймыр, 1951.

9. Бразильский нож на росомаху, Таймыр, 1946 г.

10. Л. А. Чайка, 1975 г.

СТЕНДЫ ОФИЦИАЛЬНЫЕ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ, ЮБИЛЕИ И ПР.
(ИЗ ФОТОАРХИВА ОТДЕЛА НЕФТЕГАЗОНОСНОСТИ АРКТИКИ И МИРОВОГО ОКЕАНА – ОНАиМО)

У истоков НИИГА - ВНИИОкеангеология
Руководящий состав и ведущие ученые

Б.В.Ткаченко
инженер-генерал, директор
Северного Морского пути
кандидат геолого-
минералогических наук
директор ИИГА

В.М.Лазуркин
кандидат геолого-
минералогических наук

В.И.Захаров
заместитель директора

Н.Н.Урванцев
первооткрыватель
Норильских медно-никелевых руд,
профессор, заслуженный деятель
науки и техники РСФСР

С.И.Иванов
кандидат геолого-
минералогических наук

М.Г.Равич
доктор геолого-
минералогических наук,
профессор

М.Ф.Лобанов
кандидат геолого-
минералогических наук

Н.А.Гедройц
доктор геолого-
минералогических наук

В.Н.Сакс
доктор геолого-
минералогических наук,
профессор,
член-корреспондент АН СССР

Г.Л.Вазбуцкий
кандидат геолого-
минералогических наук

Н.А.Шведов
кандидат геолого-
минералогических наук

Ф.Г.Марков
доктор геолого-
минералогических наук,
профессор

Р.М.Деменичкая
доктор геолого-
минералогических наук,
профессор,
почетный академик РАН

К.К.Демокидов
кандидат географических наук

И.П.Атласов
доктор геолого-
минералогических наук,
профессор

В.А.Вакар
кандидат геолого-
минералогических наук

Сотрудники НИИГА - ВНИИОкеангеология,
Лауреаты Ленинской и Государственной премий СССР,
Государственных премий РФ, премий Совета Министров СССР

САМСОНОВ
Николай Николаевич
Государственная премия СССР, 1951 г.

РАВИЧ
Михаил Григорьевич
Государственная премия СССР, 1971 г.

ГРИНТАЛЬ
Эдуард Францевич
Ленинская премия, 1966 г.

Государственная премия СССР, 1983 г.

СЕМЕНОВ
Юрий Павлович

ЛАПИНА
Нина Николаевна

КУЛИКОВ
Николай Николаевич

ЕГИАЗАРОВ
Борис Христофорович

ГРАМБЕРГ
Игорь Сергеевич
Государственная премия СССР, 1983 г.
Государственная премия РФ, 1995 г.

Государственная премия СССР, 1986 г.

КАРАСИК
Аркадий Михайлович

ДЕМЕНИЦКАЯ
Раиса Михайловна

КИСЕЛЕВ
Юрий Георгиевич

ГАПОНЕНКО
Георгий Иванович
Премия Совета Министров СССР, 1991 г.

82-летие одного из основателей института *Виктора Михайловича Лазуркина* (конец марта 1992 г.)

В кабинете *И.С.Грамберга* (слева направо):

В.М.Лазуркин, В.И.Бондарев, Ю.Е.Погребицкий, Д.С.Сороков, Р.Ф.Соболевская, О.И.Супруненко, Э.М.Литвинов, Д.В.Лазуркин,

Я.В.Неизвестнов, Д.В.Семевский, Э.М.Красиков, О.Г.Шулятин

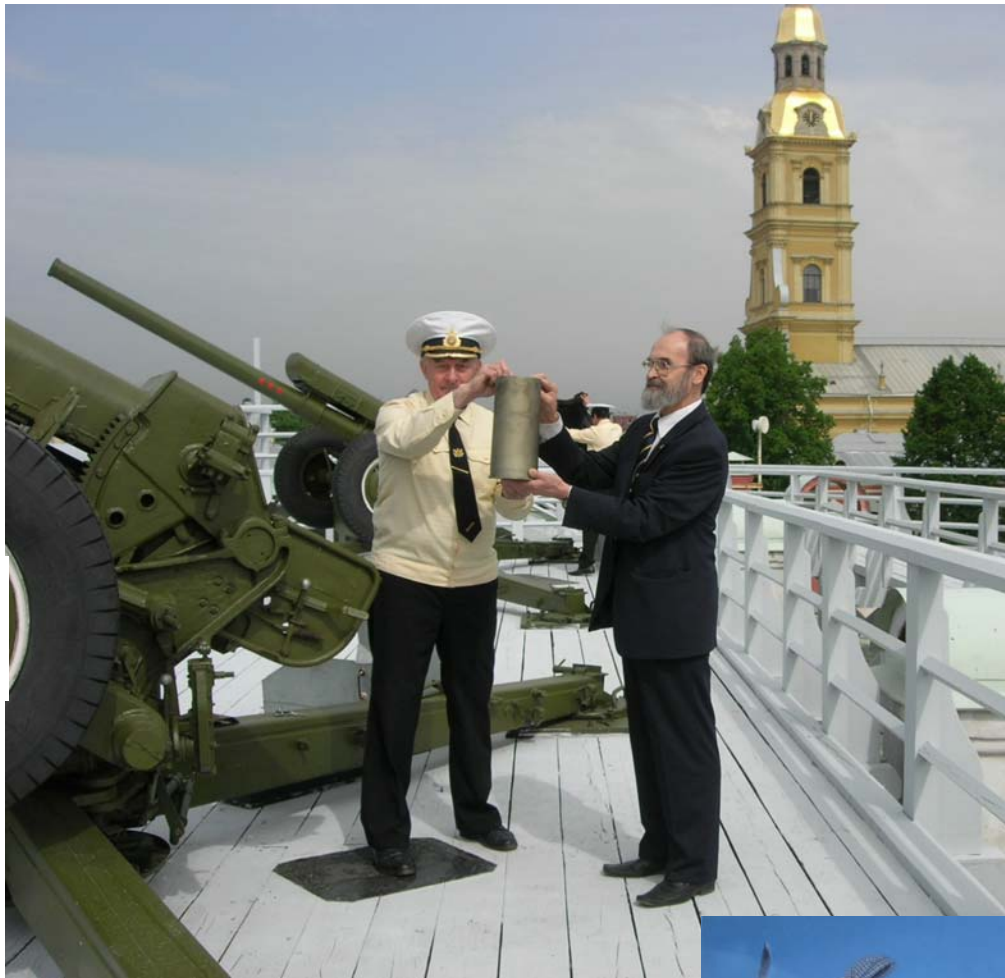
Торжества по случаю 50-летия НИИГА-ВНИИОкеангеологии
(27 ноября 1998 г., культурный центр ААНИИ)

Слева направо: *О.И.Супруненко* , *Т.Ю.Медведева*, *И.В.Губанов*, *В.В.Жуков*, *И.С.Грамберг*, *В.Я.Кабаньков*, *Ю.П.Семенов*

Фотостраница редактора

214

В полдень 30.05.2007 г. пушка возвестила,
что уже стукнуло 70!

100 дней замдиректорства...

Наш «ЧЕ ГЕВАРА»!!!

В отделе нефтегазоносности Арктики и Мирового океана в День Защитника Отечества – все моряки!!! (2008)
Слева направо: *М.К.Косько, Н.М.Столбов, Д.О.Прищеп (глаза), Е.Б.Суворова, Д.В.Лазуркин, Д.С.Яшин, В.И.Устрицкий, Н.В.Устинов, Б.И.Ким, О.И.Супруненко*

В.И.Устрицкому – 85 лет (13 мая 2008 года) Всеобщий праздник!

Слева направо: Н.М.Столбов, Е.А.Кораго, С.Ф.Стойнов, Л.Г.Повышева, Э.Н.Преображенская, Н.М.Устинов, В.И.Устрицкий,

Т.М.Пчелина, М.К.Косько, О.И.Супруненко, А.И.Трухалев, В.И.Петрова